

Ф.Т. ЮЛДАШЕВ

**ВЫДАЮЩИЕСЯ ЗАСЛУГИ
АМИРА ТИМУРА
ПЕРЕД СВОИМ НАРОДОМ И ОТЕЧЕСТВОМ**

МОНОГРАФИЯ

ТАШКЕНТ 2022

Оглавление

Введение	3
Глава I.	5
СРЕДНЯЯ АЗИЯ В XIII-XIV ВЕКАХ. МЕЖДОУСОБНЫЕ ВОЙНЫ ЗА ПРАВО ВЛАДЕТЬ МАВЕРАННАХРОМ.	5
Глава II.	12
ВОСХОЖДЕНИЕ АМИРА ТИМУРА НА ПРЕСТОЛ	12
Глава III	19
ЕДИНОДЕРЖАВИЕ АМИРА ТИМУРА, ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ И ПОЛИТИКА В ГОСУДАРСТВЕ	19
Глава IV	24
ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ АМИРА ТИМУРА, РАЗВИТИЕ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ.	24
ПОХОД В ПЕРСИЮ	24
ПОХОД НА ЗОЛОТУЮ ОРДУ И СРАЖЕНИЯ С ТОХТАМЫШОМ.	27
ПЯТИЛЕТНИЙ ПОХОД В ПЕРСИЮ И МЕСОПОТАМИЮ.....	37
ИНДИЙСКИЙ ПОХОД.....	44
ПОСЛЕДНИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И ПОБЕДА НАД МАМЛЮКАМИ	50
БИТВА ПРОТИВ ОТТОМАНСКОГО СУЛТАНА БАЯЗИДА	61
ГЛАВА V.....	70
УЛОЖЕНИЕ АМИРА ТИМУРА	70
ГЛАВА VI.....	170
РАЗВИТИЕ НАУКИ И ИСКУССТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ АМИРА ТИМУРА.....	170
АНГЕЛ СМЕРТИ АЗРАИЛ, ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ И НАСТАВЛЕНИЯ АМИРА ТИМУРА	178
ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ АМИРА ТИМУРА	189
ПРИМЕЧАНИЕ	214
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	226

Введение

Известно огромное количество источников, в которых хорошо освещены жизнь и деятельность Амира Тимура. Эти источники в основном носят повествовательный характер.

Существуют сочинения мемуарного характера, которые писались людьми, лично видевшими или общавшимися с Амиром Тимуром. Также существуют источники о деятельности Амира Тимура, написанные вскоре после его смерти. Большое значение в вопросе изучения биографии Амира Тимура имеют этнографические памятники – это произведения искусства, надписи на всевозможных постройках, связанные с именем Амира Тимура. Среди источников необходимо отметить выдающийся труд, составленный на арабском языке Ибн Арабшахом «Чудеса предопределения в событиях (жизни) Амира Тимура».

Следующим источником, заслуживающим внимание является работа Рюи Гонзалеса де Клавихо, который был отправлен кастильским королем Генрихом III ко двору Амира Тимура в Самарканд. Посольство выехало из Испании в 1403 году и вернулось в 1406 году, в Самарканде посольство находилось большую часть 1404 года. Посол Клавихо общался с Амиром Тимуром, объездил города в государстве Амира Тимура, всё что он увидел он записал в свой дневник. Так как Клавихо являлся независимым иностранцем гостившем у Амира Тимура, то он писал обо всем увиденном абсолютно беспристрастно.

Существует еще один ценный источник «Дневник индийского похода», написанный Гияс ад-дином Али. Работа Гияс ад-дина Али была написана в 1403 году. Следующий источник – это «Книга побед» («Зафар -Намэ»), написанная Низам ад-дином Шами. Вторым крупным сочинением о жизни и деятельности Амира Тимура является труд Шараф ад-дина Али Иазди «Книга побед» («Зафар -Намэ»), которое было закончено в 1425 году. Имеется ещё

один ценный источник в деле изучения биографии Амира Тимура, автором которого является Муин ад-дин Натанзи.

Название этой работы «Аноним Искандера», которая была написана на тюркском языке в 1413 -1414 годах. Также много информации было получено из источников, таких авторов как Хафизии Абру, Абд ар-Раззак Самарканди и Мирхонда. Огромную роль в качестве первоисточника играют памятники культуры знаменитой тимуровской архитектуры – это мечети, мавзолеи, дворцы, ханаки.

Мы постараемся в нашей работе максимально осветить жизнь и деятельность Амира Тимура, чья военная доблесть принесла славу великого правителя и полководца, а опыт его сражений вошёл в учебные планы всех военных академий мира. Также Амир Тимур был дальновидным и опытным политиком и в то же время являлся проницательным дипломатом. Амир Тимур был наделен огромными способностями и несомненным личным обаянием, он вел долгие беседы с учеными и философами, а также с поэтами и художниками, прекрасно играл в шахматы. Амир Тимур являлся покровителем искусств, а также с ним связано начало среднеазиатского ренессанса. В этом месте хотелось бы вставить одну фразу - «Талантливый человек, талантлив во всем» как сказал Лион Фейхтвангер, талант — это дар Бога. Дар тайный сокровенный.

Глава I.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В XIII-XIV ВЕКАХ. МЕЖДОУСОБНЫЕ ВОЙНЫ ЗА ПРАВО ВЛАДЕТЬ МАВЕРАННАХРОМ.

*«Каждый видит, каким ты кажешься,
но мало кто чувствует. каков ты есть.»*
Никколо Макиавелли

Будучи расположенным между основными центрами древней культуры – Китаем, Индией и Месопотамией - Средняя Азия извлекла огромную пользу, а также внесла значительный вклад в торговлю между этими регионами.

В мирное время, когда не было войн, развивалось народное хозяйство, что привело к расширению ирригационной сети и к увеличению обрабатываемых земель, вокруг которых образовывались сильные государства. К сожалению, достаточно было одной войны или набега кочевников, чтобы разрушить эти сооружения или захоронить плодородные земли под пески. Земли, расположенные между двумя основными реками этого региона, Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей известны из арабских источников как Мавераннахр (то, что находится за рекой). Аму-Дарья и Сыр-Дарья сбрасывают свои воды в Аральское море. Между Каспийским морем и Аму-Дарьей простираются пески Кара-кумов (Чёрные пески), а между Аму-Дарьёй и Сыр-Дарьей расположены Кызыл -Кумы (Красные пески).

На востоке от Сыр-Дарьи находится степь, которую называют Голодной степью. Позже в эти места пришли гуны, тюрки, татары, кочевники с северных степей и из Монголии. Цивилизованные общины существовали в Средней Азии несколько тысяч лет, в них развивались торговля, ремесла, и сельское хозяйство. Территорию всей Азии пересекали торговые пути и существовали торговые караваны.

Из районов верхней Аму-Дарьи Шумерийцы закупали ляпис-лазурь и обменивались на продукцию ремесленников других регионов. В шестом или

седьмом веках до нашей эры вокруг дельты Аму-Дарьи развивалось государство Хорезм, которое существовало многие столетия.

Ученые считают, что зороастрийская вера, возникла в этих местах и что здесь была написана их священная книга, Зенд-Авеста». Эта вера стала господствующей в древней Персии и Средней Азии. Кроме Хорезма крупные поселения в Средней Азии были образованы в долине Зарафшана, в Бактрии, в Мерве. В этих странах использовался труд рабов. В работах Геродота (483-425 г. до нашей эры) описываются торговые пути и караваны, проходившие через Азию. Геродот писал о путешественнике Аристиде Мраморном, который был в этих местах около двухсот лет ранее. Аристид рассказывал о том, что встречал хороших воинов -кочевников, которые проживали за рекой Урал. Также он упоминал о том, что у этих кочевников было много лошадей, скота и овец.

Позже в четвертом веке до нашей эры в Средней Азии сражался Александр Македонский. Македонский встретил очень сильное сопротивление со стороны местных правителей Спитамена и Оксикарта. Тем не менее он завоевал Бактрию, но вынужден был потерять большое количество своих воинов у города Мараканд, современный Самарканд. Но как бы стойко не сражались Маракандцы Александр Македонский захватил город. Среди пленников была дочь правителя Роксана. Александр женился на Роксане. В этом же месте Македонский убил своего советника и друга Клетуса в припадке пьяного гнева.

Македонским было основано огромное количество Александрий, самая далекая находилась на берегах Сыр-Дарьи, в трех с половиной тысячах миль от Македонии.

Возвращаясь домой, Александр Македонский оставил наместником одного из своих приближенных Селевка, который стал правителем этих провинций. От государства Селевкидов пошло греко-бактрийское царство, которое включало в себя Южный Мавераннахр и долину Зарафшана. В этот период стали устанавливаться связи и контакты с Китаем, а также

продолжались и сохранялись отношения между Средней Азией, Индией, Восточным Средиземноморьем.

Император ханьской династии Ву-Ти (140 г. до н.э.) стремился открыть торговые пути между Китаем и другими государствами и народами, он отправил Чжан Кяна послом в Среднюю Азию. Каждый год император отправлял не менее пяти миссий на запад в сопровождении нескольких сот стражников. Они везли шёлк, металлические изделия, которые обменивались на нефрит, коралл, лошадей и другие товары из Средней Азии. Огромный интерес в шёлке был у представителей Европейских народов, у которых шёлк считался предметом роскоши. После рассказов посла Чжан Кяна, о том сколько породистых лошадей и других богатств он видел в Средней Азии, император снарядил экспедицию против Ферганы. Была отправлена сотысячная армия. Силами этой армии Фергана была покорена, в дань входила также партия из жеребцов, которую Фергана была вынуждена платить Китаю. С этого времени Средняя Азия находилась в течении нескольких столетий под влиянием Китая. Жители Ферганы научились у китайских ремесленников искусству изготовления сосудов из серебра и золота, а также оружия из железа, привезенного из Китая.

Также китайцы привезли технику бурения колодцев. А ферганцы в свою очередь научили китайцев искусству обработки клевера и виноградников. Через Среднюю Азию шелк из Китая шел в Персию, где тоже очень ценили шёлк. От Мавераннахра главная магистраль дороги шла через Хоросан в Месопотамию и к Средиземноморью. Весь путь составлял более шести тысяч миль от Шенси в Китае до Тира на востоке. Это был Шёлковый путь. В Европе думали, что шёлк растёт на деревьях, что только китайцы знают секреты этой культуры. Во времена правления Августа римляне платили за шёлк специями, стеклянными изделиями, обработанным кристаллом и шерстяными товарами. Благодаря Шелковому Пути Согдиана (долина Зарафшана, Фергана и Хорезм) стали преуспевающими центрами. Ремесленники в этих городах перенимали технологии производства металлических изделий у китайцев, а также

производство стеклянных изделий у европейцев. Ирригационные мероприятия стимулировали развитие хлопководства и виноградарства. Также дорогим ликвидным товаром были ферганские лошади. Культурные и торговые связи по Великому Шёлковому Пути доходили до Индии и других государств Азии.

Буддизм пришёл в Среднюю Азию и пустил свои корни вместе с зороастрийской верой. В начале первого столетия нашей эры буддизм был привнесён в Китай из Средней Азии. После пятисотлетнего царствования Кушанов, Средняя Азия подверглась нашествию племен эфталитов или белых гуннов. Примерно через столетие эти гунны были вытеснены тюрками, группой племен из Монголии. Тюркские племена были организованы в роды, но в социальной структуре наблюдалась поляризация: высшая элита имела военные отряды, которые насчитывали сотни тысяч лучников, на другом полюсе развивалось рабство. Племена тюрков захватывали земли и богатство своих соседей и создали самую обширную кочевую империю. Им платили дань все народы от Китая до Персии и Византии. Между Средней Азией стали ходить регулярно караванные миссии. Среднеазиатские торговцы приобрели монополию на торговлю шёлком. В течении нескольких столетий со второго века до нашей эры до примерно восьмого века нашей эры, Средняя Азия полностью монополизировала торговлю с Востоком.

К 1250 году территории Средней Азии, которые входили тогда в Чагатайский улус, вышли из повиновения дому Чагатая. Представитель Золотой Орды хан Батый с сыном Тулуя Мунке заключил союз против потомков Чагатая и Угедея. На курултае, проходившем в 1251 году в Каракуруме Мунке при участии Батыя, захватил власть над монгольской империей. Когда Мунке почувствовал первые признаки неповиновения его власти, он начал преследования и истребления членов семей Угедея и Чагатая. Последствием этого переворота была передача Мавераннахра под власть Золотой Орды. Брат Мунке Хулагу совершил поход в Иран, который был захвачен и завоеван.

Вскоре в 1258 году Хулагу-хан уничтожил аббасидский халифат и захватил Багдад. Тебриз стал центром монгольского хулагидского государства. Но в шестидесятые годы внук Чагатая Алгуй сумел восстановить в Мавераннахре Чагатайский улус, золотоордынские чиновники вынуждены были покинуть Мавераннахр. В Чагатайском улусе было восстановлено правление откупщика Масудбека. Масудбек по приказу Мунке кроме Мавераннахра, также управлял городами уйгуров, Хорезмом и Ферганой. Масудбек был назначен откупщиком в Чагатайском улусе после небольшого перерыва. Чагатайских ханов мало интересовало управление Мавераннахром, их больше беспокоили доходы с этого региона, которые исправно поступали от Масудбека как откупщика податей и налогов. Но в шестидесятые годы XIII века сразу после смерти Алгуя в Чагатайском доме пошли разногласия по вопросу Мавераннахра. Главным вопросом расхождений являлось недовольство Чагатая и его окружения распространением ислама и исламской культуры. Но не все ханы так считали, например чагатайские ханы Боран-хан и Мубарек-хан приняли ислам. Церемония возведения Мубарек-хана на Чагатайский престол в 1266 году происходила не в долине Или, как обычно, а в Мавераннахре в долине реки Ангрен. Тогда же вместе с Мубарек-шахом в Мавераннахр переехали многие монгольские роды. Среди них были барласы и джелаиры. Барласы выбрали местом проживания – долину Кашкадарьи, а джелаиры долину Ангрена.

Позднее оба этих рода вошли в состав тюркских племен. В 1269 году последний Чагатайский Кайду собрал курултай в Таласской долине, где собрались монгольские царевицы. На курултае победили противники жизни в городах Мавераннахра. Они решили, что впредь будут жить, как и раньше кочевой жизнью. В это же время углублялись различия между монголами Семиречья, барласами и джелаирами. Барласы и джелаиры считали монголов Семиречья отсталыми и грубыми варварами и называли их «джетэ», что означало «разбойники». В свою очередь монголы Семиречья называли барласов и джелаиров «караунасами», то есть «метисами» и смотрели на них

с презрением как утратившим чистоту кочевнических традиций. Чагатайский улус постепенно распался на две части Мавераннахр и Моголистан, включающий в себя Семиречье и Кашгар. В начале XIV века противоречия между Чагатайскими ханами обострились до крайности.

Ярчайшим выразителем оседлой жизни был Чагатайский хан Кебек (1318-1326 годы), который построил себе в пятнадцати километрах от Насафа дворец. Впоследствии вокруг этого дворца вырос город получивший название Карши. Ко временам правления Кебека откупная система себя изжила, городское население не хотело платить откупные. Учитывая это обстоятельство Кебек-хан приступил к проведению важных реформ. Одна из реформ была денежная, нужна была единая денежная система за образец Кебек-хан принял денежную систему введенную Газан-ханом в Иране (1295 - 1394 годы). Вторая реформа была административной. Каждый регион был поделен на туманы, в начале политической карьеры Амира Тимура в Фергане было 9 туманов, а в Самарканде 7 туманов. Кебек -хану, который решил взять в свои руки всю административную власть было не просто, так как до его правления Мавераннахр был разделен на две группировки : первая откупщик Масудбек, который был очень богатым и влиятельным человеком, вторая – это местные малики, которые находились в Отраре, Ходжикенте, Таразе, в Шаше. Реформы Кебека встречали в оседлом населении Мавераннахра самый сочувственный отклик.

По другому относилась к этим реформам кочевая военная аристократия. После смерти Кебека они хотели вернуть все на круги своя, то есть ко временам Таласского курултая 1269 года. Вновь началась борьба между беками и ханами. Именно в это время был убит брат Кебек-хана Тармаширин-хан (1326 -1334 годы). Одно время ставка чагатайского хана была перенесена в Семиречье, но хан Казан вернул ставку в Мавераннахр. Казан-хан уверенно и умело продолжил вести политический курс начатый Кебеком. Это не нравилось главам чагатайских родов. Всех недовольных политикой Казан - хана возглавил бек Казаган, который в результате убил Казан-хана. Власть в

Мавераннахре перешла в руки Казагана. Казаган не стал именовать себя ханом, а ограничился титулом эмира. Чтобы придать законность своим действиям Казаган эмир завел подставного хана из рода Чингисов. В самом начале подставным ханом был Данишмандга, затем Баян Кули-хан.

Казаган эмир наладил чеканку монет и сделал это от имени подставного хана. Правление Казаган эмира (1346- 1358 годы) было ярким выражением интересов кочевой военной аристократии, которая хотела продолжать грабительские набеги и военные походы на соседние страны. Первую жертву, которую определил Казаган эмир он начал захватывать сразу после прихода на престол, это был Герат и его окрестности. Но Герат захватить ему не удалось, хотя он получил большую добычу с этого набега. По приказу монгольского хана Кутлуг Тимура в 1358 года Казаган эмир был убит на охоте, также в убийстве Казаган эмира принимал участие Кайхосрау, который владел Хутталяном.

После смерти эмира Казагана в Мавераннахре не было сильного правителя. Страна находилась в феодальной раздробленности. Было несколько более или менее крупных владений, которые никому не подчинялись и враждовали друг с другом. Ходжикентом владел Баязид -глава джелаиров. Балх находился в руках эмира Хусейна, внука Казагана. Мухаммад Ходжа Аперди захватил Шикурган. Шахрисабз (Кеш) подчинялся Хаджи Барласу. У каждого владения были свои законы и правила проживания, в стране не прекращались раздоры и смуты, а дела государственные пришли в полное расстройство. С каждым годом положение ухудшалось это обстоятельство принял во внимание хан Моголистана Тоглуг-Тимур, который принял решение напасть на Мавераннахр, ограбить его и подчинить себе. С этой целью он провел два захватнических похода в 1360 и 1361 годах.

Глава II.

ВОСХОЖДЕНИЕ АМИРА ТИМУРА НА ПРЕСТОЛ

*«Никогда не осуждайте человека,
пока не пройдете долгий путь в его ботинках»
Лао-Цзы*

В городе Кеш, современном Шахрисабзе, что переводится как «зеленый город» в семье Тарагая и Тининахатун родился мальчик. Новорожденному дали имя Тимур. Датой рождения являлось 8 или 9 апреля 1336 года. Семья Тимура была мусульманско- монгольской. Отец мальчика Тарагай был вождем племени барласов, его семья была монгольской, но только полностью отюреченной, как и большинство семей того времени.

К моменту рождения Тимура в Мавераннахре изменялись и преобразовывались многие монгольские традиции и привычки. Многие семьи говорили на тюркском языке и становились мусульманскими. В обиход входили мусульманские имена, подчеркнутые в исламе. Тимур рано лишился матери и его воспитанием занимались мужчины, у него было три брата: Алем-шейх, Союргатмыш и Чуни, а также две сестры: Ширинбика -Ака и Кутлуг - Ака. В последствии Кутлуг - Ака стала женой эмира Давуда.

С детских лет Тимур пользовался уважением среди сверстников, у него были надежные друзья, которым он навсегда остался предан, равно как и они сохранили верность ему. Силу Тимуру дала природа, но он смог развивать её постоянными упражнениями, благодаря которым наперекор всему всегда был одним из выносливейших людей.

Тимуру было 16 лет, когда он поступил на службу к эмиру Казагану, именно он являлся настоящим владельцем Трансоксианы. На службе Тимур сразу же оказался замешанным во все интриги землевладельцев, он выслушивал критику и размышлял об обоснованности претензий. До него доходят слухи о заговорах. Вельможи притворяются, что доверяют ему, но в

тоже самое время пытаются сделать его соучастником восстания. Как человек чести, давший присягу на верность эмиру Казагану, а также будучи человеком, ненавидящим предателей, Тимур посоветовал Казагану проявить твердость и применить метод, к которому в дальнейшем часто будет прибегать сам, а именно осыпать дарами вельмож, чтобы, завидуя друг другу, они начали состязаться за высочайшее благорасположение. Эмир был очень доволен и вознаградил Тимура тем, что поставил его командовать одним из своих отрядов, а также женил на своей внучке, красавице Альджай. Она не замедлила одарить Тимура сыном, которого он назвал Джахангиром («тем, кто держит в руках мир»).

Человек щедрый, каким был Амир Тимур в этот период жизни приобрел много друзей. Он наладил приятельские отношения с Джалаладдином Махмудом Альмани, который через несколько лет стал гератским кадием(судьей). Он хорошо ладил со своим шурином эмиром Хусейном. После пяти лет службы Тимура у эмира Казагана, в начале 1358 года эмир Казаган был убит от руки Кутлуг-Тимура, сына Боролдая, мусульманина из рода Орнатов. Сына Казаган эмира, Мир-Абдаллаха, человека слабого и безвольного изгнали Хаджи Барлас и Баян Сельдуз. Наступила полная анархия. В этот момент осторожный Тимур решил, что лучше будет вернуться в родной город. Трансоксианская знать размышляла над тем, кому передать верховную власть. У Тимура позиции были далеко не самые лучшие, потому что он был даже не хозяином рода барласов. И всё же ему удалось занять место в ряду основных претендентов, бок о бок с Ходжи Барласом, Баязидом вождем Джалаиридов, а также своим шурином Хусейном.

В 1360 году Туглуг-Тимур решил, что пришло время восстановить единство империи. Он совершил набег на Трансоксиану. Баязид поспешил ему навстречу и присоединил свои войска. У Барласов было мало времени, чтобы решить оказать сопротивление или спастись бегством. Ходжи Барлас решил спастись бегством и увел большую часть племени в Хорасан. Амир Тимур решил сотрудничать и договариваться с Тоглуг-Тимуром. Выступив на

встречу Тоглуг-Тимуру, он устроил пир в его честь, а также щедро одарил хана и его людей. Монголам, которые собирались заняться грабежами, была устроена встреча как дорогим и уважаемым гостям. Амир Тимур интриговал, сорил деньгами, хотел создать впечатление, будто бы его влияние на мусульман могло быть полезным для язычников с берегов Или. Также он хотел объяснить, что ради народа он готов принести себя в жертву и что его дядя Ходжи-Барлас дезертировал, бросив свой народ. Вспоминая этот период жизни Амир Тимур говорил: «Разумный план приносит больше пользы, чем сто тысяч воинов».

Одним словом, он сделал так, что Тоглуг-Тимур считал Тимура доверенным, поданным своего ханства. Тоглуг-Тимур доверил управление Трансоксианой -Амиру Тимуру, под командование которого передал корпус войск численностью более 10 тысяч сабель. Амиру Тимуру тогда было всего двадцать пять лет. Но как только монголы ушли возвратился Ходжи-Барлас, который объединился с Баязидом Джалаириду, чтобы вернуть власть и возобновить свое влияние в регионе.

У Амира Тимура созрел дерзкий план, он решил «убить двух зайцев» одним выстрелом: избавиться от дяди Ходжи - Барласа и доказать верность Джагатаидам. Тимур перешел в атаку против сил своего дяди, но, к великому сожалению, войска его покинули, посчитав Тимура слугой язычников. К сожалению, Тимуру оставалось только прийти к своему дяде и покаяться перед ним, кроме жизни Тимур потерял всё. Это были тяжелые дни для Тимура, потому что незадолго до этого он потерял отца, который долго болел перед смертью.

В конце 1361 года возвратился Тоглуг-Тимур, который решил покончить с местной знатью, некоторые феодалы оказали сопротивление, но потерпели поражение. Большая часть знати решила покориться монгольскому эмиру. Тоглуг-Тимур повелел придать смерти некоторых вождей: Баяна Сельдуза и Баязида. Хаджи-Барлас решил спастись бегством и устремился в Хорасан. Но по дороге в Хорасан, неподалеку от Сабзавара пал от рук наемников

бандитствовавших в этих местах. Поняв, что порядок в регионе восстановлен эмир Тоглуг-Тимур, назначил своего сына Ильяс-Ходжу на пост наместника Трансоксианы, а также назначил Амира Тимура его советником. Жителям Трансоксианы не нравилось положение, где приходилось подчиняться монгольскому наместнику, никто не видел выгоды в проживании под монгольским ярмом. Такое положение вещей не нравилось ни таджикским аристократам, ни тюркской знати, ни городскому населению, ни мусульманским массам.

Ильяс-Ходжа достоинствами своего отца не обладал, монголы вели себя с местными высокомерно, налогообложение было крайне тяжелым, лихоимство процветало. Амир Тимур сразу почувствовал, что обстановка накаляется, надо было делать выбор: продолжать служить монгольским ханам далее или немедленно прекратить своё служение Ильяс-Ходже. Амир Тимур опять решил рискнуть, у него появился шанс стать первым, но при других обстоятельствах в случае неудачи он потерял бы опять всё. Так как Амир Тимур не любил полумер, он решился на самое рискованное в данной ситуации, то есть сделал ставку на тюрков, разорвав все контакты с семьей хана и поднял на щит идею независимости. Но, к сожалению, никто из тюркских семей не поддержал Амира Тимура, жизнь его оказалась под угрозой, он вынужден был бежать к своему шурину Хусейну. Сваяки объединились и совместно решили действовать в борьбе с общими врагами.

Амир Тимур и Хусейн отправились в Хорезм в сопровождении своих жен и шестнадцати человек охраны, но путь их преградил отряд кавалерии, примерно в тысячу сабель, посланный хивинским эмиром, чтобы схватить их. Рубка была ужасная. Лошадь Хусейна была убита, Амир Тимур пригвоздил эмира к земле. К концу дня осталось 5-6 человек защитников Амира Тимура и Хусейна.

Воспользовавшись темнотой, они скрылись. Беглецы нашли убежище в горах. Жизнь в изгнании была тяжелая, начались ссоры. Через какое-то время Амир Тимур и Хусейн блуждавшие в песках Каракумов (черные пески) были

схвачены Ам-беком и брошены в темницу Манана, города, который находился в оазисе Мерва. Их арест наделал много шума, что подтверждает растущий авторитет Амира Тимура и Хусейна, не только в Трансоксиане, но и в Хорасане. Брат похитителя Мухаммад-бек, узнав о пленении уважаемых людей добился освобождения Тимура и Хусейна. Как только пленники были освобождены, от гератского малика пришло письмо с требованием передать пленных ему. Покинув Манан, свояки расстались. Хусейн направился в свои владения, а Амир Тимур укрылся в низинах южного берега Амударьи. Через какое-то время Амир Тимур и Хусейн решили поступить на службу к правителю Систана.

Правитель Систана хотел успокоить свой сбунтовавшийся народ и Амир Тимур с Хусейном захватили для правителя несколько крепостей, подавив тем самым восстание. Мятежники поняли, что они находятся в опасности, видя успехи наемников. Амир Тимур и Хусейн не хотели покидать Систан, но местные напали на них посчитав последних шпионами. Сражение было ожесточенным, погибло много воинов. Амир Тимур и Хусейн вышли победителями в этом сражении, но понесли огромные потери. В Амира Тимура вонзились две стрелы. Одна в правый локоть, а другая в правую ногу, недолеченные раны дали осложнение, руку со временем практически парализовало, а работоспособность ноги так полностью и не восстановилась. Поэтому из-за хромоты при ходьбе Амира Тимура и стали называть Тимурленг (по-персидски), что означало хромо́й Тимур. Сильно потрепанное войско вернулось на родину в Трансоксиану.

Пока Амир Тимур лечился к их войску примкнуло 5-6 тысяч воинов. Этот факт обеспокоил Ильяс-Ходжу, так как Хусейн был родственником эмира Казагана, уже покойного, а Амир Тимур был членом влиятельного рода барласов. Ильяс -Ходжа отправил свои войска, чтобы усмирить Амира Тимура и Хусейна, которые выдвинули своих воинов на встречу войскам эмира. Войска соперников расположились у берегов реки Вакх. Целый месяц противники стояли, не предпринимая никаких действий. Амир Тимур оставил

Хусейна наблюдать за мостом через Вакх, а сам ночью переправился через речку выше по течению и расположил свой отряд на высотах, контролировавших позиции врага. Как только взошло солнце, Тимур приказал барабанщикам бить в барабаны. Воинам издавать воинственные крики, а также разжечь огромные костры. Эти мероприятия заставили противника испугаться думая о наличии огромных войск у себя в тылу. Опасаясь удара в спину Ильяс-Ходжа велел форсировать реку Вакх, Хусейн сражался доблестно, и запаниковавшие монголы бежали. Развивая успех, Амир Тимур двинулся на Кеш. Каждый всадник, по команде Тимура, привязал к хвосту своей лошади по несколько веток, поднимавших клубы пыли и песка. Монгольский правитель подумал, что на него надвигается огромная армия и предпочел покинуть город. Тимур вступил в город под радостные крики населения.

Тем временем скончался хан Моголистана Тоглуг-Тимур, а его сыну Ильяс-Ходже пришлось вернуться в ставку для вступления во владение наследством. Но он не хотел упускать из вида Трансоксиану, а также хотел отомстить Амиру Тимуру и Хусейну за нанесенные ими обиды. Разрешив свои дела в Моголистане Ильяс-Ходжа двинулся на Кеш. Трансоксианцы решили дать бой Ильясу-Ходже. Битва произошла недалеко от Самарканда. Именно перед этой битвой Тимур увидел свой первый вещий сон, Небесный глас возвестил ему, что если он нанесет удар безотлагательно, то победа будет его. Ильяс-Хан был разбит, едва не попав в плен, он был вынужден бежать в Моголистан. Трансоксиана обрела свободу. Нужно было решать, кто будет править Трансоксианой, начались ссоры и споры, требовался хан, чтобы не выходить из рамок Чингисова законодательства.

Курултай постановил назначить верховным правителем дервиша-поэта, который по прямой линии происходил от Джагатая, его звали Кабул-ханом. В начале осени 1364 года он был возведен на трон согласно монгольскому ритуалу. Амир Тимур получил титул Сахиб Кирана («того по чьей воле выстраиваются звезды»).

Весной 1365 года Ильяс-хан вновь вернулся в Трансоксиану. Амир Тимур и Хусейн двинулись ему на встречу. Сражение произошло между Чиназом и Ташкентом. Ильяс -хан одержал победу. Это сражение было названо «битвой в трясине». Перед сражением шли дожди, которые превратили землю в сплошную грязь, по которой всадники передвигались с великим трудом, а от сырого воздуха ослабевали тетивы луков, что делало стрельбу неточной. Ильяс-хан после победы в сражении подступил к Самарканду, ожидая что самаркандцы встретят его с распростертыми объятиями, но, те закрыли перед Ильяс -ханом ворота и стали вооружаться. Хан распорядился начать осаду. Самаркандцы отбивались мужественно. У монголов начался падеж лошадей, потеряв конницу, Ильяс-хан отправился в Моголистан. Вскоре после того постыдного поражения Ильяс-хан был убит эмиром из клана Дуглатов, которого звали Камараддин.

В начале 1367 года Амир Тимур снова оказался в Манане в кругу семьи. Его семейство увеличилось, после Джахангира родились Умар-Шайх и Мираншах. В Манане уже укрылись многие его сторонники, к которым со временем примкнули другие. Ожидалось прибытие и других сторонников Амира Тимура, но так как дороги были небезопасны, многие не смогли приехать. Очистить дороги позволил рейд, который совершил Амир Тимур в предместья Бухары. Все семейство Амира Тимура в 1368 году перебралось в Кеш.

Глава III

ЕДИНОДЕРЖАВИЕ АМИРА ТИМУРА, ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ И ПОЛИТИКА В ГОСУДАРСТВЕ

*«Лучше быть смелым, чем осторожным,
потому что судьба-женищина».*
Никколо Макиавелли

Амир Тимур обладал организаторским талантом, умением вести военные операции. У него была сильная воля и пытливый государственный ум. Хотя Амир Тимур имел много талантов, но тем не менее он являлся сыном своей эпохи. Во времена правления Амира Тимура развивались классические феодальные отношения и Амир Тимур был активным проводником этого курса. Амир Тимур активно использовал восточную форму лёна, которая называлась «Суюргал». Под суюргалом подразумевалась передача в управление и наследственное владение определенной землей, с правом взимания налогов и податей. Несмотря на то, что Амир Тимур собирал феодальные владения в единое государство вместе с тем он создавал новые владения, раздавая в суюргал.

Были переданы огромные части государства прежним владельцам, а также членам своей семьи в основном сыновьям и внукам. Также за особые заслуги некоторые эмиры, служившие Амиру Тимуру, могли получить в управление определенные участки земли. Крепость Айдан Амир Тимур передал бывшему владельцу Баязиду, Фарс был передан второму сыну Амира Тимура Умар-Шайху на основе суюргала. Своему внуку Пир-Мухаммаду сыну Джахангира Амир Тимур передал земли, принадлежавшие ранее Газневидскому государству. Крепость Каркул была передана эмиру Али, который владел ею ранее.

Крепость Ахлат была передана Адилю Джузу, который владел этой крепостью прежде. Абу Бакру сыну Мираншаха был передан Багдад.

Государство Амира Тимура в иранской и в среднеазиатской частях являлось совокупностью феодальных владений, которые объединились в единое государство. Что касается Мавераннахра, то Амир Тимур его не дробил и никому не передавал, а крепко держал в своих руках. Исключением была только Фергана. Благодаря сильной воле и твердому характеру Амир Тимур подчинил себе всех своих владельцев земель, а те, кто пытался не подчиняться жестоко карались. Когда в 1367 году глава племени джалаириков не подчинился Амиру Тимуру, он его казнил, а всех джалаириков распределил по разным округам, уничтожив целое кочевое владение в районе Ходжента.

Когда Амир Тимур узнал о непокорности некоторых эмиров в Самарканде, он хитростью заманил их всех и в 1388 году всех перебил, дабы показать всем остальным, что будет с теми, кто не повиновался.

Амир Тимур был вынужден вести жестокую внутреннюю политику, чтобы у вассалов не возникало мыслей о захвате власти.

Когда сын Умар-Шайха Пир-Мухаммад не выполнил приказа Амира Тимура и не выступил в поход, Амир Тимур отнял у него Фарс с городом Ширазом, которым он управлял после смерти отца, всех приближенных Пир - Мухаммада он казнил. Но потом в 1403 году он вернул Фарс своему внуку обратно сменив гнев на милость. В годы правления Амиром Тимуром были сохранены административные системы разделения на туманы, которые были введены Кебек-ханом, они сохранились до самого конца правления Амира Тимура. Мы видим какую огромную роль играла личность Амира Тимура, в деле поддержания порядка в государстве, где была суровая военная дисциплина.

С крестьян взимался земельный налог, он имел разные названия – Харадж, мал. До правления Амира Тимура ремесленники вели полурабский образ жизни, особенно при монголах, но со времени правления Амира Тимура в Мавераннахре наступило улучшение положения ремесленников, а что касается пленных ремесленников, то в отношении них практиковались полурабские формы эксплуатации. Основная масса ремесленников в

Мавераннахре была свободна и выплачивала обычные феодальные налоги. Для пленных ремесленников создавались закрытые предприятия, мастерские, которые назывались «Корхона». В этих мастерских изготавливались шлемы, луки, стрелы и латы для регулярных войск Амира Тимура.

Военная история причисляет Амира Тимура к числу крупнейших полководцев, его военное искусство определялось в двух направлениях: как полководца и как организатора войска. В своей организационной структуре Амир Тимур продолжал традиции Чингис-хана. Это было ополчение, которое строилось по десятичной системе, то есть делилось на туманы, тысячи, сотни и десятки. Различие заключалось лишь в том, что у Чингис-хана войска состояли в основном из кочевников и лишь небольшое количество оседлого населения, привлекаемое в принудительном порядке из числа завоеванных народов. А при Амире Тимуре оседлая часть войска хотя и не составляла основы, однако, была весьма существенной. Оседлые области поставляли пехоту, а также отряды артиллерии, которые обслуживали стенобитные, камнебитные, самострелы и огнестрельные машины. Когда Амиру Тимуру нужны были воины, он отправлял своих доверенных людей с предписанием собрать, нужное количество туманов. Тавачи (лица выполнявшие особо важные поручения государства), собирали конных и пеших воинов, оседлых кочевников. У каждых двух воинов-конников должна была быть третья лошадь, на каждые 10 человек -одна палатка, 2 заступа, 1 серп, 1 топор, шило, 1 мотыга, 100 иголок, амбарные веревки, 1 крепкая шкура и 1 котел. А каждый воин ополчения должен был взять с собой лук и 30 стрел, колчан и щит, а также налучье и провиант на год. Каждое суюргальное владение поставляло основной контингент (асл) и дополнительный (изафе). В десятичном членении войска особо важную роль играли кошуны, которые состояли из нескольких сот человек. Туманы состояли примерно из 10 тысяч человек, а кошуны – более 100 человек. В походах всегда соблюдался строгий порядок, который назывался -мурчил. Эмир каждого подразделения хорошо знал свое место и строго придерживался его.

Впереди главных сил в походе всегда шел манныла (авангард), который состоял из нескольких туманов. Перед маннойлой шел караул (сторожевое охранение), которое шло впереди авангарда. Особое место было отведено хабаргири (разведка). В разведотряды отбирались исключительно подготовленные и храбрые воины. В походах важную роль играли кагарчи (проводники), обычно Амир Тимур, сам отбирал проводников.

Со всех войн, в которых участвовал Амир Тимур, он как хороший хозяин, всё что имело ценность привозил в Мавераннахр, в центр своего царства. Он свозил не только материальные ценности, но также использовал пленных мастеров и ремесленников, архитекторов и художников, а также ученых и поэтов. Во время правления Амира Тимура в Самарканде можно было увидеть мастеров из Сирии, Египта, Азербайджана. Шираз, Исфахана, Малой Азии. Все мастера и ремесленники были обеспечены работой, на самых разнообразных работах и строительствах. Возводились прекрасные мечети, дворцы, медресе, мавзолеи, загородные сады, мастерские по изготовлению оружия, городские укрепления и ремесленные магазины. Работы велись во всех городах Мавераннахра, особенно в Самарканде, Шахрисабзе, а также в окрестностях этих городов. Велись строительные работы даже на краю степи в городе Ясы (Туркестан), город в Казахстане.

Столицей государства стал город Самарканд. Амир Тимур хотел сделать так, чтобы ни один город не смог сравниться красотой и величием с Самаркандом. Он должен был затмить все бывшие до него столицы. Амир Тимур создал ряд селений вокруг Самарканда, которые назвал в честь знаменитых городов. Он не только украсил города новыми зданиями, но и создал благоустроенные базары и кварталы ремесленников, которые назывались «махалли». Часть замечательных построек Амира Тимура дошла и до нас. В Шахрисабзе до сих пор стоят развалины портала дворца Ак-сарай, в городе Туркестан мечеть Ходжи Ахмада Ясави, вокруг Самарканда прекрасные загородные дворцы-сады: Баг-и-Боланд, Баг-и-Чинар, Баг-и-Дил-

Куша, Баг-и- Бихшит и многие другие. Здесь Амир Тимур проводил дни после походов, наслаждаясь красотой тенистых деревьев и цветников.

В Самарканде необходимо отметить шедеврально построенные: Шах-и-Зинда, соборную мечеть Амира Тимура, известную под названием Биби-ханум, усыпальницу Гур-Эмир, где похоронены Амир Тимур и некоторые члены его династии – его сыновья и его внуки. Амир Тимур сумел ликвидировать феодальные смуты и раздробленности, а также вел гигантские строительные работы.

Глава IV

ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ АМИРА ТИМУРА, РАЗВИТИЕ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ.

«Из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву чтобы отпугнуть волков».

Никколо Макиавелли

ПОХОД В ПЕРСИЮ

Первым долгосрочным походом Амира Тимура была кампания по покорению хулагидских владений, а также контроль и получение прибылей с западных участков караванных дорог. Также стояла задача остановить набеги Тохтамыша. Началась массовая мобилизация войск для трехлетнего похода. Весной 1387 года Амир Тимур начинает свой поход через Армению на Малую Азию. Эти места находились в руках турецких племен, среди них особо выделялись Кара-Коюнлу (Туркмены Черных баранов) и их соперники Ак-Коюнлу (Туркмены белых баранов). Султан Ахмад Джалаиру захватил власть в Тавризе и между ним и предводителем Кара-Коюнлу Кара - Мухаммадом возникли разногласия кому грабить Тавриз. Воспользовавшись этим Амир Тимур под предлогом того, что обвинил их в нападении на караваны и паломников, которые шли в Мекку, а также неподчинение вассалам Амира Тимура ответственным за эти территории, начал наступление на Эрзерум. Князь Тахартен, эмир Арзинджана увидев захваченный Эрзерум поспешил объявить о своей покорности и полной капитуляции. Амир Тимур отправил своего сына Мираншаха преследовать главную орду туркменов, Кара-Коюнлу и их предводителя Кара - Мухаммада. Кара-Мухаммаду удалось укрыться в горах, где он готовился

дать бой и оказать дальнейшее сопротивление в будущем, но смерть его настигла, а его место занял его сын Кара-Юсуф.

Мираншах вернулся в ставку Амира Тимура с большой добычей в виде верблюдов, овец, лошадей, а также захватив в виде рабов женщин и девушек. В это же время Амир Тимур продолжил завоевание Армении и захватил крепость Ван, которая имела высокие и крутые стены. Никому до этого не удавалось захватить эту крепость. Крепость была обложена с трех сторон и начался штурм. Через два дня князь Вана вынужден был капитулировать и выразить свою покорность Амиру Тимуру. Незадолго до начала этой кампании Амиру Тимуру принесли письмо от Шаха Шуджа Музаффар, который был правителем южной провинции Персии. Династия Музаффариадов находилась на службе Хулагидов, а после смерти последнего Ильхана Абу-Сайида они добились и получили Фарс со столицей Шираз у бывшего правителя. В конце 1350 года Шах Шуджа захватил Исфахан и оспаривал Тавриз у Джалаириров.

В 1357 году Шах Шуджа Музаффар ослепив и заключив своего отца в тюрьму, вступил на трон. Он принял Амира Тимура своим «верховным господином». В 1384 году Шах Шуджа Музаффар умер и начались обычные раздоры между наследниками. В 1387 году наследник Шах Шуджа Музаффар Зайи аль Абидин был приглашен ко двору Амира Тимура для получения от него изъявления покорности и преданности, но последний решил проигнорировать и не приехал. Амир Тимур повел войска к Исфагану. Исфаган был богатым городом. Здесь было огромное изобилие овощей и фруктов, которые экспортировались во многие страны, в том числе в Индию и Грецию. Исфаган имел также богатые пастбища и огромное количество живности. Амир Тимур встал перед городом в полной боевой готовности, так чтобы горожанам была видна вся мощь его войск. Правитель и старейшины посоветовавшись приняли решение высказать свою покорность и сдать город без боя. Амир Тимур совершил триумфальный въезд в город и оставив там правителя с гарнизоном вернулся в свой лагерь. Ночью город проснулся от

барабанного боя кузнеца, который поднял тревогу против гарнизона Амира Тимура. Более трех тысяч воинов гарнизона были зарезаны. Затем повстанцы попытались забаррикадировать городские ворота, чтобы не дать возможность основным войскам войти в город. С наступлением утра Амир Тимур вошел в город и жестоко наказал население города. Были назначены эмиры и специальные чиновники для наблюдения за городом. Было убито много горожан. Закончив дела в Исфагане Амир Тимур повернул свои войска на юг на провинцию Фарс.

Шираз столица Фарса сдался без боя и поспешил уплатить выкуп в 10 миллионов серебряных динаров. Шах Яхья и Султан Ахмад Кирман, и другие Музаффараиды поспешили выразить свою покорность, они были приняты с честью и получили обратно свои должности. Были назначены правители на вновь завоеванных землях. А самых способных ремесленников и самых замечательных ученых отправили в Самарканд. Столица и все остальные владения были оповещены о том, что империя Амира Тимура расширилась до границ Ирана. Самым известным поэтом Хафизом, проживавшим в городе Шираз, чья известность достигала величайших высот, и которого два короля Индии приглашали посетить их дворцы, в одном из своих произведений были написаны такие стихи:

*«Если эта коварная ширазская тюрчанка захватит мое сердце
Я отдам Бухару и Самарканд за одну лишь родинку на ее щеке».*

Амир Тимур позвал к себе поэта и сказал ему с гневом сколько он сделал для того, чтобы украсить Самарканд и сделать его лучшим городом в мире. «А ты, жалкий негодяй продал бы Самарканд и Бухару за черную родинку тюрчанки Ширази». Хафиз с почтением ответил, что именно из-за своего мотовства он оказался в такой нищете. Амиру Тимуру понравился ответ Хафиза, и он отпустил его, одарив дорогим подарком.

ПОХОД НА ЗОЛОТУЮ ОРДУ И СРАЖЕНИЯ С ТОХТАМЫШОМ.

Когда Чингиз-хан поделил свою империю, он пожаловал своему старшему сыну Джучи наследство – земли до самого дальнего запада от Монголии. Большая часть этих территорий была пока незавоеванна. Один монгольский отряд, который преследовал Мухаммад Хорезм Шаха, вторгся в юго-восточную часть Европы и район Волги. Перед смертью Чингиз-хан завещал Джучи завоевать кипчаков, кочевников южных степей России. Кипчаков русские называли половцами, что означало (житель степей). Они проживали между Днепром и Нижней Волгой, но термин применялся ко всем кочевникам Золотой Орды. Но Джучи не смог выполнить указ хана, так как умер незадолго до смерти Великого Хана. Наследником был назначен принц Бату (1227-1256 годы). После курултая, который был проведен в Кара-коруме в 1235 году Бату-хан повел своих воинов в поход в районы Поволжья, русские княжества, на Кавказ, в Крым.

В 1240 году Бату-хан завоевал Киев и перед ним открылась дорога на Польшу и Венгрию. В 1241 году он пересек Карпаты и разбил венгерского короля Бела IV. В этом году умер Великий Хан Угедей. К Бату-хану перешла вся его империя до Черного моря. Улус Джучи стал называться Золотая Орда, термин появился, потому что золото являлось имперским цветом, а также Бату-хан имел золотые или королевские павильоны.

Самая важная торговая дорога новой империи шла параллельно Волге, где она пересекалась с трансконтинентальными путями между Левантой и Китаем. Также под власть Золотой Орды попал Хорезм со столицей Ургенч, который был прежде под властью Мухаммад шаха. Начиная с X века шла бурная торговля между Поволжьем и Хорезмом. К юго-западу владения Золотой Орды простирались до Кавказа и Черного моря. Западные торговцы, которые лишились своих баз в Сирии, благодаря египетским мамлюкам, были вынуждены использовать побережье Черного моря. Здесь базировались купцы

из Генуи и Венеции. Генуя утвердила свои колонии в Крыму и в устье Дона в месте под названием Тана. Бату-хан прекрасно понимал все выгоды, которые вытекали из караванной торговли и оказывал максимальную поддержку ее развитию. Именно с расчетом развития международной торговли было выбрано место для столицы новой монгольской империи. На нижней Волге ханы Золотой Орды основали свою столицу Сарай (Дворец). Предполагалось, что монгольский Сарай должен был затмить китайский Пекин.

После смерти хана Берке, долгое время власть находилась в руках Ногая, почти 40 лет он доминировал в политической жизни. После его убийства, правление Золотой Ордой обрело прежний блеск и могущество, у власти находился хан Узбек с 1312 по 1340 годы. При помощи Кутлуг-хана, который был правителем Крыма и наместником Хорезма, Узбек-хан ликвидировал всех своих соперников. Он принял ислам. Торговле вновь был дан зеленый свет и благоволение хана. Узбек-хан прибыл в Каффу и заключил торговое соглашение с купцами из Генуи которые имели право иметь свою торговую факторию в Тане, а хан Узбек получал 3 процента от годовых доходов. Хан Узбек перевел свою столицу севернее прежней из Старого Сарая Бату-хана в Новый Сарай Берке-хана. Новый Сарай был разукрашен дворцами, мечетями и учебными заведениями. Жители города принадлежали к разным национальностям. Здесь проживали русские и греки, монголы и кипчаки, осетины и черкесы. Новый Сарай насчитывал более ста тысяч горожан в период своего расцвета. Узбек -хан поддерживал торговые и дипломатические отношения с мамлюками в Египте. Сын хана Узбека, Джанибек, был последним сильным ханом Золотой Орды, он правил с 1340 года по 1357 годы. После правления Джанибека вновь начались внутренние распри. В эти годы стали сильнее русские князья, которые отказывались платить дань. Отдельные районы отрывались от власти Золотой Орды, Хорезм со столицей Ургенч, объявил себя независимым от Золотой Орды. На юго-востоке правил хан Урус, который считал себя независимым и был известен как Лён Ак-Орда (Белая Орда). После того как сын хана Джанибека Бердыбек задушил своего отца и

захватил трон путем дворцового переворота, Эмиром Мамаем на трон был посажен марионетка, а реальным хозяином Сарая был Эмир Мамай.

В 1380 году произошла битва между московским князем Дмитрием и ханом Мамаем, которая происходила на берегах Дона на Куликовом поле, после ожесточенного сражения Дмитрий Донской, как его стали звать после победы над Мамаем принудил к бегству войска хана Мамаея. Как раз в этом году Амир Тимур укрепил свою власть над Чагатайской империей и развернул свой взор на хулагилов и их персидские владения. В 1376 году среди ханов Белой Орды возникли разногласия относительно похода против хана Мамаея, один из эмиров был убит, он противостоял хану Урусу, сын убитого Тохтамыш бежал в поисках убежища ко двору Амира Тимура.

Амир Тимур обрадовался имея потенциального союзника из Белой Орды у себя на службе, который являлся заклятым врагом хана Уруса. Амир Тимур принял Тохтамыша со всеми почестями, одарил его подарками, лошадьми, оружием, а также дал ему большое количество рабов. Тохтамышу была пожалована территория между Белой Ордой и Мавераннахром. Получив в дар от Амира Тимура все необходимое для войны Тохтамыш несколько раз атаковал хана Уруса, но каждый раз безуспешно. После каждой неудачной битвы Амир Тимур давал Тохтамышу новые войска и все необходимое в битвах. Между ханом Урусом и Тохтамышем произошло два крупных сражения, в обоих победу праздновал хан Урус, но во втором сражении погиб его сын. Тохтамыш позорно бежал и Амир Тимур вновь принял его и укрыл в Бухаре. Вскоре прибыли послы Белой Орды с требованием выдать им Тохтамыша, так как он убил сына хана Уруса, но Амир Тимур отказал послам Урус-хана и не выдал Тохтамыша. Послы пригрозили, что, если Амир Тимур откажет в их просьбе они будут вынуждены объявить войну. Амир Тимур собрал свои войска и сам пошел войной на хана Уруса.

Зимой 1377 года пошел сильный снег, и земля промерзла так, что две армии три месяца простояв лицом к лицу, не будучи способными двигаться отступили без сражений. В том же 1377 году с наступлением весны Амир

Тимур отправил во главе своих войск Тохтамыша на войну с ханом Урусом. Но в это время пришло известие, что хан Урус умер и Тохтамыш поехал для утверждения себя ханом Белой Орды. Тохтамыш потерпел очередное поражение от хана, который унаследовал власть от Урус-хана и вынужден был опять бежать. До Амира Тимура дошли вести, что новый хан Белой Орды вел праздный образ жизни и проводил в кутежах все свое время и угнетал народ. Амир Тимур вновь снабдил Тохтамыша сильной армией. На этот раз Тохтамыш выиграл сражение, но не смог утвердиться ханом Белой Орды — это был 1378 год.

Амир Тимур думал, что он нашел в лице Тохтамыша союзника против Золотой Орды, но он ошибся, Тохтамыш не оправдал его ожиданий. Воспользовавшись поражением хана Мамаю на Куликовском поле Тохтамыш, атаковал хана Мамаю с юга и разбил его. Битва произошла при Калке около Азовского моря в 1380 году. Тохтамыш стал ханом объединенной Орды. Став ханом, Тохтамыш потребовал от русских князей присягнуть на верность Орде и платить ежегодную дань, как и прежде. Но князья, вдохновленные Куликовской битвой, отказались платить дань Тохтамышу. В ответ Тохтамыш вторгся в русские княжества грабя и сжигая города. Власть Орды была восстановлена и русские города вынуждены были платить дань, как и прежде.

Тохтамыш восстановил мощь Орды примерно до того уровня, который был в период хана Узбека. Золотая Орда стала опасным соперником государства Амира Тимура. Как и его предшественники хан Тохтамыш выдвинул претензии на Азербайджан, который входил тогда во владения султана Ахмада Джалаира. Нанося удары вдоль южного побережья Каспийского моря, Тохтамыш захватил город Табриз. Грабежи и убийства продолжались примерно 10 дней, а затем взяв добычу воины хана Тохтамыш покинули город. Восстановление мощи Золотой Орды при Тохтамыше было опасно для Амира Тимура, объединенная Золотая Орда угрожала развитию государства Мавераннахр. Своим возвышением Золотая Орда создавала конфликт между двумя империями ослабляя империю Амира Тимура. К

началу 1387 года хан Тохтамыш не считал себя обязанным Амиру Тимуру и забыв все, что сделал для него правитель Мавераннахра, старался уничтожить Амира Тимура. Амир Тимур проводил свой досуг в Карабахе, когда Тохтамыш прорвался через Дербентский проход. Амир Тимур отправил несколько эмиров для переговоров с ханом Тохтамышем, но на них было совершено нападение. Амир Тимур вел переговоры столько сколько ему нужно было времени, чтобы подготовить свои войска к удару. К тому же среди эмиров Золотой Орды были люди, которые служили ему и снабжали информацией. Амир Тимур написал письмо хану Тохтамышу, где напомнил ему об обязанностях долга Тохтамыша его благодетелю, но последний не воспринял всерьез это письмо. Более того воспользовавшись отсутствием Амира Тимура во время кампании в Персии, напал на Мавераннахр. Также он подбил Хорезмского Шайха Сулеймана Суфи на мятеж против Амира Тимура и зимой 1387 года начал наступление вдоль реки Сыр-Дарьи. Сопrotивляясь в сражении, принц Умар-Шайх едва не попал в плен к хану Тохтамышу. К этому времени войска хана Тохтамыша ограбили Карши и захватили Бухару. Получив эти известия Амир Тимур, который находился в Ширазе в Персии вернулся на родину форсированным маршем во главе своих войск. Началась подготовка к выступлению армии Великого Полководца против хана Тохтамыша. Амир Тимур первым делом решил наказать Хорезм, чтобы предотвратить попытки повторных мятежей.

Он переселил всех жителей Ургенча с их имуществом в Самарканд и сравнял город с землей. А на руинах города был посеян ячмень.

В 1388 году хан Тохтамыш решил начать наступление на Мавераннахр. Амир Тимур набрал воинов в Шахрисабзе и Самарканде, к ним присоединил подкрепление из Ферганы, которым руководил его сын Умар-Шайх и прогнал в очередной раз врага за Сыр-Дарью. При этом в плен попали члены Совета хана-Тохтамыша и большое количество государственных чиновников Золотой Орды. С наступлением весны 1389 года войска стали пополняться вновь прибывшими воинами с различных частей империи Амира Тимура, недалеко

от Ходжента был сооружен мост, по которому армия перешла реку. Во главе авангарда шел один из сыновей Урус хана, которого звали Кутлукоглан. Он был заклятым врагом хана Тохтамыша. Узнав о приближении войск Амира Тимура, хан Тохтамыш сбежал в степи, откуда он был родом.

Амир Тимур вынужден был обеспечить свой тыл, так как известие о наступлении хана Тохтамыша стало поводом поднятия мятежа в Хорасане. Мятеж был подавлен войсками Мираншаха. Также Амир Тимур отправил войска против джетов, которые готовы были поддержать хана Тохтамыша. В Кашкадарье у Шахрисабза был созван Курултай, где было принято решение увеличить армию. Для этого было необходимо усиление существующих подразделений. Каждый начальник военного подразделения должен был дать письменное заверение обеспечить прибытие определенного количества воинов. Курултай был закончен бракосочетанием принца Умар-Шайха. Осенью 1390 года Амир Тимур выступил со своей армией в Ташкент, в это время он заболел и пролежал более сорока дней в постели. Во время болезни Амира Тимура империей правили сын Шахрух и внук Пир -Мухаммад.

В начале 1391 года Амир Тимур покинул Ташкент и двинулся в поход в районы Белой Орды. На встречу армии Амира Тимура выдвинулись послы хана Тохтамыша, они были приняты с почестями. Послы преподнесли в дар Амиру Тимуру сокола и девять великолепных жеребцов. Они просили прощения за своего хана и говорили о том, что хан Тохтамыш раскаивается и стыдится за свои поступки. И если бы Амир Тимур простил бы его, то Тохтамыш хан был готов подчиниться и служить Амиру Тимуру. Однако Амир Тимур перечислил послам все то, что он сделал для хана Тохтамыша, как принял его как сына, когда ему грозила смерть и как помогая последнему он был вынужден объявить войну Урус-хану, а также сколько раз он снаряжал свою кавалерию и передавал все необходимое в борьбе Тохтамыш-хана с ханами Орды. Но после того, как Тохтамыш - хан занял трон Джучи, он изменился и забыв все хорошее, что сделал для него Амир Тимур, пошел войной на Мавераннахр. А теперь, когда мы выступили в поход против него,

он просит прощения, но нет веры его словам. Он обязательно понесет наказание за все свои злодеяния. Но если хан -Тохтамыш действительно говорит правду и желает мира от всего сердца, тогда пусть придет к нам на переговоры своего министра Али-Бека. Затем Амир Тимур отпустил послов, приказав оказать им все почести.

В начале весны был созван совет, где присутствовали все принцы и эмиры, и Амир Тимур, посоветовавшись со всеми принял решение начать наступление. Пройдя, Ясы (Туркестан) армия вступила в голодную степь, где предполагалось найти Орды хана -Тохтамыша. В голодной степи не было ни воды, ни корма для лошадей, кони были доведены до изнеможения. Наконец армия добралась до речки под названием Сары-су (Желтая река), где лошади освежились. За несколько дней армия перешла реку и продолжала свой поход по степи. Спустя месяц армия достигла гор Улуг-тау (Великая гора). Амир Тимур взобрался на одну из вершин восхититься видом нескончаемых степей и приказал каменщикам установить монолитный камень, на котором была выбита дата, когда Амир Тимур во главе своей армии прошел это место.

Позже в 1930 году этот камень был обнаружен на левом берегу реки Сары-су в Казахстане. Он имеет три строки арабского текста и восемь строк уйгурского. Надпись гласила, что в 1391 году, год Барана, Султан Турана, прошел здесь с двумястами тысячами войск против короля Болгарии Тохтамыша.

Тем временем поход продолжался, прошло уже более трех месяцев как армия покинула Ташкент, но так и не встретила с армией хана - Тохтамыша. Продовольствия становилось катастрофически мало, рынок, который сопровождал армию был почти пустой, цены поднялись до уровня голодных лет. Муки практически не осталось, а барана можно было купить за сотни динаров. Амир Тимур приказал воинам запретить варку мяса, вся армия питалась жидким супом, который обычно готовили для рабов. Амир Тимур был вынужден дать приказ создать отряды, которые должны были заняться охотой, значительное время армия питалась добычами с охоты. Амир Тимур

решил провести осмотр войск и убедившись в боеспособности своих войск, армия снялась с лагеря и двинулась в боевом порядке на Сибирь. Они шли через безбрежные степи. Юный внук Амира Тимура, Мухаммад-Султан попросил отправить его во главе разведывательной группы, просьба юноши была удовлетворена.

Разведгруппа обнаружила следы своих врагов, войскам было приказано принять все меры предосторожности. Тем временем армия достигла реки Тобол притока Иртыша. Армия переправилась через реку при помощи деревянных плотов. Также был отправлен еще один разведывательный отряд во главе с туркменом, которого звали Шайх Давуд, благодаря его действиям были пойманы «языки», которые поведали о передвижениях войск хана - Тохтамыша. Огромная армия Амира Тимура получив разведывательные сведения двинулась в поход на запад и подошла к реке Урал. Амир Тимур не стал переправляться по броду, так как остерегался засады и переправил армию вплавь дальше вверх по течению. Примерно через неделю, после перехода через реку Урал, армия подошла к реке Самаре. Разведчики привели пленника из кипчакских воинов хана-Тохтамыша. Он рассказал, что в этих местах находится огромное количество Орд, но они отступили узнав, что армия Амира Тимура подошла к этим местам. Хан -Тохтамыш, поняв какое число войск прибыло из Мавераннахра, срочно отдал приказ доставить ему войска со всех провинций Золотой Орды. Амир Тимур тоже ждал пока соберутся все отряды его армии и только после этого продолжил наступление на врага. В это же время он созвал военный совет, где в присутствии всех своих эмиров и военачальников отдал приказ дополнительно снабдить войска специальными щитами, кольчугами для солдат и кольчугами для лошадей, а также луками и стрелами. В конце военного совета Амир Тимур вдохновил военачальников на победу и наградил ценными подарками. Чтобы поднять военный дух своих воинов Амир Тимур издал указ, по которому все воины, проявившие доблесть и мужество вознаграждаются во новой форме. Военачальники, проявившие себя, были возведены в ранг тарханов, которые кроме материальных

вознаграждений приобретали право, по которому они и их дети освобождались от наказаний за любые преступления, если они совершались не более девяти раз. Эти привилегии распространялись на потомков в период семи поколений.

В июне 1391 года прибыл гонец, который сообщил Амиру Тимуру, что сторожевые отряды вступили в контакт. Был дан немедленный приказ вступить в бой. Амир Тимур пересмотрел порядок корпусов, теперь войска располагались не в традиционном порядке, центр был усилен авангардом и резервом и каждый из флангов тоже имел авангард. Был также создан резервный корпус командование, которым взял на себя Амир Тимур, он находился сразу же за центром и должен был поддерживать в моменты острой необходимости. Армия Тохтамыш-хана была в обычном боевом порядке и состояла из трех частей с центром и двумя флангами, которые образовывали полумесяц. Его солдаты были также хорошо вооружены и ими руководили принцы королевской крови рода Джучи. Наконец две армии сошлись на расстоянии, когда могли разглядеть друг друга. Амир Тимур на виду врага приказал соорудить палатки, будто он собирается ретироваться в свой лагерь. Этот жест проявления хладнокровия должен был лишить врага присутствия духа. Утром 18 июня Амир Тимур спешился со своего коня и дважды распростерся на земле, испрашивая помощь у Аллаха. Подняв знамена войска, забили в барабаны и начали сражение под звуки огромных труб. Битва была ожесточенной, погибло огромное количество воинов с обеих сторон. В какой-то момент сражения левый фланг под командованием Умар-Шайха испытал тяжелое давление со стороны воинов хана Тохтамыша, которые прорвали ряды и атаковали с тыла. Но Амир Тимур, увидев это поспешил с резервным корпусом на помощь, и враг был отброшен. Сражение повернулось в пользу Амира Тимура, хан Тохтамыш вынужден был спасаться бегством, за ним последовали его эмиры и воины. Амир Тимур сошел с лошади и воздал хвалу Аллаху за эту победу. Битва произошла восточнее Волги между Самарой и Чистополем, в местечке под названием Кундузча. Находясь в тисках между

войсками Амира Тимура и Великой рекой, воины Золотой Орды были подвергнуты смерти или были взяты в плен. Трофеи в виде женщин, детей и имущества попали в руки победителей. Хан Тохтамыш, бросив свои войска успел спастись бегством. Оставшиеся в живых воины Амира Тимура захватили огромные богатства в виде женщин, детей, лошадей и овец. Пленных было очень много. Прибыв к берегам Волги, где обычно ханы рода Джучи разбивали лагерь, Амир Тимур отдал приказ о проведении самого роскошного праздника. Все блюда были в золотой посуде, а все яства подавались прекрасными пленницами. Вся армия принимала участие в этих празднествах, пир продолжался почти месяц.

Главной задачей Амира Тимура было стремление разрушить мощь Золотой Орды, чем организовать свои владения из этого государства, поэтому он раздал в ленное владение всю территорию принцам Чингизского рода, которые вели постоянную борьбу с ханом Тохтамышем. Армия довольная огромной добычей начала свое движение на родину. Амир Тимур вернулся победителем в Самарканд, где его приветствовали принцы и женщины царского двора. Через несколько дней двор переместился в Ташкент, где провел зиму, в качестве развлечения была организована большая охота. С наступлением весны Амир Тимур вернулся в Самарканд.

Главная угроза хотя и не была ликвидирована окончательно, была устранена на долгие годы, более двадцати лет походов были увенчаны успехом, Амир Тимур вышел победителем в войне с Золотой Ордой. Весной 1392 года Амир Тимур организовал несколько свадеб, женил своих сыновей Умар-Шайха и Мираншаха на дочерях чагатайских эмиров и тарханов. После свадьбы Мираншах вернулся в свою столицу Герат, Пир-Мухаммад был назначен в королевство Махмуда Газневийского, в районы между Хорасаном и Индией, в которые входили Кабул, Газни и Кандагар.

ПЯТИЛЕТНИЙ ПОХОД В ПЕРСИЮ И МЕСОПОТАМИЮ

В мае месяце 1392 года сотни тысяч воинов вновь собрались под командованием Амира Тимура чтобы продолжить завоевательский поход на запад. Войска были сосредоточены на равнинах Бухары. В это время ко всеобщему несчастью Амир Тимур очень тяжело заболел. Принцы и наследники прибыли поспешно в королевский лагерь. Были приглашены лучшие медики, также неоднократно перечитывались молитвы из Корана. Распределялись милостыни, жертвовались самые лучшие лошади и их мясо раздавали бедным. В конце концов молитвы были вознаграждены и в июне месяце здоровье Амира Тимура было восстановлено, а уже в июле он возглавил свой поход в Персию и Ирак.

Империя Хулагидов не желала смириться со своей участью и регулярно, то там, то тут вспыхивали восстания, также в период четырехлетнего отсутствия Амира Тимура в области было неспокойно. Повстанцы базировались к югу от Каспийского моря и совершали нападение на торговые караваны, которые шли по Великому шелковому пути от Самарканда до Багдада. Амир Тимур должен был навести в этих местах порядок, а воинам был дан приказ подготовиться к военному походу сроком на пять лет. После победы над Золотой Ордой в Мавераннахре воцарилось спокойствие и мир. Два военных похода в Моголистан в 1389 и 1390 годах отбросили джетов за Иртыш, независимая власть в Хорезме была уничтожена. Мавераннахр был в полной безопасности. Империя Хулагидов все еще не могла смириться со своей участью и во время отсутствия Амира Тимура устраивала частые восстания. В 1389 году восстание в Хорасане было жестоко подавлено Мираншахом. Амир Тимур также хотел донести до местных жителей, которые пользовались шиитской, распространенной в этих районах, суннитскую доктрину. Города были подвергнуты осаде и вынуждены были капитулировать. Атаки производились как с суши, так и с моря. Каспийское

море было объято пламенем от кораблей, зажженных воспламеняющейся смолой.

После капитуляции Амир Тимур, собрав лидеров шиитского движения попытался их переубедить вернуться к суннитской доктрине. Многие вельможи были отправлены в Самарканд, а потом дальше в Ташкент. В этих местах так же проживали представители секты исмаилитов. К осени Мазандаран был покорен. Амир Тимур отправил подарки в Самарканд и пригласил своих внуков и жен к себе в Джуржан, юго – восточнее Каспийского моря, где он начал строительство дворца. Это был райский угол с огромным количеством фруктовых садов, в которых выращивали: гранаты, арбузы, баклажаны, апельсины, виноград, финики и другие фрукты, и овощи. Также в этих краях производился шёлк. После отдыха в Джурджане Амир Тимур двинулся в поход в Грузию, Персию и Ирак. Сын Джахангира Мухаммад-Султан с братом Пир -Махмудом были отправлены в Султанию. Узнав об этом Музаффаридский, правитель бежал, бросив свой дворец и людей. Султания была основана монгольскими ильханами, а позже стала столицей. Пробыв около недели в Султании оба принца, двинулись дальше на юг предварительно пополнив свою армию войсками и провизией, в Султании они оставили гарнизон преданных воинов. Войска прошли через горные районы, которые греки называли Мидией. К западу от этих гор проживали курды, это была дорога от Хорасана на Багдад. Один из местных шейхов Шайх Али Бахадур, рассчитывая получить всю провинцию в ленное владение решил помочь принцам, но по стечению обстоятельств был зарезан курдом, который считал его предателем, убийца был схвачен людьми шейха и сожжен после жестоких пыток.

Амир Тимур отправил Мираншаха сопровождать тяжелый багаж, который шёл из Астрабада, а сам двинулся в Райи с корпусом своих лучших воинов. Все шесть лет отсутствия Амира Тимура Грузия не была покорной, грузины утвердили свою независимость. Король Баграт Великий умер, престол наследовал его сын Георгий VII, Амир Тимур начал свой второй поход

против Грузии. Грузины оказали сильное и отчаянное сопротивление, но Тифлис был захвачен. Далее Амир Тимур двинулся на восточный Кавказ, а затем на юг Персии. Амир Тимур подошёл к территории музаффаридов, над которыми был назначен протектором ныне покойный Шах Шуджа. В период отсутствия Амира Тимура местные князья признали над собой власть Шаха Мансура. Князья, назначенные Шах Мансуром по примеру правителей Султании бросили свои владения и сбежали, а их вельможи покорились Амиру Тимуру, который принял их подчинение и выкуп.

Затем войска Амира Тимура атаковали горную крепость Кала Сафид, считавшуюся неприступной. Крепость была атакована со всех сторон, но захватить ее не удавалось. Один из воинов армии Амира Тимура по имени Ак-Буга поднялся по отвесной стене, не имея точки опоры и бросился в атаку на соперника, остальные воины последовали его примеру и крепость пала. Ак-Буга, который первым взобрался на вершину крепости получил большое денежное вознаграждение, а также много верблюдов, коней и других подарков. Прежде у него была лишь одна лошадь. Узнав о том, что войска Амира Тимура возвратились в Шираз, Шах Мансур бежал из столицы, но через некоторое время он вернулся с войском в 3-4 тысячи человек чтобы дать бой сопернику. Воспользовавшись расслабленностью воинов Амира Тимура, Шах Мансур используя метод неожиданности, напал на главный корпус, который был рассыпан беспорядочно. Воины Шах Мансура прорвались прямо к ставке Амира Тимура, где он нанес два удара по шлему Амира Тимура своей саблей, во время рукопашной схватки.

Но Шах Мансур в результате был побежден, раненный в голову и плечо он бежал к Ширазу, где был захвачен и привезен к Амиру Тимуру. Шах Мансур был убит. Амир Тимур второй раз триумфально вошел в Шираз, добычу, которая осталась от Шах Мансура он приказал разделить среди эмиров, жители Ширази также заплатили большую цену за свои жизни. Почти целый месяц после победы над Шах Мансуром войска провели в празднествах, наслаждаясь музыкой арф и органов. Многие ученые и ремесленники были

отправлены в Самарканд, так как при музаффаридах мощное развитие получило искусство и ремесленное дело. После поражений Шах Мансура другие музаффаридские принцы принесли много драгоценных подарков и редких вещей, но другие вельможи просили Амира Тимура не восстанавливать управление в стране силами музаффаридов. Все представители музаффаридов были арестованы, а их дома разграблены. Сын Амира Тимура Умар-Шайх, который правил Ферганой получил в ленное владение Фарс. По случаю победы над Шах Мансуром был дан блестящий банкет. После этого Амир Тимур решил повернуть свои войска на север к Исфагану.

В Исфагане войска провели несколько дней в Королевском дворце и его пригородах. К Хамадсану прибыл королевский двор, где Амир Тимур торжественно назначил Мираншаха управляющим королевством Хулагидов. В эти владения входили Персия, Азербайджан, Ирак (Месопотамия). Султан Ахмад Джалаир, последний представитель рода, захвативший власть в Ираке после падения Хулагидов с тревогой, ожидал Амира Тимура в Багдаде. Он отправил ко двору Амира Тимура своего посла с дорогими подарками и извинениями, но посол вернулся к своему господину без ответа Амира Тимура. Через несколько дней Амир Тимур совершил форсированный марш-бросок на Багдад. Султан Ахмад Джалаир бросил город и бежал, он переправился через реку, разрушив за собой мост. Амир Тимур вернулся в Багдад, который не оказал сопротивления. Пока Амир Тимур принимал город, его воины гнали за султаном Ахмадом Джалаиром, они настигли врага за Евфратом у Карбалы, но султану удалось сбежать через пустыню к Дамаску. Там он нашел убежище у Баркука, мамлюкского султана Египта. Долгие караваны в очередной раз потянулись в Самарканд с ремесленниками и художниками из королевской мастерской Багдада. Амир Тимур праздновал победу в течении двух месяцев во дворцах Багдада, во время отдыха он пригласил к себе своего внука Мухаммад - Султана и поручил ему очистить от мятежников горы Курдистана, чтобы они не нападали на торговые караваны. Мухаммад - Султан с честью справился с поставленной задачей, участки этих

дорог стали такими же безопасными, как и дороги в Мавераннахре. Великая Хорасанская дорога, начиналась в Багдаде и шла к Хамандану, дальше через Райи и Хорасан к Самарканду и дальше дорога шла в Китай. К северу дорога вела в Султанию и Тавризу, а на юге к Исфагану и Ширазу. Северная дорога от Багдада шла вдоль Тигра к Мосулу и Амиду и дальше вела в Малую Азию. Северо - западный путь шел вдоль Евфрата через Сирию к Средиземному морю. Два великих пути паломников шли к юго-западу от Багдада, один через Виа, а другой через Басру к Персидскому заливу. Амир Тимур отправил Мираншаха на юг, чтобы взять контроль над Басрой. К султану Египта Амир Тимур отправил послание, с предложением договора о дружбе и торговых отношениях. В послании султану Баркуку говорилось, что теперь Персия и Ирак в подчинении Амира Тимура и если они с султаном Египта договорятся, то торговые караваны могут беспрепятственно передвигаться по всему региону, что сделало бы эти, страны процветающими, принеся изобилие.

После этого Амир Тимур выступил из Багдада, чтобы завоевать крепость Такрит, где базировались мятежники, которые нападали и грабили торговые караваны. Первая часть похода была совершена на лодках по Тигру. Город Такрит был окружен и осажден, началась работа по разрушению стен. Вся армия занималась рытьем подкопов к стенам. Султан Хасан правитель Такрита принял решение капитулировать. Амир Тимур потребовал, чтобы Султан Хасан сдался лично в плен, но тот покинул город и попытался сбежать, он был схвачен и приведен к Амиру Тимуру. Он также приказал жителей города не трогать, а воинов взять в плен. В 1393 году все войска встретились на берегу Тигра, между Такритом и Багдадом.

Дорога паломников в Мекку была безопасна. Амир Тимур отправился на северо-запад к верхнему течению Тигра и Евфрата. Принц Мосула, который покорился ранее, устроил пышный прием. Амир Тимур переправился через реку к развалинам Ниневии, где находились гробницы пророка Юнуса (Иоана) и Джурджиса (святого Георгия). Он пожертвовал десять тысяч кебекских динаров на сооружение новых мавзолеев для этих святых, также он раздал

милостыню бедным. Далее войска повернули к городу Руа (Эдесса), который был завоеван перед Сирийским походом. Правитель Руа тоже сбежал, а захваченная казна была разделена между воинами. Султан Египта Баркук, приняв послов Амира Тимура во главе с родственником жены последнего, его звали Атылмыш, пленил Атылмыша, а остальных членов посольства приказал убить.

После долгой переписки между Амиром Тимуром и султаном Египта Баркуком, оба лидера решили, что бой неизбежен. Султану Баркуку оказали поддержку многие правители, среди них были Османский Султан Баязид, правитель Шиваса, хан Золотой Орды Тохтамыш и другие. Также некоторые правители переметнулись в стан к султану Баркуку, среди них князь Мардина Иса.

Однако, ресурсы Золотой Орды пока еще были велики, победа Амира Тимура не сломила до конца Золотую Орду. Хотя в сражении у Самары, войска Амира Тимура захватили огромную добычу и приобрели огромное количество рабов и лошадей, у хана Тохтамыша была возможность и средства попытать счастье в очередной раз.

В 1393 году произошло новое сражение между ханом Тохтамышем и Амиром Тимуром, битва произошла на Северном Кавказе, в долине реки Терек. В этом сражении вновь победу праздновал Амир Тимур. На этот раз силы Золотой Орды были настолько ослаблены, что войскам Амира Тимура была открыта свободной дорога в Поволжье, к самому сердцу Золотой Орды - её столице городу Сарай Берке. Огромный и богатый город был захвачен, предан грабежу и сожжен. Из города была вывезена огромная добыча, в состав которой входили пленные рабы - мужчины, женщины, дети. Также было вывезено огромное количество материальных ценностей. Пострадало не только Нижнее Поволжье с его главными городами-Сараем Берке и Хаджи Тарханом (Астрахань), но и Крым с его приморскими городами, такими как Азак (Азов), Каффа и некоторые районы Северного Кавказа. Опустошения и разрушения здесь были настолько велики, что все эти места еще долгое время

не могли экономически и политически возродиться. Разгром армии хана Тохтамыша на Тереке и опустошение Сарая-Берке в 1393 году нанесли Золотой Орде непоправимый удар. Государство, которое причинило много горя разным народам, а также Древней Руси, было практически разрушено. Золотая Орда стала кланиться к упадку, Амир Тимур, конечно, же вел борьбу в пользу Средней Азии, когда уничтожал армию Золотой Орды, но в то же время он совершил неоценимую помощь Русскому государству, так как Русь практически освободилась от влияния Золотой Орды.

Амир Тимур принял решение сначала наказать князя Мардина за неповиновение и предательство. Но в это время он получил плохие вести, в которых сообщалось, что его сын принц Умар-Шайх правитель Фарса погиб, сраженный вражеской стрелой. Фарс был пожалован Пир-Мухаммаду, сыну Умар-Шайха. Тело Умар-Шайха было похоронено в Шахрисабзе, где в гробнице покоились отец Амира Тимура и его сын Джахангир, а также другие члены семьи.

Весной Амир Тимур решил вновь наказать жителей Мардина за неповиновение, горожане просили пощадить их и прислали огромный выкуп. В этот момент Сарай -Мульк-ханум прислала радостное сообщение о том, что у Амира Тимура родился внук, сын семнадцатилетнего Шахруха. Поэтому случаю Амир Тимур пощадил Мардину и даже отказался от выкупа горожан. Этим внуком был Улугбек, будущий ученый и известный астроном, покровитель наук и искусств. Из Мардины войска двинулись на город Амид, который вскоре капитулировал, также были покорены некоторые города и села в Армении к востоку от озера Ван. Амир Тимур устал от военных действий и принял решение устроить отдых себе и своим людям. Местом отдыха было выбрано прекрасное армянское предгорье Карс. Вся семья собралась на отдых и здесь ранней осенью у Шахруха родился второй сын Ибрагим -султан.

Этой же осенью были покорены территории верхнего Тигра и Евфрата. Во время штурма туркменской крепости Авник, был пленен сын Кара-Юсуфа

Мисра и отправлен в Самарканд. Западные границы империи теперь простирались на пять тысяч километров от столицы Самарканда до Сирии и Малой Азии. На всей территории свободно передвигались торговые караваны. К зиме весь императорский двор вновь собрался, но в этот раз отдых проходил на прекрасных лугах Кавказа в Карабахе.

Сражение войск Амира Тимура и султана Египта Баркука так и не состоялось. Но султан Баркук, уверенный в своих силах, прибыл с огромным войском в Дамаск, затем он двинулся в Алеппо, чтобы дать бой войскам Амира Тимура. Не дождавшись своего соперника, он вернулся со своим войском в Каир. Амир Тимур понимал, что соотношения сил в данный момент было не в его пользу. Находясь на Кавказе Амир Тимур предпринял третью кампанию против Грузии. Отправленные войска вернулись из Грузии с победой и с огромным количеством богатых трофеев. Амир Тимур приказал готовиться к зимним квартирам и разбить лагерь южнее Араса у Каспия. Пятилетняя кампания обеспечила безопасность жизненных центров и торговых дорог от Кавказа до Персидского залива и побережья Индии. Она привела Амира Тимура до границ Анатолии, бросив вызов султану Османских турок Баязиду. Амир Тимур вернулся в Самарканд, где провел два года в приготовлении к новым военным кампаниям.

ИНДИЙСКИЙ ПОХОД

Весной 1398 года Амир Тимур начал свой победоносный поход в Индию. Армия насчитывала около ста тысяч воинов. Лучшую часть войск составляли Чагатай, они занимали важные посты, а многие князья и военачальники были старыми друзьями Амира Тимура. На время похода правителем Самарканда был назначен принц Умар, сын Мираншаха. Самый младший сын Амира Тимура Шахрух был назначен правителем Хорасана со столицей в Герате. Армия пересекла Аму-Дарью у Термеза и расположилась в Андаробе. Понимая, что основная армия со своей техникой и инженерными

войсками будут двигаться медленно, Амир Тимур пошел с особым отрядом через Хавакский проход в Кафиристан в поисках неверных и грабителей торговых караванов. Кафиры оказали ожесточенное сопротивление, но воины Мавераннахра вышли победителями в этом сражении, многие оказавшие сопротивление были вырезаны, женщины и дети были угнаны в рабство. Путь был очищен для прохода главной армии и Амир Тимур и его отряд соединились с основной армией. По всему пути были установлены гарнизоны, которые соблюдали порядок и контролировали, чтобы никто не грабил торговые караваны в этих местах.

Войска в августе месяце этого года завоевали Кабул и расположились на окружающих его лугах. В этот период Амир Тимур был занят, тем что принимал послов зарубежных государств, среди них был посол от Хизр-ходжи, который представлял интересы хана Могулистана, Тайзи -оглан, который представлял монгольскую Юанскую династию, основанную Хубилаем, также сюда прибыли Идигу и Кутлук оглан, они обещали служить верой и правдой императору. В Кабул приехал Шайх Нураддин, которого Амир Тимур оставил в Персии в конце пятилетнего похода, чтобы тот контролировал сбор и отправку поступлений. Весь следующий день император осматривал подарки, которые Шайх Нураддин подарил лично Амиру Тимуру. Был дан банкет в честь Шайха Нураддина и большая часть подарков была распределена среди эмиров, князей и послов.

Закончив с переговорами, Амир Тимур повернул войска в Индию, на второй раунд похода, на юге на берегу реки Сутледж недалеко от Мултана к армии присоединился Пир - Мухаммад. К августу этого года армия подошла к Инду и несколько дней переправлялась через реку. К войскам присоединилась армия Искандара, мусульманского шаха Кашмира, который выразил свою покорность. На реке Джелум местный правитель Мубарак оказал ожесточенное сопротивление, крепость была взята штурмом, после чего правитель утопил свою семью в реке и затем утопился сам.

Следующий город, который стал на пути Амира Тимура был древний Талумба, который капитулировал и заплатил большой выкуп. Следующий пункт завоеваний был город Мултан, осада продолжалась долгие шесть месяцев, огромная добыча была вывезена из города, который был захвачен с трудом и большими потерями. Финансовые контролеры Амира Тимура два дня пересчитывали трофеи, затем трофеи были распределены среди офицеров и солдат, соответственно их заслугам. Со своей стороны Амир Тимур подарил тридцать тысяч лошадей Пир – Мухаммаду и поручил ему командование правым флангом армии. Также к армии присоединился внук Амира Тимура Халил сын Мираншаха. К декабрю армия Амира Тимура стояла недалеко от Дели, где были собраны лучшие мастера и ремесленники своей эпохи. План Амира Тимура по захвату Дели заключался в том, что он хотел выманить соперника на открытую территорию и разгромить его армию.

Разведывательный отряд вынудил своими действиями врага на вылазку из города. Большинство солдат Дели, которые участвовали в вылазке были взяты в плен, это были индусы-идолопоклонники. Также нужно было менять тактические мероприятия, так как впервые против армии Амира Тимура в бой вступали боевые слоны индусов, а на их спинах были укреплены башенки, в которых сидели метатели огня и дротиков. Бивни этих слонов были вооружены саблями, концы которых были отравлены ядом. Против слонов были вырыты траншеи и валы, усиленные щитами, и были установлены колы, всех буйволов связали вместе и привязали перед линиями войск. Малу и Султан Махмуд приказали открыть ворота и вышли чтобы дать сражение в открытом поле, это было то действие, которое ожидал Амир Тимур. Он не хотел долгой осады. Обе армии вступили в ожесточенный бой, боевые кличи и шум барабанов были слышны с двух сторон, к спинам верблюдов и буйволов были привязаны вязанки, которые зажгли, как только в атаку пошли слоны. Часть слонов испугавшись огня развернулась и убегая потоптала свои собственные войска. Другие были покалечены колами, которые заранее расставили на земле.

Под натиском правого фланга, которым руководил Пир – Мухаммад, индийский левый фланг попятился под давлением, атака индусов на передовых позициях завершилась неудачей и отдельный отряд Амира Тимура ударил в тыл сопернику, а левое крыло в ожесточенной борьбе отбило упорные атаки индийских войск, а затем бросилась к воротам Дели зайдя с тыла. Султан Махмуд и Маллу бежали в город, потеряв большую часть своей армии. Слоны были изранены, многие погибли. Султан Махмуд и Маллу ночью бежали из города, оставив своих жен и детей, их преследовали, были схвачены двое сыновей Маллу. На следующий день Амир Тимур торжественно въехал в Дели, была сыграна победная музыка и звучали поздравительные стихи в честь победы. Амир Тимур принял капитуляцию города. За огромную контрибуцию была обещана защита. По всей империи были разосланы гонцы с победными радостными новостями. Придворные чиновники и казначеи начали свою работу по сбору выкупа у горожан. Город не был разграблен. Армия Амира Тимура существенно обогатилась, потому что Дели обладал огромными богатствами, которые состояли из золотой и серебряной посуды, драгоценностей, большим запасом золотых монет. По традиции индусские женщины хранили своё состояние в виде золотых браслетов, ожерелий, сережек и украшений для ног, богатства, накопленные поколениями, перешли в руки армии победителя. После принятия капитуляции Амир Тимур устроил большой пир в честь победы над врагом. Ремесленники и мастера были отправлены в Самарканд.

В начале января, после ухода армии из Дели, войска подошли к городу Мейрут, который отказался сдаться и был предан штурму, а затем и огню. Джахан Шах получил приказ опустошить поселения по берегам реки Джамны.

В это же время Амир Тимур с войсками подошел к Гангу. Произошло сражение на реке, где были потоплены 18 судов индусов. Далее войска двинулись на северо-запад к Кашмиру, там в течении месяца было взято 7 крепостей и был наведен порядок в этих местностях. Амиру Тимуру в это время было 63 года и во время этих сражений у него сильно развивалась

опухоль на руке. Но вскоре она прошла. Его советники настоятельно просили не принимать участие в ближнем рукопашном бою. Великий полководец ответил им так, война за веру имеет два высших преимущества, первое это то, что война и победа в ней дают воину внешнюю славу гарантируя рай в мире грядущем, а второе то, что она давала для воина сокровища этого мира. Так как Амир Тимур хотел воспользоваться обоими преимуществами, то он стремился оправдать эти претензии. Все эти провинции, которые находились вдоль Гималаев были захвачены и разграблены, сопротивление влекло за собой безжалостное возмездие. Все воины армии делили добычу, по справедливости, если какая-нибудь часть армии возвращалась с военной операции без добычи, то другие более удачливые воины и их военачальники должны были поделить своей добычей, либо те, кто не получал добычу в этот раз направлялись в более благоприятную экспедицию в следующий раз. Амир Тимур всегда контролировал, чтобы воины были довольны своим материальным положением, а также за тем, чтобы у них было всё необходимое для ведения боевых действий. Моральный дух солдат тоже поддерживался регулярными беседами с эмирами и духовными старейшинами. Более двух месяцев продолжалось наступление на Кашмир, в результате чего шах Кашмира Искандер принял решение покориться и стать на службу к Амиру Тимуру. Один из финансовых служащих приказал уплатить дань в три тысячи лошадей и сто тысяч дерестов золота (кашмирская денежная единица). Шах Искандер обещал собрать дань и прийти с ней в лагерь Амира Тимура, но последний решил, что наложенный налог слишком велик для Кашмира и его населения. Он приказал пригласить к себе шаха Искандера без принесения дани.

В то же время в Лахоре, где правил принц Шайха, который без должного уважения принял имперского казначея Хинду Шаха и других представителей королевского двора, а также за неподчинение новой власти было принято решение захватить город, наложить на него огромный выкуп, а самого принца Шайха казнить.

Вот так Великому Полководцу приходилось действовать, кнутом и пряником, те кто не оказывал сопротивления должны были выплатить дань и продолжать жить дальше в мире и согласии.

Весной Амир Тимур принял решение вернуться в Самарканд, он оставил в Дели своего наместника Хизр Хан Сайида, который был потомком пророка Мухаммада. Хизр Хан Сайид был изгнан из Мултана Саранг Ханом и признал себя вассалом Амира Тимура. Хизр Хан Сайид исправно отправлял дань в Самарканд и упоминал имя Амира Тимура на монетах и Кутбе. В будущем Хизр Хан Сайид основал в Дели династию Сайидов.

Индийская операция закончилась, многие воины захватили огромное количество трофеев, в казну Самарканда было направлено большое количество драгоценностей и денег, а также были отправлены ремесленники и мастера для строительства новых дворцов и мечетей. Но, к сожалению, армия потеряла огромное количество воинов и лошадей, так как природные условия индийского региона не совсем подходили для людей и животных из теплого сухого Мавераннахра. Даже самого Амира Тимура беспокоило здоровье, у него появились фурункулы на ногах и руках, которые приносили невыносимые страдания и боли, иногда он не мог скакать на коне и его несли на носилках слуги, во всем была виновна влажная погода Индии, где очень часто шли дожди.

Вернувшись в Самарканд Амир Тимур быстро восстановил своё здоровье, затем начал строительство новой мечети огромных масштабов, которая стала бы достойным монументом его побед. Лучшие мастера из пленных приступили к строительству этой мечети. Из Персии, Индии и Азербайджана были привезены мраморные плиты, место строительства новой мечети было выбрано в городе Самарканде у Железных ворот города, напротив мадрасы Сарай Мульк-Ханум. Во главе строительства стояли Ходжа Махмуд Давуд и Мухаммад Джалая. Армия готовилась к очередным завоеваниям.

ПОСЛЕДНИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И ПОБЕДА НАД МАМЛЮКАМИ

Осенью 1399 года двигаясь на запад в свой семилетний поход Амир Тимур понимал, что одна из главных задач для него, это покорить Египет и контролировать весь торговый путь в регионе, а также захватить богатства этого мощного государства.

В это же время правитель оттоманских турок Баязид угрожал Европе своим нашествием, а весь христианский мир возлагал большие надежды на союз с Амиром Тимуром. Примерно за 4 года до этих событий Сэр Джеймс де Хелли принес страшную новость королю Франции в которой говорилось о поражении нового крестового похода под Никоподем на нижнем течении Дуная, где погибло огромное количество крестоносцев. Христиане были разгромлены Оттоманскими турками, которые долгое время угрожали византийской империи. Это были народы, которые пришли в Малую Азию из Средней Азии.

К началу XIV века турецкие эмиры уже правили десятью провинциями Анатолии. Один из районов в Западной Анатолии имел значительный успех в борьбе против Византии, которая имела опорные пункты в Малой Азии. Правителем этого района был Осман (Оттоман). Оттоманы захватили Бруси, на северо-западе полуострова и провозгласили её своей столицей. Также они утвердились в турецком эмирате Караси, после чего продолжали атаковать Византию.

Это был 1204 год. Византийская империя была ослаблена после четвертого крестового похода, когда Константинополь был разграблен и оккупирован европейскими войсками под командованием Венеции. Поэтому Византия не могла эффективно воевать и оказывать достойное сопротивление Оттоманским туркам во второй половине XIV века. Византийский император Иоанн V Палеолог (1341-1391 года) вынужден был признать себя вассалом

турецкого султана Мурада. В 1389 году турки одержали верх над Сербами при Косово, которые стали турецкими вассалами. Один из сербских патриотов в этом бою убил Султана Мурада. Властителем Малой Азии стал Баязид, которого прозвали Молниеносный (Ельдерим), он стал во главе турок после смерти своего брата, который сражался вместе с ним в Косово. Византийский император капитулировал окончательно и ему была оставлена территория города Константинополя и некоторых его окрестностей. Победу над сербским народом в Косово, Баязид завершил женитьбой на сербской принцессе в 1390 году.

Вернувшись в Малую Азию Баязид захватил пять эмиратов : Сарухан, Текке, Айдин, Кермиан и Ментена. К 1393 году он присоединил к своим владениям еще два эмирата– Казил Ахмид и Караман. Затем Баязид захватил Болгарию, следом за ней он подчинил себе одно из венгерских государств на Дунае и теперь угрожал всему королевству венгерскому. Все свергнутые принцы из Малой Азии отправили свои обращения с просьбой о помощи к Амиру Тимуру в Самарканд. В своих обращения они жаловались на жестокость Баязида Молниеносного.

Между тем в Европе было нестабильно, Великий раскол с двумя папами, один из которых был в Риме, а другой в Авиньоне, подтачивал жизненные силы церкви. Чума уничтожала большое количество людей, Английский король Ричард II из последних сил удерживал свою власть над своими баронами.

В столетней войне было объявлено перемирие, но и Англия и Франция могли начать военные действия в любой момент. Французский король Карл VI время от времени терял контроль над собственными владениями. Несмотря на многие разногласия оба папы Бенедикт XIII Авиньонский и Бонифратий IX Римский были единодушны в одном, они оба призывали к новому крестовому походу. Джон, граф Наварский, сын герцога Бургунского выступил из Дижона с армией примерно в десять тысяч воинов. В Германии к ним присоединилось

ещё шесть тысяч немецких солдат, а английские выступили с одной тысячей добровольцев под командование герцога Хантингтона.

В Буде войска соединились с войсками Сигизмунда, у которого было около 60 тысяч солдат. Около 30 тысяч воинов присоединилось к армии из разных стран – Италии, Испании, Богемии и Польши. Общая численность армии составляла около ста тысяч солдат, которая превышала все предыдущие крестовые походы по численности. Пока европейцы собирали очередной крестовый поход, Баязид планировал взять осадой Константинополь, но узнав новость о начале крестового похода осада Константинополя была отложена, и оттоманская армия двинулась на север на войну с крестоносцами, которые базировались в Венгрии. В свою очередь крестоносцы дошли до Никополя, который находился на Дунае. Через две недели туда же подошла армия во главе с турецким правителем Баязидом Молниеносным. Византийский император Мануэль Палеолог, осажденный в Константинополе, принимает решение обратиться к западу за помощью. Венецианские торговцы, которые имели большие интересы и права в Константинополе отговорили его. У Венецианских торговцев имелись интересы в обеих лагерях: с одной стороны они хотели сохранить хорошие отношения с Баязидом Молниеносным, который оказывал им поддержку в торговле в Малой Азии и давал гарантии неприкосновенности их караванов, а с другой стороны они стремились сохранить свои позиции у входа в Черное море.

Вместе с тем, в связи с подготовкой короля Сигизмунда, венецианцы снарядили флот для морских операций в поддержку сухопутным войскам крестоносцев. Между крестоносцами под командованием Сигизмунда и турецкими войсками начались боевые действия. Первыми в бой ринулись венгры, которые уже принимали участие в войне с турками и имели некоторый опыт. Они захватили в плен некоторое количество турок и зарезали их. Французские подразделения бросились вперед с криками «За бога и Святого Георгия» и «За бога и Святого Дениса». Европейцы подмяли конницу турок, а пешие рыцари отбросили пехоту турок на некоторое расстояние от поля

сражения. В это время подросла основная турецкая конница численностью около сорока тысяч всадников, а рыцари креста были изнурены битвой и тяжелым вооружением, и доспехами. Турецкие всадники безжалостно с особой жестокостью изрубили крестоносцев на куски. Остальные воины, увидев эту картину, обратились в бегство, армия была разбита, сам Сигизмунд вынужден был бежать. Мануэль договорился с генуэзцами Эгейского моря и рыцарями Родоса, что они примут участие в войне против турок, но пока флот плыл через Босфор, армия крестоносцев была разбита. На одной из галер, которая вошла в Черное море был спасенный моряками беглый венгерский король Сигизмунд. После окончания битвы Баязид Молниеносный был разъярен тем, что его армия понесла большие людские потери и приказал своим людям перебить всех пленников, кроме тех, кто мог заплатить большой выкуп за свою жизнь. Среди тех, кого оставили в живых были граф Наварский, граф Артуа, сэр Джемс де Хели и другие. Последнего Баязид отправил на запад, чтобы тот договорился о выкупе за пленных. Сигизмунд и герцог Бургундский уплатили выкуп в размере 200 тысяч золотых флоринов, в эту цену турки оценили пленных дворян. Деньги были ассигнованы купцами Венеции и Генуи и их банковскими домами. Филипп, граф Артуа умер, не дождавшись освобождения и был похоронен в одном из монастырей Константинополя. Турецкая армия преследовала крестоносцев до самой Сирии, а также оккупировала Афины. Дальнейшее продвижение Баязида Молниеносного было приостановлено, так как он почувствовал болезненный приступ подагры.

По причине захвата Константинополя турками император Мануэль, понимая свое положение, предложил город венецианцам. Но те подумав решили отказаться, имея в виду концессии, которые они имели на территории Османского султаната. Они приняли меры для защиты своих колонистов и отправили четыре галеры. То же самое сделали Генуэзцы, которые имели базу в Пера. Мануэль вынужден был вновь обратиться к западным христианским правителям, но реальной помощи никто не оказал. Только французский

король, который был сюзереном Генуи отправил Муршала Бусико с отрядом примерно в десять тысяч солдат. Поучаствовав в мелких стычках и не имея возможностей для обогащения путем грабежей солдаты уплыли обратно, и император Мануэль Византийский ушел вместе с ними. Это всё происходило в конце 1399 года.

Прибыв в Европу Мануэль Византийский, обращался к правителям, везде его роскошно и щедро принимали, но реальной помощи никто не оказал. Баязид Молниеносный к этому времени был провозглашен и признан в качестве султана Рума Барнуном египетским. Но Баязиду было этого мало, его не удовлетворяли владения в Азии и частично в Европе, его главная цель была провинции, которые были покорены Амиру Тимуру. Баязид Молниеносный начал угрожать Армении и союзнику Амира Тимура принцу Тахартену, которому было доверено спокойствие западных границ. Ко двору Амира Тимура прибывали сельджукские и турецкие эмиры, свергнутые Баязидом. Они надеялись, что при помощи Амира Тимура они смогут вернуть свои территории. Конфликт между Амиром Тимуром и Баязидом Молниеносным разгорался не на шутку. Амир Тимур приютил в своем дворе свергнутых князей Рума. В свою очередь Баязид Молниеносный приютил у себя закоренелых врагов Амира Тимура, среди них был султан Ахмад Джалаир со своим сыном Тахиром, вождь туркменского племени «Кара-Коюнлу»— Кара Юсуф. Ахмад Джалаир, получив поддержку от Египта наладил отношения с Баязидом и просил Османского лидера помощи в борьбе с Амиром Тимуром. С такой же просьбой обратился к Баязиду Шах Мансур, турецкий султан и ему пообещал помочь и уверил его, что обязательно остановит Амира Тимура и его войска в их продвижении в Малую Азию.

Между двумя правителями произошла оживленная переписка. В своем послании Амир Тимур пытался объяснить Баязиду Молниеносному, что до сих пор не начинал войну с последним, потому что Баязид вел войну с неверными, то есть с христианской Европой, и не хотел бы радовать неверных и огорчать мусульман войной и разногласиями между мусульманскими

государствами. Также Амир Тимур посоветовал Баязиду Молниеносному не пытаться претендовать на территории державы Амира Тимура. На что Баязид ответил гневным письмом в неуважительных тонах. Оба правителя понимали, что конфликт неизбежен.

Западные страны, воспользовавшись ситуацией и понимая, что Амир Тимур единственная сила, которая может остановить Баязида Молниеносного через различные каналы стали устанавливать контакты с Амиром Тимуром. Правитель Константинополя Иоан, который был назначен регентом, покинувшим столицу Мануэлем Византийским, тоже обратился к Амиру Тимуру с предложением стать вассалом и выплачивать ему дань, которую раньше платил Баязиду Молниеносному. В то же время Иоан вел переговоры с Баязидом торгуясь об уступках, а также он вел переговоры с французским королем о продаже византийского трона за ежегодную ренту и безопасное убежище во Франции. В то время пока войска Амира Тимура наводили порядок в Грузии в начале 1400 года, Баязид приказал своим войскам во главе со своим сыном принцем Сулейманом захватить Армению. Принц Тахартен, вассал Амира Тимура добровольно уступил свои владения туркам, так как ему было все равно кому платить дань и подчиняться. Но он не учёл одного, турки захватили его гарем и казну. Тогда принц Тахартен обратился к Амиру Тимуру с просьбой вернуть его гарем и территории, которые он потерял.

К лету 1400 года Амир Тимур повел своих воинов на запад, закончив свой грузинский поход, по пути к нему присоединились принц Тахартен, а также войска Эрверума и Арзинджана. Войска были направлены к Сивашу, который являлся самым важным и укрепленным городом анатолийской границы, а также коммерческим центром Анатолии, Месопотамии и Сирии. Он был окружен ровом полным воды и крепкими высокими каменными стенами. Обороной Сиваша руководил губернатор Мустафа, под его началом было около четырех тысяч кавалеристов. В августе 1400 года Амир Тимур дал команду к началу осады, были сооружены платформы вокруг стен с которых катапульты метали огонь и камни, также были задействованы тараны. После

двадцати дней осады стены и башни были разрушены. Старейшины города вышли к Амиру Тимуру с просьбой о пощаде, все мусульмане были помилованы, а христиане и армяне были взяты в плен. Когда принц Сулейман пришел в Сиваш с подкреплением, то было уже поздно, от города остались только руины.

Амир Тимур захватил господство над подступами в Анатолию, Кара Осман, эмир Амида и сын свергнутого князя Сиваша, был назначен правителем Малатии и ему было поручено контролировать южные границы Рума.

Следующим шагом в планах Амира Тимура была война с мамлюкским Султаном Египта. Египетская империя простиралась от Нила до Малой Азии, под контролем Египта находились все торговые и ремесленные пункты от Каира до Дамаска и все караванные пути и центры ведущие в Индию, а также паломнические пути в Мекку и Медину.

Египет стал сильной державой во времена правления султана Салах – атина в XII веке, который возглавил борьбу против крестоносцев Запада и изгнав их объединил все провинции Сирии с Египтом. Мамлюки в начале были рабами, которых покупали египетские султаны для своей личной охраны. Происходили они вначале из Азии главным образом из кипчакских степей, позже мамлюкские отряды стали пополняться рабами из народов Кавказа. Мамлюки обычно воспитывались, при султанах Египта с малолетства, из них получались тренированные воины, которые отлично стреляли из лука, были лихими наездниками и самое важное, были преданы только Султану. У них не было семей и никаких родственников, мамлюки не знали откуда они родом, потому что многих Султан приобретал на рынке рабов еще в детском возрасте. После освобождения их из рабства правившим султаном, они стали главной опорой его власти. В конечном счете они заменили султана правителем из своих собственных рядов. Один из выдающихся мамлюков султан Байбарс, который происходил из тюркских кипчаков изгнал крестоносцев из Сирии. Также султан Байбарс при помощи

мамлюкской армии сумел остановить движение монгол на запад к Сирии. Благодаря воинским успехам мамлюков, которые сумели победить армию ильханов в 1260 году, власть последних была ограничена на восточных берегах Евфрата и побережья Средиземного моря.

Правитель ильханской империи хан Хулагу был в отъезде, когда вспыхнул конфликт азербайджанских провинций с Золотой Ордой, мамлюкам было на руку такое положение вещей, когда происходили трения между субъектами монгольских империй. Искрометно развивалась торговля между Египтом и Индией, которая приносила огромные прибыли обеим странам. В Каир был приглашен родственник Халифа, который был убит во времена правления Багдадом хулагидами, по просьбе султана Байбарса Халиф узаконил господство мамлюков в Египте. Во главе мамлюкского государства, которое объединяло Египет и Сирию в 1382 году стал бывший черкесский раб, а ныне султан Баркук. Амир Тимур отправил к Султану Баркуку своих послов с предложением об обмене торговыми караванами и развитием дружеских отношений, султан Баркук отверг это предложение, а также проявив не уважение к послам убил одного из них, а второго заключил в тюрьму. Через какое-то время сам султан Баркук умер и его место занял сын десятилетний Фарадж. Пытаясь найти, поддержку молодой султан обратился к правителю оттоманской империи Баязиду, который помог тем, что захватил сирийский пограничный город Малатийю, принадлежавший мамлюкскому Египту. Баязид Молниеносный недолго довольствовался своим успехом, так через некоторое время Малатийя был захвачен армией Амира Тимура. Султан Баязид отправил своих послов в Каир, чтобы заключить договор о сотрудничестве между оттоманской империей и Египтом, что позволило бы совместно выступить против армии Амира Тимура. Но молодой султан Фарадж отверг это предложение, потому что не забыл, как после смерти его отца султана Баркука Баязид захватил город Малатийю. Амир Тимур отправил сообщение султану Фараджу с требованием освободить его посла Атылмышы, которого пленил отец Фараджа султан Баркук, но это письмо было схвачено

наместником султана в Дамаске по имени Мудук и по его приказу посланник Амира Тимура был казнен. Не дождавшись ответа на свое письмо Амир Тимур стал готовить армию к выступлению на Египет.

С невероятной скоростью армия Амира Тимура захватила крепость Бахасна, которая считалась до этого неприступной. Затем войска двинулись к Алеппо, который был вторым городом после Дамаска. Это был очень богатый город, который развивал торговые отношения с Индией. Сирийские эмиры собрали большое количество воинов из близлежащих городов. Среди воинов были представители - Хаиса, Антиохии, Акре, Хама, Газы и Иерусалима.

Армия Амира Тимура очень быстро одолела объединенную армию сирийцев и Алеппо пал. Сирийские Эмиры под руководством Дамурдаша сдали город победителю. Амиру Тимуру досталась богатая добыча, в казне Алеппо хранились сокровища и деньги, накопленные несколькими поколениями правителей этого города. Как и в предыдущих войнах и завоеваниях после завершения боевых действий Амир Тимур пригласил к себе мусульманских лидеров для проведения теологических дискуссий. После продолжительной оживленной беседы один из священников попросил пощадить жителей города Алеппо, на что Великий Полководец даровал безопасность всем, так Алеппо не подвергся массовому разграблению и уничтожению.

Закончив все свои дела в Алеппо Амир Тимур покинул этот город и повернул войска к городу Хама, город поспешил капитулировать, а все богатства казны были переданы победителю. Несколько дней Великий Полководец позволил отдохнуть своим войскам устроив привал в городе Хама. Затем армия захватила город Хомс, который находился южнее Хамы. Город сдался и выплатил выкуп. Следующим, захваченным практически без боя, был город Баальбек. После Баальбека были захвачены Сидон и Бейрут.

Пришла очередь Дамаска, который являлся столицей Сирии. Дамаск был торговым перекрестком между Багдадом и Хорасаном, паломники, идущие в Мекку, тоже шли через Дамаск. Первое столетие возникновения Ислама

столицей халифов был Дамаск, потом он был перенесен в Багдад. Соборная мечеть, которую построили при династии Омеядов считалась самой красивой в исламском мире. В Дамаске развивалось ремесленное дело, здесь трудились самые известные мастера по закалке стали. Султан Фарадж и его эмиры придумали хитроумный план по уничтожению Амира Тимура, в лагерь которого был отправлен убийца, замаскированный под дервиша с двумя помощниками. Они должны были добиться доступа к императорскому шатру и нанести уколы кинжалами, отравленными ядом. Однако гости вызвали подозрение у охраны Амира Тимура, при обыске дервишей были найдены отравленные кинжалы, которыми и закололи шпионов. А одного из помощников отправили обратно к султану Фараджу, предварительно отрезав ему нос и уши. В знак мести были казнены Правитель и его военачальники, которые были взяты в плен в Алеппо. Войска Амира Тимура подошли к Дамаску и разбили здесь свой лагерь. Несмотря на подлую выходку султана Фараджа, Амир Тимур отправил еще одно послание с требованием отпустить посла Атылмаша и объявить свою покорность. В этот раз султан Фарадж принял послов со всеми почестями и ответил, что он принимает все условия Амира Тимура, выражает свою покорность и уважение, а также в течении пяти дней отправит посла Атылмаша ко двору Великого Полководца. Спустя десять дней войска начали движение на восток, где находились хорошие луга и пастбища. Военачальники Дамаска решили, что армия Амира Тимура испугавшись битвы стала отступать и надумали ударить в тыл врага. Сирийские войска вышли из города, чтобы ударить по арьергарду армии Амира Тимура. Уверенность Дамаскцев усилилась, когда они увидели армию султана Фараджа, которая прибыла из Каира. Амир Тимур, увидев нападавших Дамаскцев, развернул войска и дал бой, сирийцы были разгромлены и понесли большие потери. На следующий день султан Фарадж отправил Амиру Тимуру сообщение, что вчера была вылазка дамаскцев, которая произошла в результате восстания народа Дамаска, мы не имеем никакого отношения, к этому мероприятию, что касается нас мы выполним все свои обещания и

надеемся на прощение. На следующий день султан Фарадж увел свои войска оставив население Дамаска один на один с армией Амира Тимура. Великий Полководец приказал своей армии начать осаду Дамаска, а один из отрядов пустился в погоню за султаном Фараджем и его приближенными эмирами. Амир Тимур отправил своего посла, который передал старейшинам города условия капитуляции и цену выкупа. Условия были приняты и начат сбор выкупа, каждый горожанин должен был внести свою лепту в сбор денег и драгоценностей. Несмотря на договоренность о капитуляции города, губернатор крепости принял решение сопротивляться воинам армии Амира Тимура, тех кто подходил близко к стенам города обстреливали стрелами и греческим огнём. Амир Тимур приказал сокрушить стены и взять город осадой. Кроме подкопов и подрывов стен, были также задействованы тараны и баллисты. На стены забрасывалась раскалённая нефть, в результате чего стены сильно нагревались, а затем заливались уксусом и резко охлаждались, и легко разрушались под ударами молотов. Осада длилась около месяца, после чего правитель Дамаска принял капитуляцию, самого правителя казнили, отрубив ему голову. Амир Тимур поселился в доме богатейшего сирийского торговца. Старейшины города договорились с Амиром Тимуром о сумме выкупа, она составляла один миллион динаров. Но когда эти деньги были собраны Амир Тимур решил, что такой богатый город должен заплатить десять миллионов динар. Дамасские казии (судьи) стали прибегать к силе, чтобы заставить граждан Дамаска уплатить контрибуции. Когда десять миллионов динар были собраны, Амир Тимур вновь выразил недовольство и приказал все богатство и имущество торговцев и видных людей принести ввиде выкупа. Конфискацию проводили эмиры Великого Полководца.

Были отчеканены золотые и серебряные монеты с именем Амира Тимура, часть этих монет была распределена среди войск. Затем войскам был дан приказ на разграбление города, так Амир Тимур отомстил горожанам за упорное сопротивление. Войска были щедро одарены и многие из воинов сильно разбогатели на разграблении Дамаска.

Ремесленники были отправлены в Самарканд, среди них были настоящие профессионалы своего дела. В это время в Каире началась настоящая паника, люди узнав о судьбе Дамаска решили, что их ждет такая же участь. Многие горожане, распродав свое имущество уезжали. Султан Фарадж объявил тотальный набор на военную службу, те кто не хотели служить должны были выплатить выкуп, состоящий из половины урожая, также были увеличены налоги за ввозимые товары. Хотя жители Каира в испуге ждали войска Амира Тимура, Великий Полководец решил уйти на север и в марте 1401 года он покинул Дамаск. Амир Тимур провел зиму на отдыхе в Карабахе, там же он готовился для решающего сражения против Баязида Молниеносного.

Из Самарканда было вызвано подкрепление под командованием принца Мухаммад-Султана. Великий Полководец принимает решение о том, что пора покончить с Багдадом. Осада началась в 1401 году, в летние месяцы, жара стояла невероятная. все осадные мероприятия происходили при раскалённом солнце. Горожане сопротивлялись ожесточенно, несмотря на жару и голод город оборонялся полтора месяца. Потери были огромные с обеих сторон, когда город был захвачен мертвых было большое количество, правитель успел убежать, но его настигли и убили. Казна правителя, с которой он пытался убежать попала в руки воинов Амира Тимура, там было много драгоценностей, а самым дорогим было дерево из чистого золота, украшенное драгоценными камнями разных оттенков.

БИТВА ПРОТИВ ОТТОМАНСКОГО СУЛТАНА БАЯЗИДА

В период 1400-1401 года к Амиру Тимуру регулярно приезжали послы Европейских государств, они были обеспокоены усилением и угрозами со стороны Султана Баязида. Они считали, что единственная сила, которая могла бы им помочь это была армия Амира Тимура. Греческий христианский император Мануэль III Трапезундский считал оттоманскую угрозу более

опасной чем угрозу, исходящую от армии Амира Тимура. Он поспешил заявить о своем подчинении Амиру Тимуру и отправил дорогие подарки. Амир Тимур отправил в ответ своих послов к Мануэлю III, в послании он потребовал, чтобы его вассал Мануэль III Трапезундский предоставил флот из двадцати галер, тоже самое должны были сделать и Константинополь, и Пера, осторожные венецианцы вели переговоры с обеими сторонами. Продолжалась переписка между Баязидом Молниеносным и Амиром Тимуром, в своих письмах последний говорил, что несмотря на многие разногласия он не хотел бы воевать с братьями мусульманами, также в своем послании Великий Полководец требовал выдачи его врагов, которые нашли убежище у Баязида Молниеносного. Речь шла о Кара Юсуфе предводителе туркмен Кара-Коюнлу и Султана Ахмада.

Амир Тимур поселился на зимовку в Карабах. Туда же прибыли послы Константинополя и Перу, которые подтвердили наличие флота, как повелевал Амир Тимур, также с подтверждением верности прибыл посол Генуи. Прибыл и посол от Султана Баязида, который в дипломатической манере пытался объяснить, что при всем уважении к Великому Полководцу, султан Баязид не может выдать Султана Ахмада и Кара – Юсуфа, так как это противоречит законам гостеприимства, принятым в османской империи, он также требовал вернуть ему Сиваш. Амир Тимур приказал устроить королевский прием послам Султана Баязида, также он настаивал на том, что два мусульманских государства должны решать все свои вопросы путем дипломатических переговоров. Мухаммад-Султан был на подходе к Карабаху, он шел в сопровождении подкрепления для императорской армии.

Амир Тимур вел переговоры с послами Баязида, так как хотел выиграть время и дожидаться прихода подкрепления. После переговоров с османскими послами Амир Тимур отправил письмо Иоану регенту Константинополя датированное 15 мая 1402 года, где он писал о том, что он принимает предложение дани и что Великий Полководец накажет Баязида за нанесенный ущерб византийскому императору. Латинский перевод этого письма

сохранился до сих пор в венецианских архивах. Ещё одним поводом для начала войны с Баязидом Молниеносным был тот факт, что последний задержал жен и детей Тахартена в качестве заложников, также Султан Баязид мобилизовал войска со всех провинций Рума. В начале 1402 года Мухаммад Султан, который привел с собой подкрепление из Самарканда принялся атаковать неприступную крепость Камах, которая находилась к Западу от Евфрата, эта крепость была захвачена Баязидом Молниеносным у Тахартена. Через неделю крепость капитулировала и была возвращена Тахартену. Амир Тимур повел войска на запад и расквартировал их на равнинах Сиваша.

Как раз в это время приехали послы от Султана Баязида с посланием их господина. В письме говорилось в оскорбительной форме о женах Амира Тимура. У мусульман упоминание женщины в оскорбительных тонах считается преступлением и тяжелым оскорблением, все понимали войны не избежать.

Амир Тимур принял решение произвести осмотр своих войск и сделал это в присутствии послов Баязида, все военачальники представляли свои корпуса и отряды, среди них было огромное количество конных воинов на лошадях. Все воины имели достойное снаряжение, которое было изготовлено пленными ремесленниками, привезенными в Самарканд из разных стран. Послы после окончания осмотра войск были отправлены к Султану Баязиду, а их подарки были отвергнуты. Султан Баязид оставив осаду Константинополя собрал все своё войско в Анатолии. Представители Венеции, Генуи и Константинополя отказали оттоманскому лидеру в поставке флота, так как они рассчитывали на помощь Амира Тимура. Для обеспечения тыла Баязид оставил десять галер в Галлиполи и двадцать галер разместил в различных портах на побережье Эгейского моря.

В армию Баязида были собраны войска из Сербии и других балканских государств, а также оттоманские войска из Константинополя и Галлиполи. Египетский султан также отказал Баязиду в помощи так как не хотел помогать оттоманским туркам, которые отобрали у него Малатийу.

Военные советники султана Баязида рекомендовали ему дожидаться прихода войск Амира Тимура в хорошо защищенных позициях у Анкары, что дало бы большое преимущество в бою, но Баязид Молниеносный оставил один гарнизон у Анкары, а сам повел войска на встречу армии соперника. Спустя несколько дней войска Амира Тимура подошли к местности Кир - шахар, здесь же произошли первые стычки с турецкими отрядами. Еще через три -четыре дня войска Амира Тимура расположились к востоку и северо-востоку от Анкары, здесь было обилие воды и лугов. Великий Полководец отдал приказ к штурму Анкары, начались осадные мероприятия, вода, которая шла в город была перекрыта, начался подкоп стен, губернатор Анкары вместе с гарнизоном, оказал ожесточенное сопротивление. В тот момент, когда воины Амира Тимура взобрались на одну из стен цитадели и были готовы войти в город, поступил приказ из штаб- квартиры к отступлению. Все отряды армии были собраны на равнине готовые дать бой армии оттоманских турок и их союзников. Преимущество было на стороне армии Амира Тимура, так как его воины были отдохнувшими, кроме тех, кто занимался осадой Анкары, также армия имела доступ ко всем источникам воды и имела огромные запасы провизии. Напротив, армия Баязида Молниеносного была уставшая из-за длительного перехода и имела ограниченное количество провизии, а также в их распоряжении имелся единственный источник воды, который был загрязнен по приказу Амира Тимура.

Армия Амира Тимура расположилась в таком порядке: правое крыло находилось под командованием принца Мираншаха и Шайха Нуратдина, левое крыло находилось под командованием Шахруха Султана и Халила султана, а авангардом командовали Эмир Джахан - Шах и Абу Бакр. Основная армия, состоящая из самых преданных воинов, была под командованием Мухаммад Султана. Сам Великий Полководец руководил резервом, ему помогали Пир - Мухаммад, Искандар и Умар Шайх. Впереди войск были выставлены боевые слоны, взятые в плен во время индийского похода. С обеих сторон имелись на вооружении орудия для использования греческого огня.

Турецкая армия расположилась в следующем порядке: правое крыло было передано под командование сербского шурина Баязида Молниеносного Лазаровича в его войска входили сербские отряды, оснащенные огнеметами. Левое крыло было доверено Сулейману Челеби, сыну султана Баязида, которое состояло из македонских воинов и конных турок из Малой Азии. Центром командовал сам Султан Баязид, в его распоряжении было пять тысяч янычар, ему помогали руководить его сыновья: Мустафа, Иса и Муса. Резервом командовал другой сын Баязида Молниеносного Мехмед Челеби, в его корпус входили конные воины. Рано утром перед боем, по принятой традиции Амир Тимур устроил публичный молебен за победу в предстоящем сражении. После чего барабаны, цимбалы и трубы возвестили о начале атаки, началась великая битва двух самых сильных армий мира того времени.

Янычары, сипахи и сербская кавалерия сражались очень самоотверженно, в какой-то момент левое крыло армии Амира Тимура начало отступать, не выдержав натиска врага. Султан Баязид опасаясь, что конная армия сербов может попасть в окружение приказал им вернуться на прежние позиции. В какой-то момент татарские наемные конные отряды перешли на сторону армии Амира Тимура этому способствовала подрывная агитационная деятельность воинов Великого Полководца, которые завербовали татар рассказав им о великодушии Амира Тимура при дележе завоёванных богатств. Татарская конница, развернувшись бросилась на воинов Сулеймана Челеби. Тяжелая битва происходила на левом фланге армии. Амир Тимур и Мухаммед Султан был вынужден привлечь свои резервы против сербов. Принц Сулейман Челеби, увидев, что татарская конница атакует с тыла, а враг наступает с фронта, решил, что сражение уже проиграно. Он пустился в бегство с остатками своих войск. На правом фланге сербская армия под руководством Лазаровича сражалась достойно, но увидев бегущего Сулеймана Челеби присоединилась к бегству прекрывая отступление Сулеймана Челеби. Муса и Иса Челеби были взяты в плен, их брат Мустафа тоже сбежал с поля боя. Только Мехмед Челеби и Султан Баязид продолжали воевать во главе

янычарского резерва. Баязид Молниеносный продолжал сражаться с ожесточением до самой ночи, в его распоряжении находилось около тысячи кавалеристов. К вечеру турки попали в окружение, Султан Баязид с тремястами конных воинов прорвался сквозь окружение и принял решение бежать. Махмудхан, чагатайский султан бросился за ним в погоню. Лошадь Баязида Молниеносного была убита пущенной в нее стрелой, а её хозяин был взят в плен. Амир Тимур принял султана Баязида со всеми признаками почести, также в плену оказалась христианская жена Баязида, принцесса сербская Оливера. Среди других пленников был баварец Иоганнес Шильтбергер, который в последствии служил у Амира Тимура и у его сыновей долгие годы. Главная угроза запада в лице Баязида Молниеносного была разгромлена и уничтожена благодаря усилиям Великого Полководца из Средней Азии. Губернатор Анкары капитулировал, а сын Баязида Султан Челеби поскакал на запад к столице Брусса, там хранилась основная казна оттоманских турок. Это была огромная дань, собранная с Византии, с Малой Азии и всего христианского мира. Брусса являлась главным торговым городом - перекрестком и главным центром оттоманской империи. Все караваны, которые пересекали Малую Азию вынуждены были останавливаться в Бруссе, где находились два главных рынка, там шла бойкая торговля: драгоценностями, жемчугами, хлопком-сырцом, шелковыми тканями и многими другими разнообразными товарами. Сулейман Челеби первым прибыл в Бруссу и взяв с собой часть казны сумел скрыться.

Огромные богатства были вывезены из Бруссy в Самарканд, имперскую столицу Амира Тимура. Самые выдающиеся трофеи, среди которых были великолепные бронзовые ворота, украшенные фигурами Святого Петра и Святого Павла, которые были инкрустированы лазурью и золотом. Эти ворота Амир Тимур подарил императрице Сарай-Мульк-ханум. Основная масса беглецов оттоманской армии пыталась уйти морем, там на восточном берегу Мраморного моря находились корабли Константинополя и Перы, а также галеры, принадлежащие венецианцам. В случае приказа они должны были

выступить против Баязида Молниеносного, но христиане Константинополя и Перы не хотели уничтожать турок, а кроме того, они помогали зажиточными туркам и перевозили их за хорошую плату с азиатского берега на европейский. Увидев это остальные суда, которые принадлежали Криту, Каталонии и Венеции начали оказывать услуги по переправе всем, кто имел возможность хорошо заплатить.

Как писал в последствии Клавихо Рюи Гонзалес: «Именно за это предательство Амир Тимур стал жестоко преследовать христиан по всем своим владениям». Население Константинополя тоже решило воспользоваться сложившейся ситуацией, жители города перебили всех турок, оставшихся в городе, и захватили их женщин и имущество. Это была месть оттоманским туркам за страдания и разрушения во время осады города Султаном Баязидом.

Войска Амира Тимура тем временем продвигались к Геллеспонту. Шайх Нуриддин отделил самые дорогие драгоценности, полученные в Бруссе и отправил их под усиленной охраной к Амиру Тимуру. А остальная часть казны была отправлена отдельно в имперский лагерь, также вместе с казной были отправлены члены семьи Баязида Молниеносного, рабы, певцы и музыканты с танцовщицами. Принц Халил-Султан был отправлен в Самарканд, а принц Абу-Бакр с высокого позволения Амира Тимура взял в жены старшую дочь Султана Баязида. Армия во главе с Великим Полководцем прибыла в Къютаия, где целый месяц проходил праздник по случаю победы над оттоманской империей, банкет был роскошным.

После окончания празднования победы, войска двинулись к берегам Эгейского моря, где планировалось захватить последний оплот христианства в Руме, который являлся убежищем христиан в Малой Азии. Этот порт был отвоеван у оттоманских турок в 1344 году рыцарями ордена Святого Иоана при поддержке киприотов и венецианцев. Речь идет о христианской крепости Смирне, которую не смог завоевать оттоманский император Мурад, а в последствии и его сын Баязид. Захват этой крепости являлся красивым окончанием кампании по наведению порядка в Малой Азии и логическим

завершением священной войны против неверных. Амир Тимур направил своих послов с требованием капитулировать, но христианские рыцари отказались сдать город добровольно.

Началась долгая осада крепости, она продолжалась около двух недель. Крепость была изолирована как по морю, так и по суше, огромные колесные устройства, спущенные в ров, поднимали до двухсот человек на валы, работали осадные машины, были насыпаны холмы откуда лучники метали стрелы в город. Стрелы были начинены греческим огнем, большая часть бревенчатых укреплений была сожжена. По окончании двух недель был объявлен генеральный штурм, обе стороны дрались ожесточенно, во время штурма пошел сильный ливень, который подтопил большую часть крепости. В результате успешных саперных работ стены рухнули в нескольких местах. В город вошли войска, последний аван пост христианских крестоносцев в ближней Азии был завоеван Амиром Тимуром.

Отовсюду прибыли заверения в почтении и подчинении: из Византии, Перы, из Лесбоса и других государств. Свои поздравления прислал и Карл VI из Франции и Генрих IV из Англии. Каир также отправил свои поздравления и объявил себя вассалом Амира Тимура, после падения Смирны последовала капитуляция острова Хиос, которая принадлежала генуэзским правителям. Следующим капитулировал остров Лесбос. Константинополь и Пера отправили своих послов с дорогими подарками, а также выразили свою покорность и готовность выплачивать дань.

После победы над Баязидом Молниеносным Амир Тимур назначил свергнутых князей назад на свои территории, как своих вассалов. Среди них были: князь Караманский, князь Исфандиар Синопский, эмир Мухаммад и другие. К сыновьям Баязида Молниеносного были отправлены послы Великого Полководца, они требовали повиноваться и предстать ко двору Амира Тимура или прислать дань. Сулейман Челеби послал своих послов из Европы, где он находился после поражения оттоманской армии. Во главе посольства был Великий казий оттоманской империи, служивший еще при

Султане Баязиде, он передал большое количество роскошных подарков в виде золотых драгоценностей и породистых лошадей.

Амир Тимур передал остатки оттоманской империи в ленное владение сыновьям Султана Баязида. Сулейман Челеби был утвержден губернатором турецких провинций в Европе, столица оттоманской империи со столицей в городе Брусса и его окрестностями была передана во владение Исе Челеби. Император Мануэль Палеолог был посажен Амиром Тимуром на свой трон в Константинополь. Последние две великие империи Ислама покорились Сахиб Кирану, Властителю благоприятных созвездий, империя расширилась от Самарканда до Эгейского моря. Византийская столица и христианство были спасены от турецкого гнета на целых пятьдесят лет, благодаря победе Амира Тимура над оттоманским Султаном Баязидом. Европа могла продолжать жить в спокойствии и вести торговые дела по Великому Шелковому Пути со странами Азии, не опасаясь нападений со стороны империи турок.

ГЛАВА V

*«Государь, если он желает удержать в повиновении подданных,
не должен считаться с обвинениями в жестокости».*

Никколо Макиавелли

УЛОЖЕНИЕ АМИРА ТИМУРА

С самых древних времен, во многих государствах были созданы своды законов. Среди них «Авеста»-зороастрийский источник права для народов Средней Азии, «Свод законов Хаммураки» (1792-1750 годы до н.э), законы Афинского царя Солона (635-559 годы до н.э), «Русская Правда» Ярослава Мудрого (1019-1054 годы н.э), свод законов Чингизхана «Яса» и множество других.

Таким же документом является «Уложение» Амира Тимура. В данном контексте под словом «Уложение» подразумевается свод правил, устав. Этот документ раскрывает взгляды Амира Тимура на государство, социально-политическую жизнь и мировоззрение правителя страны. Основой государственной политики Амира Тимура был принцип «Сила в справедливости».

«Уложение» Амира Тимура важный источник, описывающий историю развития государственности и права. Рекомендуем прочитать этот документ, который является одним из источников, касающихся изучения заслуг Амира Тимура перед своим отечеством и народом Средней Азии.

*Моим детям, счастливым завоевателям государств, моим потомкам -
великим повелителям мира.*

Да будет им известно, что, в полной надежде на милосердие Всевышнего, я убежден в том, что многие из них наследуют мой могущественный трон. Это побуждает меня изложить для них правила, которыми я руководствовался сам. Строго соблюдая эти правила, они могут упрочить за собою то счастье, которого я достиг столькими беспокойствами, трудами и опасностями, которое дано мне небом, благотворным влиянием религии Магомета (да даст ему Бог мир) и могущественным ходатайством потомков и сподвижников его. Пусть эти правила послужат им руководством как в их поведении, так и в управлении государством, дабы они могли сохранить то государство, которое я им оставляю.

Всех правил двенадцать. Ничто лучше не доказывает их важности, как то, что я извлек из них: они помогли мне достигнуть власти, завоевать государства, упрочить за мной завоевания и сделать меня достойным трона.

1) Я заботился о распространении религии Бога и закона Магомета, этого избранного Богом сосуда, я поддерживал ислам во всякое время и во всяком месте.

2) Я разделил преданных мне людей на 12 классов: одни из них помогали мне своими подвигами, другие - советами, как при завоевании государств, так и при управлении ими. Я пользовался ими, чтобы укрепить замок моего счастья, они были украшением моего двора.

3) Советы с мудрыми, предусмотрительность, бдительность и деятельность помогли мне побеждать войска врагов и завоевывать области. В управлении я руководствовался кротостью, человеколюбием и терпением, я наблюдал за всеми, прикрываясь личиной бездействия, был одинаково благосклонен как к врагам, так и к друзьям.

4) Надлежащий порядок и соблюдение законов послужили основанием и подпорой моей судьбы, фортуны. То и другое так укрепили мою власть, что

визири, эмиры, солдаты и народ не домогались повышения, а каждый довольствовался своим местом.

5) Чтобы воодушевить офицеров и солдат, я не щадил ни золота, ни драгоценных камней; я их допускал к своему столу, а они жертвовали для меня своей жизнью в сражениях. Оказывая им милости и входя в их нужды, я обеспечил за собой их привязанность. И так при помощи доблестных вождей и моих воинов, я сделался властелином 27 государств: Я сделался государем Ирана, Турана, Рума, Магреба, Сирии, Египта, Ирак-Араби и Ирак-Аджеми, Мазандерана, Гиляна, Ширвана, Азербайджана, Фарса, Хорассана, Четте, Великой Татарии, Хорезма, Хотана, Кабулистана, Бактерземина и Индостана. Все эти страны признали мою власть, и я предписал им законы.

Надевая на себя царский плащ, я тем самым отказался от покоя, какой вкушают на лоне бездействия. С 12 лет от рождения я разъезжал по разным областям, боролся с несчастьем, составлял проекты, поражал неприятельские эскадры, свикался с видом возмущений офицеров и солдат, привыкал выслушивать от них резкие слова, но терпением и мнимой беззаботностью, от которой я был далек, мне удавалось умиротворять их. Наконец я бросался на врагов. Таким образом мне удавалось покорять провинции и даже целые государства и далеко распространять славу моего имени.

б) Справедливостью и беспристрастием я приобрел благосклонность созданий Божьих. Свои благодеяния я распространял и на виновного, и на невинного; мое великодушие обеспечило мне место в сердцах людей; правосудие управляло моими решениями. Мудрую политикой и строгою справедливостью я удерживал своих солдат и подданных между страхом и надеждой. Мои воины были осыпаны моими подарками. Я имел сострадание к низшим и к самым несчастным классам государства.

Я освобождал угнетенного из рук гонителя и раз убедившись во вреде, причиненном лицу или имуществу, я произносил приговор по закону и никогда не подвергал невинного наказанию, заслуженному виновным.

Всякий, поднимавший против меня оружие для разрушения моих намерений, как только умолял меня о помощи, был принимаем мною благосклонно. Я возвышал его в чинах и зачеркивал его вину пером забвения и если его сердце было еще озлоблено, то мое обращение с ним было таково, что я успевал наконец изгладить самый след его неудовольствия.

7) Я оказывал почтение потомкам пророка, ученым, богословам, философам и историкам. Я уважал их и почитал. Храбрые люди были моими друзьями, потому что Всевышний любит храбрых, я сходил с учеными и снискивал расположение тех, у которых была благородная душа.

Я прибегал к ним и их благословение доставляло мне победу. Я покровительствовал дервишам и факирам. Я тщательно избегал причинять им малейшую печаль и ни в чем им не отказывал. Те, которые дурно отзывались о других, были удаляемы от моего двора. Их толкам не придавалось значения, и я никогда не слушал их клеветы.

8) Я был настойчив в моих предприятиях. Раз предпринятый проект, каков бы он ни был, овладевал всем моим вниманием, и я не оставлял его, пока не имел успеха. Поступки мои не противоречили моим словам, и я не поступал сурово. Я никому не досаждал из опасения, чтобы Всемогуший не поступил с мною сурово и не подавил меня тяжестью собственных моих деяний. Я расспрашивал ученых, чтобы знать, каковы были постановления древних от Адама до Магомета, «Печати Пророков и от этого последнего до наших дней. Образ действий, и поведение, их поступки и слова этих повелителей глубоко проникли в мое сердце. Я старался подражать самым похвальным качествам их и самым лучшим чертам их жизни. Для собственного назидания я изучал причины падения их власти и старался избегать сделанных ими ошибок. Я воздерживался от лихоимства и притеснений, мне было известно, что эти преступления относятся к тем, которыми порождаются голод и бедствия всякого рода и которые выкашивают целые народы.

9) Я знал состояние народа. Я смотрел на знатных, как на братьев, а на простых людей, как на детей. Умел приноровиться к нравам и характеру жителей

каждой области и каждого города. Я заслужил уважение от новых своих подданных, тех из них, которые занимали высшие места. Я давал им правителей, свыкшихся с их нравами и обычаями и которые уже пользовались у них одобрением. Я знал состояние населения каждой отдельной области. Я посадил в каждой стране моего царства человека испытанной честности, чтобы он извещал меня о поступках и поведении народа и солдат, и чтобы он давал мне знать о всех непредвиденных событиях, которые могли интересовать меня. Когда я открывал малейшую ложь в его донесениях, то строго его наказывал. Как только я узнавал о каком-нибудь случае притеснения или жестокости правителя, солдат или народа, то я давал виновным чувствовать всю строгость правосудия.

10) Когда какое-нибудь племя, какая-нибудь орда тюркская, арабская, персидская или чужестранная желали признать мою власть, я принимал правителя этого племени или орды с почетом, других же я принимал по достоинству, я добром воздавал добрым, а злых предоставлял собственной участи.

Кто бы ни заключил со мной дружеский союз, был уверен, что не будет раскаиваться. Я давал тому доказательства моей благосклонности и великодушия. Услуги, мне оказанные, не оставались без награды. Даже мой враг, когда он чувствовал свою вину и приходил просить моего покровительства, получал прощение и находил во мне благодетеля и друга. Так поступил я с Шир-Бахрамом. Этот начальник племени, сопровождавший меня как союзник, покинул меня в момент сражения. Желание добычи овладело им, и он обнажил меч против меня. В конце концов он вспомнил, что ел мою соль (т.е. он почувствовал угрызение совести), и снова вымолил у меня помилование. Это был воин знаменитого происхождения, столько же опытный, сколько и неустрашимый. Я закрыл глаза на его вину, я простил ему ради его храбрости и дал ему чин выше против того, что он имел раньше, дабы тем сильнее заставить его почувствовать мое расположение к нему.

11) Дети, внуки, друзья, союзники, все те, которые со мною какую-либо связь имели, пользовались моими благодеяниями. Блеск моего счастья не заставил меня забывать кого-нибудь. Каждый получил должное. Милосердие также имело место в моем сердце. Я уважал в моих сыновьях и внуках союз крови, не посягал на их жизнь и даже на их свободу. По отношению к каждому частному лицу я вел себя, соображаясь с особенностями его характера и с представлением, какое я имел о нем. Опыт, который я вынес из превратностей судьбы, научил меня, как нужно поступать с друзьями и с врагами.

12) Я всегда с уважением относился к солдатам, сражались ли они за или против меня. Да и не обязаны ли мы признательностью людям, которые жертвуют продолжительным счастьем преходящим благам? Они бросаются в сражения и не щадят свою жизнь среди случайностей.

Неприятельский воин, неизменно преданный своему повелителю, мог рассчитывать на мою дружбу. Когда он становился под мои знамена, я награждал его заслуги и верность, принимая его в число своих союзников. Но тот воин, который в момент сражения оставил своего полководца, чтобы перейти ко мне, был в моих глазах самым мерзким человеком.

Во время войны, которую я вел с ханом Тохтамышем, его эмиры сделали мне несколько письменных предложений. Это было вероломство с их стороны по отношению к своему князю, моему неприятелю. Я пришел в негодование от таких предложений и сказал про себя: «Они изменяют и мне, как теперь изменяют своему повелителю», и вместо всякого ответа я их проклял.

Опыт доказал мне, что власть, не опирающаяся на религию и законы, не сохранит на долгое время свое положение и силу. Она подобна нагому человеку, который заставляет других при встрече с ним опускать глаза, не внушая никакого уважения к себе. Можно также сравнить его и с домом, не имеющим ни крыши, ни дверей, ни ограды, в который может проникнуть самый презренный человек.

Вот почему я основал здание моего величия на исламе, с прибавлением к нему правил и законов, которые я точно соблюдал в продолжение моего царствования.

Первое правило, которое появилось в моем сердце, клонилось к распространению религии и утверждению закона Магомета. Я распространил в мир ислам, этот кодекс превосходнейшего из смертных, я сделал из него украшение моей империи.

Чтобы иметь более верный успех в увеличении числа прозелитов Магомета, я избрал из потомков этого пророка человека самого выдающегося, которого и облек полною властью над мусульманами. Он имел в своем ведении священные имущества и назначал отдельных управляющих мечетями. Он же в городах и местечках утверждал верховного судью, первого представителя религии (муфти), назначал инспекторов рынков. Он назначал также жалование и пенсии как тем, которые, подобно ему, вели свое происхождение от Магомета, так и ученым, законооведам и всем заслуженным людям.

Я назначил судью или казю для армии, а для народа я назначил другого.

В каждую область я послал пожилого знатока ислама, чтобы предостерегать верующих от запрещенных законом дел, и чтобы заботиться об их образовании. Я приказал строить мечети и монастыри в городах, караван-сарай - на дорогах и мосты - на реках.

Я поставил в каждом городе представителя религии и благочестивых людей для научения мусульман Корану и для объяснения главных оснований веры на основании комментариев ученых и священного предания.

Я повелел заведующему вакуфами (садр) и гражданскому судье доносить мне о всех делах, касающихся веры. Кроме этого, я назначил еще начальника правосудия, который доносил мне о распрях, возникавших между солдатами и между остальными моими подданными.

Когда я обнародовал мои постановления касательно религии, когда я восстановил в городах ислама закон и когда верующие знатные и простые

убедились в моем усердии к истинной вере, то мусульманские ученые издали в честь меня следующее объявление

«В каждом веке Всемогуший воздвигал защитника и распространителя религии посланника Магомета. В этом VIII веке Тимур, родившись под счастливым созвездием, герой мира, должен считаться восстановителем веры».

Глава ученых, Мир-Саид-Шериф написал мне, что так я трудился на пользу распространения ислама в областях мира, то я имею право на титул распространителя веры.

Вот содержание его письма:

«Боже! Будь помощником, поддерживающим религию Магомета, и оставь тех, которые покидают ее.

Восемь веков протекло со времени бегства величайшего посланника до наших дней и в каждом веке всевышний и всесвятой Бог воздвигал защитника и распространителя веры своего возлюбленного пророка, чтобы восстановить и укрепить святые истины. Хвала Всевышнему! Он же в этом восьмом веке возложил эту обязанность на эмира Тимура, героя мира, который заставил государства и города принять истинную веру.

Известно от древних богословов, что в первом веке гиджры покровитель веры был Омар Абдул-Азиз. В то время она была подрываема проклятиями и ругательствами, которые сыпались от схизматиков против Али с кафедр мечетей. Омар положил конец этому отвратительному обычаю.

Народ ислама был добычей распрей и неурядиц. Одна партия проклинала законных халифов, тогда как другая злословила Али, главе верующих, Аббасса и Хусаина. Обе раздраженных партии готовы были дойти до битвы; Омар Абдул-Азиз удержал их и сделался опорой религии.

Во втором веке религия имела защитником Мамуна Справедливого. Этот халиф, осудив семьдесят два ложных вероучительных положения, заставил признать другие, согласные с преданиями и истинной верой. Он вызвал из

Хорасана Алия, сына Мусы-Джафара (мир праху его), сделал его своим наследником и заставил согласиться взять в руки бразды правления.

В третьем веке принял веру под свое покровительство Аббасид Моктадир-Биллях. Караматы, под начальством Абутаира, овладели священным городом Меккой, и тридцать тысяч пилигримов, славных мучеников, были зарезаны на горе Арафа. Черный камень был вырван из стен Каабы; наконец, в разоренных мусульманских провинциях царствовали убийство и грабеж. Казалось, что религия готова была совершенно исчезнуть, когда появился Моктадир-Биллях. Он повел армию против разбойников, рассеял их и восстановил религию.

Азадаулет-Дилеми был защитником верующих в четвертом веке. Пороки и злоба Мотила Ахтидлаха, из рода Аббасса, притеснения его придворных и сообщников вредили истинной вере, разврат распространился повсюду, безбожие шло с поднятой головой. Азадаулет низверг этого халифа и заменил его сыном своим Тали Билляха.

Азадаулет вознамерился восстановить славу религии и исполнить это славное намерение, уничтожая новшества, противные религии, и прекратить испорченность нравов, преступления, несправедливость и притеснения.

Пятый век прославился рождением султана Санджара, сына султана Малик-Шаха. Он был современником Ахмеда-Джами и Хакима-Сенаи. Он сделался их учеником. В то время еретики и невежды нанесли сильный удар исламу. Султан Санджар обнаружил живейшее старание истребить их. Ревностно преданный религии пророка, он не совершил ни одного поступка, несогласного с законом Магомета.

В шестом веке завоевания неверных в Туркестане пошатнули ислам, но Бог воздвиг Хасан-хана и поставил его во главе ста тысяч турок, которые в долине Лар исповедали веру перед досточтимым Ибрагимом-Хамави и были приняты в число верных после произнесения слов: «Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет - Его посланник». Заручившись их помощью, он стер с лица земли неверие и ересь, тотчас вера распространилась в городах и областях.

Седьмой век был ознаменован усердием к вере султана Альджайту, сына Аргун-хана, прозванного Мухамед-Худабаид. Как только этот султан наследовал престол брата, он узнал (таков был тогда упадок веры), что в общественных молитвах после исповедания веры забывали молиться Всевышнему о пророке и его потомках. Он сам отправился в мечеть, где собрал богословов и спросил их мнения о необходимости молитв за Магомета и его потомство. Они отвечали единогласно, что эта молитва установлена самим Богом.

Некоторые присовокупили даже, что имам Шафи признал недействительным общественное моление без молитвы за пророка и за его потомство; другие приводили в пример имама Азама, который находил гнусным общественное моление без тех же молитв.

Альджайту спросил у них, почему, молясь за других лиц, кроме Магомета, они не упоминают об их потомстве, тогда как при молитвах за этого последнего из пророков должно упоминать и потомство этого последнего. Не получив на это ответа, он сказал: «Можно, мне кажется, объяснить подобную разницу двояко. Во-первых, враги Магомета, назвав его в насмешку Абтаром, т.е. беспотомственным, были наказаны Богом в свою очередь пресечением потомства. Если некоторые из потомков их и остались, то на долю им выпала полнейшая неизвестность, потомки же Магомета размножились так, что только Бог может их исчислить. Потому призывают и на них благословение Божие в молитве после благословения в честь пророка.

Вот вторая причина этого обычая. Учение и религиозные постановления других пророков подвергались изменению и уничтожению; их постановления не предназначались к вечному существованию, тогда как религия Магомета будет существовать без изменения до окончания веков.

Вот почему верные потомки пророка в своих молитвах после хвалы Богу должны упоминать и пророка, и потомство его, чтобы все признали их покровителями религии Магомета и толкователями священной книги, и хранителями закона пророка, наследниками его учения и учения посланников

Бога. Пусть у них учатся познанию религии и обязанностей ислама и пусть каждый из нас считает своим долгом повиноваться им и почитать их.

Как только султан закончил свою речь, мусульмане, собравшиеся в мечети, произнесли молитву за Магомета и за его потомство. Альджайту продолжал: «Гнок, как Али, был первым из рода пророка и так как Магомет Махади, пришествия которого ожидают все верующие, должен быть последним, то наша обязанность - не проявлять нашу власть в царстве Магомета без согласия его потомков, иначе мы будем поступать как тираны!»

Султану, говорившему так перед народом, ученые выражали полное одобрение. Затем он повелел указом, чтоб в память пророка и его потомков возносились молитвы каждую пятницу, и приказал чеканить монету с их именем.

Богословы обнародовали постановление, что султан Альджайту есть распространитель божественного закона.

В восьмом веке эмир Тимур распространяет веру в городах и между народами. Он почитает и уважает потомков пророка и богословов. С согласия первых он пользуется верховною властью в царстве Магомета».

Получив от Мир-Сеид-Шерифа это письмо, я возблагодарил Всевышнего. Я молил нашего пророка о помощи в утверждении религии и закона.

Подлинник этого письма я послал моему духовному руководителю (пиру), который написал на полях следующее: «Эмир Тимур, герой века, должен знать то, что особенную милость и неоценимый дар составляет поручение ему Богом восстановления религии. Пусть он увеличивает свою верность и свои добрые Дела, дабы и Бог умножил Свои милости к нему».

После того как я получил это письмо от моего духовного Руководителя, я старался относиться с почетом и уважением к потомкам пророка и богословам. Я заботился о распространении ислама и приказал копию с письма поместить в моих летописях.

По восстановлении религии и божественного закона я издал для гражданского управления моего государства законы и постановления, которые

способствовали укреплению моего могущества. Вот образец этих постановлений:

1) Я основал мою власть на исламе, законе «превосходнейшего из тварей», на любви к его потомкам и сподвижникам и на почитании, какое должно воздавать имени пророка. Мои приказания и правила имели такую силу, что я не имел себе соперника в управлении.

2) Я держал свой народ и своих солдат между страхом и надеждою. Полный внимания и осторожности к своим врагам и друзьям, я держался мудрой политики переносить терпеливо их речи и поступки. В числе лиц, искавших у меня убежища, те, которые были расположены ко мне, получали от меня столь хороший прием, что их привязанность ко мне увеличивалась, а мои недруги оставались настолько довольны моею снисходительностью, что скоро в их сердцах ненависть уступала место дружбе. Тот, кто имел право на мое расположение, был убежден, что это расположение не изменится, и я никогда не отстранял от себя подданного, которого когда-либо позвал к себе. Добрые или злые, которые при заре моего счастья укрылись у меня, все те, которые оказали мне услуги, как и те, которые вредили мне, были поражены благодеяниями, когда я был возведен на трон. Я почитал ничтожным то зло, которое мне было причинено, и я провел пером забвения по записям дурных поступков, которые были мне оказаны.

3) Я никогда не поддавался мстительности. Я предоставлял своих врагов правосудию Повелителя Вселенной. Я удерживал при себе доблестных, деятельных и испытанных воинов. В моем обществе были приняты знатные, потомки пророка, ученые и богословы, но злых изменников и трусов я исключал из своего сообщества.

4) Открытое лицо, милосердие и доброта доставляли мне любовь народа Божия, я, друг правосудия, приходил в ужас от притеснений и жестокости.

Мой духовный советник (пир) написал мне тогда: «Тимур, - да хранит его Бог, - должен помнить, что управление государством есть не что иное, как подобие управления Всевышнего. В этом управлении есть агенты, сотрудники,

депутаты и стражи, каждый из них имеет свое ведомство и границы, которых никогда не переступает, и он соблюдает божественные законы.

Следи беспрестанно за своими эмирами, агентами, слугами и начальниками, подчиненными тебе, чтобы каждый, не выходя из границ своей власти, был всегда готов к повиновению. Назначай для каждого класса народа справедливые границы, чтобы правда и разум господствовали в твоём государстве.

Если ты пренебрежешь порядком в своих делах и между твоими подданными, то возмущение и крамола не замедлят появиться. Ты должен каждому лицу и каждой вещи указать границы и место, какие они должны занять.

Возвеличивай потомков нашего поклонника над всеми прочими подданными. Воздавай им величайшее почтение, не считай расточительностью щедроты, которые ты им окажешь; тот не расточителен, кто дает во имя Бога. Твои подданные, разделенные на двенадцать классов, будут украшением и поддержкой твоего государства. Прощай».

Как только я получил от моего духовного советника это письмо, я поспешил исполнить всё, что оно содержало, я водворил порядок в государственных делах, постановления и законы послужили управлению моего владычества, придали ему новое русло и укрепили его, разделив моих подданных на двенадцать классов.

Постановления

Величие и основа моего государства опирались на эти двенадцать классов; я их считал, как двенадцать знаков Зодиака и двенадцать месяцев моего правления.

ПЕРВЫЙ КЛАСС

Потомки пророка, ученые, начальники общин и законоведы были допущены в мое общество; моя дверь была всегда открыта для них; они составляли славу и украшение моего двора. Часто я советовался с ними о вопросах, касавшихся религиозного порядка, управления и наук; от них я узнавал, что дозволено законом и что запрещено.

ВТОРОЙ КЛАСС

Люди интеллигентные, способные дать совет, и те, которые обладали твердостью и мудростью, и старцы, которым годы дали предусмотрительность, пользовались полным моим доверием; я обращался с ними, как с равными, потому что, делаясь со мной своим опытом, они доставляли мне большие преимущества.

ТРЕТИЙ КЛАСС

Я уважал людей благочестивых; тайно я прибегал к помощи их молитв; и тогда как они нуждались в моих благодеяниях, я обращался за помощью их благословения; в моих советах и совещаниях, в мирное время и на войне их пожелания всегда были полезны для меня, в день сражения они доставляли мне победу. Так было в то время, когда армия колебалась перед войском Тохтамыша, которое было многочисленнее моего. Мир Сиеддин, родившийся в Сабдуаре, пустынный, которого молитвы были угодны Богу, обнажил голову, простер руки для молитвы и не успел он еще кончить молитву, как мы увидели поразительные последствия ее.

Также, когда одна особа из моего гарема опасно заболела, двенадцать потомков пророка, исключительным занятием которых были молитвы, собрались, каждый из них даровал больной по году своей жизни - больная поправилась и прожила еще двенадцать лет.

ЧЕТВЕРТЫЙ КЛАСС

Эмиры, шейхи, офицеры занимали место в моем совете: я повышал их по степеням и беседовал с ними дружески.

Храбрые, которым несколько раз приходилось обнажать саблю в сражениях, были моими друзьями; я предлагал им вопросы, касающиеся войны; я расспрашивал их об атаках во время действия и об отступлении во время опасности; я спрашивал у них о средствах, как прорывать неприятельские ряды, чтобы производить смущение в рядах, чтобы завязывать стычки. Вполне доверяя их проницательности, я всегда прибегал к их советам.

ПЯТЫЙ КЛАСС

Войско и народ были одинаково дороги мне. Храбрейшим воинам я давал палатку, перевязи, бапдулыры и колчаны. С неменьшею щедростью я обращался с гражданскими и военными правителями областей и царств. Дары, которыми я их осыпал, не оставались потерянными. Армия всегда была наготове и получала содержание даже раньше требований. Так во время войны с Румом я выдал войскам содержание за семь лет, как за прошлое время, так - и вперед. Я стал хорошо удерживать в порядке войско и народ, так что они не могли ни вредить, ни стеснять друг друга.

Я старался удержать всех солдат на их местах, и ни один из них не смел выходить из границ, ему указанных; я остерегался как чрезмерно возвышать, так и унижать кого-либо чрезмерно. Те лица, которые мне оказывали выдающиеся услуги, получали приличное вознаграждение. Если простой солдат выказывал благоразумность и неустрашимость, то я всегда соразмерял повышение его с его талантами и заслугами.

ШЕСТОЙ КЛАСС

Из людей, которых мудрость и скромность делали достойными входить в обсуждение и в управление государством, я избирал известное число советников, которым я сообщал свои самые тайные дела и самые сокровенные мысли.

СЕДЬМОЙ КЛАСС

Визири и секретари были украшением дивана (совета). Они были зеркалами моей империи; они передавали мне все события, происходившие внутри областей среди солдат и народа.

Заботясь о сохранении моих богатств, о безопасности солдат и моих подданных, они предпринимали всё необходимое: они могли предупредить своим благоразумием и умели исправлять бедствия, которые могли обрушиться на мое государство. Экономно расходуя государственную казну, они старались поддержать население и земледелие.

ВОСЬМОЙ КЛАСС

Я призвал к себе врачей, астрологов и геометров, потому что эти люди способствуют славе и благосостоянию государства. Пользуясь помощью искусных врачей, я возвращал здоровье больным; астрологи научили меня распознавать счастливые и несчастливые сочетания звезд в их движении на небе. Геометры (или архитекторы) составляли для меня планы великолепных зданий и чертили для меня сады, которые я рассадил.

ДЕВЯТЫЙ КЛАСС

Я призывал к себе историков, авторов летописей и хроник. От них я узнал жизнь пророков и святых людей, они рассказывали мне историю государей мира и объясняли мне причины их возвышения и причины падения их счастья. Поведение, речи и поступки этих государей были для меня неисчерпаемым источником опыта. От них я узнал историю протекших веков и о переменах, совершившихся на земле.

ДЕСЯТЫЙ КЛАСС

Я собирал старцев, дервишей и людей, сведущих в науке о Боге. Я сходил с ними: они открывали мне счастье будущей жизни и сообщали мне божественные слова. Эти люди совершали при мне удивительные вещи, даже чудеса; сношение с ними было для меня столь полезно, сколь и приятно.

ОДИННАДЦАТЫЙ КЛАСС

Я привлекал в мой дворец и лагерь мастеров всякого рода, чтоб держать в порядке оружие для армии, в мирное и в военное время.

ДВЕНАДЦАТЫЙ КЛАСС

Я протягивал руку помощи путешественникам всех областей и всех государств, чтоб иметь известия о чужеземных царствах, я посылал во все страны купцов и начальников караванов; я приказывал им привозить мне самые редкие вещи, которые можно встретить в Хотане, Китае, Индостане, городах Египта, Аравии, Сирии, Рума и даже на острове Франков. Я хотел, чтобы они сообщали мне о положении, нравах и обычаях туземцев и колонистов этих стран, особенно же об отношениях иностранных государей к их подданным.

Правила для орд и колен тюркских, арабских и для всех иностранцев, которые укрывались у меня

Я повелед, чтобы потомкам посланника и богословам воздавалось почтение, невзирая на их национальность и на звания, чтобы их просьбы никогда не были отвергаемы, и чтобы заботились об их пропитании. В мои войска принимались те из новых подданных, которые прежде носили оружие, и я назначил им приличное их положению жалованье. Людей, упражнявшихся в искусствах, я принимал к себе на службу. Те из бедных людей простого звания, которые занимались какими-нибудь ремеслами, записывались по своему занятию и колену. Каждый купец, потерявший свое состояние, получал такую сумму, которая доставляла ему возможность восстановить потерянный капитал. Когда крестьяне и земледельцы не имели необходимых земледельческих орудий, то им выдавали таковые.

Всех чувствовавших призвание к военной службе записывали в мои войска, невзирая ни на их колено, ни на их рост.

Сын солдата, храбрость которого была признана, к какой бы нации он ни принадлежал, получал жалованье и повышался в службе по заслугам.

Люди всех стран, которые являлись в мой дворец, были также допускаемы к столу моей ханской щедрости. На кого падали мои взоры, с тем обращались с отличием, какого заслуживало его положение. Каждый виновный, представший пред моим правосудием, в первый раз получал помилование, но провинившийся во второй или в третий раз подвергался наказанию соразмерно его проступку.

Постановление для расширения моего могущества

Двенадцать принципов, от которых я никогда не уклонялся, возвели меня на трон, а опыт доказал мне, что правитель, пренебрегающий ими, не может извлечь никакой выгоды из своего величия.

1) Действия и слова лица повелевающего должны вполне принадлежать ему, т.е. народ и войско должны быть уверены, что всё, что ни делает и ни говорит государь, он делает и говорит от себя и что никто не руководит им.

Существенно необходимо, чтоб монарх, следуя советам и примеру другого, не посадил его рядом с собою на трон; вынужденный принимать от всех хорошие предложения, монарх не должен подпадать под их влияние до такой степени, чтоб они могли считать себя равными ему и, наконец, быть выше его в деле управления.

2) Неизбежно необходимо для монарха соблюдать во всём справедливость; он должен избрать визиря (первого министра) неподкупного и добродетельного, потому что правосудный визирь сумеет исправить несправедливости, совершенные правителем-тираном; но если визирь - сам притеснитель, то здание могущества не замедлит обрушиться. Вот доказательство этого: Эмир Хусаин имел визиря, который наказывал по своему капризу народ, солдат. Несправедливости этого нечестивца скоро опрокинули фортуна его государя.

3) Приказания и запрещения требуют твердости. Нужно самому отдавать приказания из боязни, чтоб их не скрыли или чтобы их не исказили.

4) Повелитель должен быть непоколебим в своих решениях; во всех предприятиях ревность его должна быть одинакова и пусть его рука не опускается до тех пор, пока он не добьется успеха.

5) Какие бы ни были приказания монархов, должно, чтобы последовало исполнение их; ни один подданный не должен быть настолько могущественным или смелым, чтобы остановить их исполнение, если бы даже казалось, что эти приказания должны были иметь прискорбные последствия. Мне рассказывали, что султан Махмуд Газневийский приказал поставить посреди равнины Газны камень; так как лошади пугались этого камня, то султану доложили, что следовало бы убрать этот камень. Но султан отвечал: "Так как я приказал (положить его на то место), то и не отменю своего приказания".

6) Безопасность требует, чтобы правители не полагались на других в государственных делах и не вверяли бразды власти в руки посторонние, потому что свет подобен красавице, у которой масса поклонников, и потому нужно бояться, чтоб слишком могущественный подданный, увлеченный желанием управлять, не посадил бы самого себя на трон.

Таково было поведение эмиров Махмуда. Прогнав своего повелителя, они завладели государством. Необходимо поэтому разделить управление делами между несколькими, достойными доверия людьми; тогда каждый из них, занятый известной работой, не будет стремиться к высшей власти.

7) Пусть монарх не пренебрегает ничьими советами; те из них, которые он примет, должны быть запечатлены в его сердце, чтобы пользоваться ими в случае надобности.

8) В делах правления, в делах, касающихся армии и народа, государь не должен руководствоваться поведением и речами кого бы то ни было. Если министры и генералы говорят хорошо или дурно о ком-нибудь, то они заслуживают, чтобы их выслушали; но поступать необходимо с большой осмотрительностью до тех пор, пока не убедишься в истине.

9) Уважение к власти повелителя должно быть так крепко запечатлено в сердцах его солдат и подданных, чтобы ни один из них не имел смелости ослушаться его или возбуждать против него бунт.

10) Чтобы всё, что повелитель ни делает, делал он сам и чтобы он был непоколебим в приказаниях раз отданных; ибо твердость в приказаниях составляет самую большую силу для монархов: для них это - сокровище, армия, народ и целое поколение принцев.

11) В управлении, при обнародовании приказов, монарх должен остерегаться признать кого-нибудь сотоварищем, и он не должен принимать к себе товарища при управлении.

12) Другая, не менее важная и полезная предосторожность для монарха: это узнать тех, которые окружают его, и быть постоянно настороже в отношении их. Часто встречаются люди злонамеренные, которые разглашают всё. Их

главная забота - передавать визирям и эмирам все слова и действия государя. Это я испытал, когда большая часть моего дивана состояла из шпионов, подкупленных моими визирями и эмирами.

Правила для формирования армии

В каждой роте из десяти отборных воинов избирался один, соединявший в себе мудрость и храбрость, и, после согласия девяти других, он был утверждаем начальником под именем унбаши (начальник десяти, десятник).

Из десяти унбашей также избирался достойнейший по уму и деятельности, он становился начальником своих сотоварищей и имел название юзбаши (т.е. начальник сотни, сотник). Десять юзбашей имели начальником мирзу, опытного, искусного в военном деле и известного своею храбростью. Этого начальника называли минбаши (или тысяцкий, начальник тысячи).

Унбаши пользовались правом замещать солдат, которые бежали или умерли, таким же образом юзбаши назначали унбашей, а минбаши в свою очередь выбирали юзбашей. Тем не менее я требовал, чтобы мне докладывали о смерти и дезертирстве людей и о замещении их.

В военной и гражданской службе минбаши, или начальники тысяч, пользовались полною властью над юзбашами, или сотниками, а начальники сотен - над десятниками, или унбашами, последние же - над солдатами. Эти офицеры имели право наказывать непослушных, выгонять со службы всех тех, которые небрежно исполняли свои обязанности; они должны были замещать их.

Правила о жалованье армии, офицерам и солдатам

Вот в каком размере я приказал раздавать жалованье минбашам, юзбашам и унбашам.

Жалованье простого солдата, храброго и деятельного, равнялось стоимости его лошади; оклад отборного воина простирался от стоимости двух до стоимости четырех лошадей.

Унбаши (десятник) получал в десять раз более простого солдата. Жалованье юзбаши (сотник) было двойным окладом против жалованья унбаши, а минбаши (тысяцкий) получал тройной оклад жалованья юзбаши.

Каждый военный, провинившийся по службе, терял десятую часть жалованья. Унбаши имел право получить жалованье только по свидетельству от юзбаши; юзбаши должен был представить удостоверение от минбаши, который для себя получал такое же свидетельство от главнокомандующего моей армии (эмир Аль-Отра).

Жалованье главнокомандующего в десять раз превосходило жалованье простого офицера. Начальник дивана и визири получали десять офицерских окладов. Жалованье различных орд калькачи и есаула могло простираться от стоимости 1000 до стоимости 10000 лошадей. Я старался раздавать земли, награды, пенсии на пропитание потомков пророка, законоведов, ученых, врачей, астрологов и историков моего двора по их заслугам. Жалованье пехотинцам, слугам и людям, которые занимались размещением палаток, простиралось от стоимости ста до тысячи лошадей.

Главнокомандующий мог получать жалованье только по удостоверению визиря и начальника дивана. Эти два министра представляли мне расписки жалованья, и они же сводили счета. Каждый солдат, чтобы получить свое жалованье, имел особый лист, на котором записывал, по мере выдачи, суммы, которые получал.

Правила раздачи жалованья войскам

Я приказал, чтобы пехотинцы, стражи и привратники получали жалованье ежегодно, чтобы в сроки платежа им выдавалось их жалованье в здании совета.

Чтобы жалованье прочих чинов армии, равно как и жалованье храбрецов, выдавалось по полугодию, и чтобы они все получали ассигновку в казначействе, являясь лично.

Наконец, чтобы жалованье унбашам (десятникам) производилось из податей с городов и областей; чтобы минбашам давалось полномочие на получение доходов с внутренних земель, и чтобы офицеры и главнокомандующий получали доходы с земель, лежащих на границах.

Раздел доходов с областей

Доход с областей и государств разделялся на несколько неравных частей. Каждый эмир и каждый минбаши брал одну часть по жребью - и если сумма, полученная таким образом, превышала жалованье, то делили, если же она была меньше жалованья, то получавший ее брал на свою долю еще одну часть. Эмирам и минбашам было строго запрещено увеличивать установленные подати, когда собирали государственные доходы.

Каждая область, обложенная податью, имела двух заведующих. Один из них наблюдал за областью и защищал жителей от притеснений и грабежа со стороны лица, пользующегося доходами от нее; он же вел и точный счет всему, что доставлялось областью.

Другой заведующий вел записи издержек, раздавал следующие солдатам части. Каждый служащий, которому отданы были доходы с какой-нибудь области, пользовался ими в продолжение трех лет, после чего производилась ревизия, и, если область была в цветущем состоянии и жители не заявляли претензий, всё оставалось без изменения; в противном же случае доходы отбирались от правителя на три года.

Страх и угрозы можно с успехом пускать в дело при собирании податей, но не следует прибегать к ударам и розгам. Правитель, авторитет которого слабее кнута и розог, не достоин своего звания.

Содержание моих детей и потомков

Я постановил, чтобы мой старший сын и наследник Магомет Джегангир располагал содержанием 12-ти тысяч всадников и доходами с одной области.

Мой 2-й сын Омар-Шейх получал содержание 10-ти тысяч всадников и доходы с одной области.

Мой 3-й сын Миран-Шах пользовался жалованьем 9-ти тысяч всадников и имел наместничество.

Шах-Рах, мой 4-й сын, получал сумму, равную жалованью 7-ми тысяч всадников, и доходы с одной области (как и предыдущие).

Моим внукам я давал содержание от 3-х до 7-ми тысяч всадников с наместничествами.

Что касается моих родственников, я разделил между ними достоинство и власть, начиная от эмира 1-й степени до эмира 7-й как следовало по их достоинству и положению.

Каждому была присвоена известная власть, за превышение которой он подвергался строжайшему взысканию.

О наказаниях моих сыновей, родственников, эмиров и визирей

Если кто-нибудь из моих сыновей дерзал посягнуть на верховную власть, я не отдавал приказа о лишении его жизни или изувечении, но довольствовался содержанием его в тюрьме до тех пор, пока он не отказывался от своих притязаний. Этим устранялась гражданская война в царстве Бога. Если мой внук или другой родственник восставал против меня, то я лишал их почестей и всего состояния.

Начальники - опора государства. Если в момент действия они забывали исполнить должное, я лишал их власти и почестей. Если они предпринимали что-либо, могущее произвести замешательство в государстве, я смещал их на низшие должности. В случае небрежности к своей службе, они смещались на должности писцов, если же и здесь они выказывали полнейшую беззаботность и непослушание, то их выгоняли со службы безвозвратно.

Постановления для министров -

лиц служащих твердо и верных столпов величия

Если какой-нибудь министр окажется изменником или задумает ниспровергнуть высшую власть, даже и тогда не следует слишком поспешно произносить ему смертный приговор. Собрав самые полные справки об обвинителях, нужно еще проверить справедливость самих обвинений. Потому что нередко случается, что злые люди и завистники, побуждаемые своими дурными наклонностями, искусно придают лжи вид истины. Встречаются низкие изменники, которые подстрекают врагов против власти и пускают в ход всевозможные ухищрения, чтобы погубить верных слуг. Часто силою своих происков они подрывают спокойствие государства.

Таким образом Эмир-Хоссеин в сообществе с одним из моих визирей, которого он подкупил, подговорил его восстановить меня против Эмира Ику Тимура и Эмира Джаку, самых надежных моих помощников. Я узнал о его замыслах и не поверил его доносу.

Аббас, один из преданнейших мне эмиров, возбудил зависть моих придворных, которые говорили на него явно и тайно. Их клеветы разожгли во мне гнев и, не разобрав дела, я предал смерти невинного, но время обнаружило мне вероломство обвинителей, и я мучился раскаянием и жестокими угрызениями совести.

Если министр, в ведении которого состоит государственная казна, провинится в присвоении ее, ему следует оставить похищенную сумму, если она не превышает его жалованья; если она вдвое больше, то у министра нужно отнять его доходы, если же она втрое больше жалованья, то следует конфисковать имущество провинившегося. Я старался не высказывать никакого пристрастия к лицам, из боязни, что, обнаружив его, я мог дать им повод сделаться недостойным уважения, и я соблюдал строжайшую справедливость, чтобы избежать злоупотреблений, могущих послужить в ущерб государству.

Речи людей злых, завидующих визирям, не заслуживают ни малейшего внимания; у этих сановников вообще много врагов, завидующих им, потому что светские люди ищут благ мира.

Если только министр покровительствует подобным людям, то он неизбежно делается их жертвой; если же он отталкивает их, они делаются его непримиримыми противниками.

Визирь Жарагой-Хана был обвинен завистниками в утайке нескольких тысяч золотых монет. Султан, прочитавший это обвинение, позвал визиря и сказал ему с упреком: "Какой же ты низкий! Министр такого султана, как я, ты крадешь такую ничтожную сумму!" Восхищенный подобным благоволением, умный визирь отдал хану всё, что имел, и таким образом сохранил свой пост и имущество.

Если простой солдат, нарушая свои обязанности, позволит себе поднять руку на слабого, пусть он будет отдан своей жертве, чтобы испытать такое же обращение, какое он позволял себе относительно нее.

Вельможа, который дурно обращался с народом, должен заплатить штраф сообразно с важностью преступления. Одинаково строго будет наказан правитель, которого признают за взяточника.

Я советую однако, что всякий, признанный виновным, должен подвергнуться или ударам кнута или штрафу; два наказания зараз не должны быть допускаемы. Каждый вор, кто бы его ни открыл, должен подвергнуться наказанию по закону Чингисхана, который носит название "Ясса". Захваченные богатства будут отняты и возвращены их настоящему владельцу. Что касается других преступлений, как-то: выбивания зубов, ослепления, отрезывания носа или ушей, пьянства и разврата, то провинившиеся должны предстать перед диваном, перед духовными и гражданскими судьями. Первые будут решать дела уголовные, а вторые должны вести процессы, касающиеся гражданского ведомства, для представления их мне.

Качества, которые должен иметь визирь или министр

Я требовал от визиря 4-х необходимых качеств: 1) благородство мыслей и возвышенность души; 2) тонкий и проницательный ум; 3) опыт и привычку жить с солдатом и гражданином; 4) терпимость и способность примирить. Человек, одаренный этими качествами, заслуживает быть участником в правлении: он будет хорошим министром и мудрым советником. Ему можноверить бразды правления, начальство над войском и власть над народом. Ему же нужно предоставить доверие, уважение, свободу действий и достаточную власть.

В полном смысле министр есть тот, который умеет водворить порядок как в управлении, так и в финансовых делах, и соединяет в себе умеренность и доброту. В таком же смысле визирем можно назвать того, кто в исполнении своих обязанностей и во всех делах, касающихся правления государственными и денежными делами, ведет себя с ровной добротой, неподкупностью и умеренностью, кто сам требует только должное и дает то, что подобает ему давать. Его приказания и запрещения выказывают благородство и величие души и его чувств. Чуждый преступления и насилия он не иначе произносит имя воина или гражданина, как с целью сказать о нем одно доброе и хорошее. Злословие и клевета одинаково чужды его ушей и его языка. Если до него дойдет о злоумышленном преступлении, то ловким поведением он сумеет заставить зачинщика навсегда отказаться от его замыслов. Наконец, добротой к собственным врагам достигает того, что они переходят на его сторону и отдают ему свою дружбу и уважение.

Министр, который злословит сам или выслушивает дурное о других, возбуждает распри, стремится разорить честного человека для удовлетворения своей ненависти, недостоин занимать свой пост. Злые, изменники, завистники и мстительные люди должны быть старательно исключаемы из министерства: их участие в управлении делами поведет за собою только разрушение могущества государства.

Сельджукид Мелик-Шах представляет тому поразительное доказательство. Он имел визирем Низама Алмулька, замечательного даровитого человека: но султан лишил милостей этого незаменимого помощника, чтобы возвысить на его место человека злого и низкого. Дурное ведение дел, пороки и низость нового визиря подорвали в корне могущество империи. Из Аббасидов халиф Матассем Биллах подвергся той же участи. Он имел неосторожность взять визиря, по имени Алкуми, человека, отличавшегося своим вероломным и мстительным характером. Недостойный визирь, у которого в душе таилась старая злоба против государя, обманул его коварными своими речами. Холоку-хан, честолюбие которого он возбудил, восстал против халифа, взял его в плен, и известно, что впоследствии случилось с этим доверчивым государем.

Визирь должен быть одарен высшими качествами, которые отличают людей хорошего происхождения; он должен быть добродетельным, осторожным и милосердным. Благородные душой не отступают от долга, тогда как нельзя доверяться людям дурного происхождения.

Вполне заслуживает почестей тот министр, который на своем высоком посту действует мудро и неподкупно, который счастливо ведет все отрасли правления, не отклоняясь ни от религии, ни от чести.

Как только визирь без всякой разборчивости начнет пускаться в дурные средства, так начнет падать могущество державы. Мудрый министр соединяет снисходительность с твердостью; он умеет держаться середины; излишек кротости может сделать его жертвой интриганов и честолюбцев; избыток же строгости может лишить его навсегда общественной любви. Своим добрым поведением и разумом такой истинный министр восстанавливает и поддерживает порядок при дворе и в государстве. Терпеливый и снисходительный, он умеряет строгость добротой. На обладающего всеми этими качествами следует смотреть, как на сотрудника в управлении, потому что богатство и сила государя заключается в его землях, казне и войске. И только разумный министр может поддержать и сохранить все эти владения.

Хотя бы министр и соединял в себе все вышеупомянутые необходимые качества, надобно еще, чтобы он не помнил всех упреков, которые могут быть ему адресованы, т.е. не был злопамятен. Если сердце его открыто для мести и вероломства, то можно ожидать неприятных последствий, можно опасаться тайных сношений с врагами государства, разорения армии и расхищения финансов.

Мудрый министр одной рукой управляет войском, другой - сдерживает народ (на эти два пункта направлены все его заботы, все старания). Он дает и берет кстати. Искренность и правосудие управляют его поступками. Он предвидит исход каждого дела и в своих делах забывает о врагах. Деятельный и опытный, он имеет всегда в виду население государства, счастье народа, усиление армии и изобилие богатств. Занятый постоянно мыслью о том, что может способствовать благоденствию государства, он не щадит своей жизни и личного благосостояния, чтоб только отвратить зло, грозящее государству.

Он оберегает интересы граждан и солдат и приводит в порядок всё, что их касается. Таков был Низам Алмульк. Польза, которую он принес, искупила все ошибки, сделанные им, и, когда он хотел предпринять путешествие в Мекку, один дервиш помешал ему, сказав: "Добро, которое ты творишь в правлении Мелик-шаха, и счастье, которым наслаждаются служители Бога, искупят неисполнение тобою этого религиозного обычая".

Я слышал рассказ, что Али, сын Лакоти, визирь Гаруна-Аль-Рашида, после долгого служения благу народному, хотел удалиться от министерства. Один из высших духовных лиц написал ему по этому поводу следующее: "Долг обязывает тебя остаться при дворе халифа, потому что помощь и преимущества, которыми пользуются в твое правление слуги Всевышнего, превышают все остальные твои дела".

Однажды спросили у великого пророка: "Если бы Бог не возложил на вас миссии и дар пророчества, какое бы занятие вы избрали?" "Служение монархам для того, чтобы быть полезным созданием Всемогущего", - отвечал

пророк. Руководствуясь этим соображением, я принял поручение визиря и главнокомандующего Элиаса Хаджи, сына Туглук-Тимура, хана Джагатая.

Целью моей жизни я поставил благо народное, и за заслуги Бог возвел меня на трон.

Министр, который своей политикой или при помощи оружия удерживает в своей власти царство, заслуживает уважения, почестей и звания "кавалера шпаги и пера". Ловкий и разумный министр есть тот, который, руководствуясь своими соображениями, умеет воодушевить и соединить войска, или посеять в них раздор, подходящими действиями он умеет также завоевать симпатии неприятельских войск и привлечь их на свою сторону; полный внимания к интересам государя, доверием которого он пользуется, разумный министр с помощью своего ума, мудрости и прозорливости в состоянии всегда одолеть все преграды, устранить все препятствия и затруднения, могущие помешать успеху государя.

Когда я был захвачен в плен Али-Беком-Чун-Гарбани и брошен в тюрьму, переполненную гадами, один из моих министров, по имени Азис-Эддин, явился ко мне на помощь. Он усыпил Али-Бека, а тем временем я призвал всё свое мужество и вспомоществуемый вооруженной силой, взял с бою мою свободу. Низам Алмульк освободил таким же образом султана Мелик-таху из оков цезаря.

Министр, портрет которого я старался нарисовать, вполне заслуживает быть товарищем в управлении государством; почести, ему оказываемые, соответствуют его заслугам; на его речи смело можно положиться, ибо всё, что он говорит, внушено ему мудростью. Такой министр, даже и при монархепритеснителе, может исправить все несправедливости; если же министр сам разбойник, то он поможет государству впасть в неурстройство (беспорядок).

Правила производства в офицеры и в начальники

Я приказал, чтобы триста тринадцать человек, избранных из среды самых верных слуг, были назначены для начальствования; я требовал, чтобы эти новые эмиры обладали знатностью происхождения, соединенною с

благородством души, умом, хитростью и смелостью, храбростью и осторожностью, решимостью и предусмотрительностью, бдительностью, настойчивостью и глубокой обдуманностью. Каждый офицер имел одного лейтенанта или преемника. В случае смерти какого-нибудь офицера его заменял преемник, который назывался кандидатом на начальствование.

Эти триста тринадцать эмиров были исполнены здравого суждения и равномерно одарены всеми талантами, необходимыми как на войне, так и в мирное время. Опыт научил меня, что для того, чтобы быть способным к исполнению обязанностей эмира или командующего, необходимо знать тайны военного искусства и средства разбивать неприятельские колонны, не терять присутствия духа в момент действия, не останавливаться ни перед какими трудностями, быть всегда в состоянии направлять движение своих войск и, в случае какого-либо беспорядка, уметь тотчас же предотвратить его.

Тот, кто во время мира или войны мог исполнить обязанности моего наместника, был также способен стать и главнокомандующим моими войсками; он сумел бы командовать с твердостью и достоинством и строго наказывать всякого, кто бы осмелился его не послушаться.

Я приказал, чтобы из среды офицеров или эмиров, о которых я только что говорил, было избрано: четверо в командиры 1-го ранга и еще один, чтобы служить мне главнокомандующим, чтобы этот последний в течение войны и во время дела (битвы) имел право командовать как офицерами, так и простыми солдатами; когда же я сам становился во главе своих войск - то, чтобы он исполнял при мне обязанности лейтенанта.

Я допустил к командованию еще 12 талантливых человек, пользовавшихся хорошей репутацией.

Я вверил 1000 всадников первому эмиру и назначил его офицером этого отряда; 2000 второму, предоставив ему над ними ту же власть; в таком же порядке 3-й, 4-й и 5-й эмиры командовали тремя, четырьмя и пятью тысячами, и так до 12-го, который и был поставлен во главе 12 000 всадников; и все эти эмиры были лейтенантами друг друга.

Первый был лейтенантом второго, второй - третьего и т. д. до 12-го, который был главнокомандующим; и этот последний был моим лейтенантом; таким образом, в случае крайности низший исполнял обязанности своего старшего начальника.

Из среды этих трехсот тринадцати офицеров я назначил сто десятников (унбаши), сто сотников (юзбаши) и сто тысяцких (минбаши).

Все офицеры были подчинены главнокомандующему и строго несли каждый свою обязанность, не обременяя ею другого, потому что то, что в состоянии исполнить один унбаши, не требует забот со стороны юзбаши. Точно так же будет лишним юзбага, если минбаши в состоянии исполнить порученное ему. Каждый офицер, желавший (получить) иметь занятие, получал его.

Правила для повышения солдат от самого низшего до самого высшего ранга

Те из избранных воинов, которые отличаются на войне необыкновенною храбростью, могут возвыситься до ранга унбаши; при вторичном отличии они должны получить звание юзбаши, и наконец - минбаши. Я не желаю, чтобы были награждаемы проявления храбрости, когда они вызваны только стремлением избежать неприятельского оружия, потому что это не превосходит самозащиты быка, противопоставляющего свои рога нападению, а необходимо обращать внимание на благородство и возвышенность чувства, руководящего солдатом в деле.

Если минбаши с оружием в руках опрокинет неприятельский отряд, то его можно повысить до звания 1-го эмира; 1-й эмир, который обратит в бегство неприятельскую армию, может быть возведен в ранг 2-го эмира и так могут повышаться все офицеры, блестящим образом отличившиеся на поле битвы. Простому солдату в награду за оказанную храбрость можно увеличить жалованье. Солдат, бежавший с поля битвы, должен быть лишен участия в разделе добычи, но его можно извинить и даже простить ему, если он

вынужден был к тому превосходством неприятеля. Тот, кто возвратится с поля битвы покрытый ранами, должен быть окружен почетом; если раны и заставили его удалиться с поля битвы, то всё-таки следует осыпать его похвалами, так как эти раны доказывают, что если не сам он нападал на неприятеля, то во всяком случае неприятель был близко к нему.

Мною было строго запрещено лишать солдат должной награды. Поседевшие на военной службе не теряли ни жалованья, ни чина; их служба не была забываема, потому что тот, кто посвящает долгую жизнь, которою мог бы наслаждаться, всем случайностям войны, достоин награды; он имеет право требовать богатств и отличий. Умалчивать о заслугах, отказывать ему в награде было бы возмутительной несправедливостью.

Я стремился к тому, чтобы каждый офицер, министр или солдат, который своими трудами способствовал упрочению моего величия, выигрывая ли сражения, присоединяя ли царства или выказывая свою храбрость, всегда получал удовлетворение, которого вправе был ожидать ценою своих заслуг. Старые воины были глубоко почитаемы, речи их выслушивались, потому что всё, что они ни говорили, было основано на опыте; они составляли славу моего государства, и дети их наследовали должности, которые были ими занимаемы. Я запрещал предавать смерти пленных, предоставлял им право для выбора: вступить ко мне на службу или получить свободу. Так я даровал свободу 4000 турок.

Если неприятельский солдат по окончании битвы, по исполнении законов соли по отношению к господину, искал у меня убежища по необходимости или по доброй воле, то его принимал с почетом; ему следовало оказывать большое внимание, так как он был верен своему государю и долгу.

Таким образом я отнесся к Шир Беграму. В битве, которую я дал эмиру Хоссейну, Беграм двинулся против меня и оказал чудеса храбрости. Но впоследствии он был принужден прибегнуть к моему покровительству и встретил у меня почетный прием.

Во время завоевания Балка эмир Мангхали Буга предводительствовал неприятельской армией; пред битвой я сделал ему некоторые предложения, чтобы привлечь его на свою сторону; но, неизменно преданный Туглук-Тимур-хану, он выстроил свои войска и дал мне кровопролитное сражение, в котором был разбит наголову.

Впоследствии он добровольно преклонил предо мною колени; я вскоре дал ему блестящий пост, и своими благодеяниями успел потушить в нем все чувства мести, ибо я не пропускал никакого случая, чтобы оказать ему свою благосклонность и свое великодушие.

Мангхали Буга был храбрейший воин, он это доказал блестящим образом, когда пришлось сражаться за меня, и оказал мне неоценимые услуги в войне за Азербайджан (Мидию), когда мои войска дрогнули перед Кара-Юсуфом. Вдруг Буга берет голову неприятельского офицера, надевает ее на копье, уверяя, что это голова Кара-Юсуфа. Тогда в войске распространяется слух, что этот генерал убит. Это известие воодушевляет моих беглецов, они атакуют неприятеля с фланга и обращают врагов в бегство. Я всецело приписал свою победу над Кара-Юсуфом находчивому Буге, которого я возвел в высшую должность.

Приемы поощрения

эмиров, визирей, солдат и граждан щедротами и почестями

Я установил три рода наград для эмира, который покорит царство или разобьет неприятельскую армию; ему присваивались: почетный титул, значок с хвостом лошади (бунчук) и литавры. Он получал титул "храбреца", считался моим сотрудником и соучастником власти. Я допускал его в свой совет и, наконец, вручал ему управление пограничной провинцией числом офицеров, достаточным для того, чтоб составить его свиту. Эмир, который одерживал победу над войском какого-нибудь принца, сына принца или же хана, получал

такую же награду. Таким образом, когда эмир Ику-Тимур, который был мною послан против Оруз-хана, возвратился победителем, я сделал его начальником 10000 человек, вручил ему бунчук, знамя и литавры, признал его соучастником в моих успехах, сделал его своим министром и советником. Я назначил его правителем пограничной области с надлежащим числом эмиров в свиту.

Завистники стали наговаривать на этого эмира: они обвинили его в том, что он разорил область Оруз-хана и присвоил себе ее богатства. Эти наговоры возбудили во мне равнодушие к Ику-Тимуру. Но история Бехрама Джубина, которая была мне небезызвестна, послужила мне достаточным опытом. Вот эта история: Хакан, во главе с 300000 турок, жаждущих крови, выступил против Хормуза, сына Нуширвана. Этот молодой принц выслал против врагов Бехрама Джубина, прежнего визиря, советника и главнокомандующего армией своего отца. Он дал ему 320000 персон, и Джубин вступил в сражение, длившееся три дня и три ночи. Хакан был разбит. Победитель известил о том тотчас же Хормуза и повергнул к его стопам всю захваченную добычу.

Клеветники и завистники, найдя средство заставить выслушать обвинения в совете Хормуза, осмелились произнести следующее: "Бехрам Джубин оставил себе большую часть богатства Хакана. Он скрыл осыпанные драгоценными камнями корону и шпагу, и украшенные бриллиантами туфли". Подстрекаемый духом жадности, Хормуз забывает все заслуги Бехрама. Слепая легковёрность побуждает его обвинить своего генерала в измене; он посылает Джубину женское покрывало, ожерелье и цепь. Бехрам надевает ожерелье на шею, цепь на ноги, покрывается фатой, призывает начальников, офицеров и солдат и в таком виде открывает публичную аудиенцию. При виде этого армия, возмущенная негодованием, изрыгает проклятия своему государю, а солдаты отрекаются от верности Хормузу.

Воодушевляемые своим генералом, они подступают к городу Мадаину, где находился дворец монарха, низвергают его с персидского трона и возводят Хорзу-Первиза.

Помня этот пример, я остерегался возбудить нарекания армии, я призвал Ику-Тимура, сел на трон и велел впустить толпу; затем вся добыча от орды Оруз-хана была разложена посреди собрания; я сам разделил ее между Ику-Тимуром, храбрецами и воинами, которые служили под его начальством.

Эмир, который выкажет свою храбрость в деле, который разобьет неприятельский батальон, заслуживает повышения.

В одном сражении против хана Тохтамыша, Табин Бегадер успел приблизиться к знаменосцу этого хана и опрокинуть знамя, но этот подвиг стоил ему многих ран; злые и завистники старались потемнить этот подвиг, но справедливость не допустила меня закрыть глаза. Я сделал предводителем храброго Табина и к прочим почестям присоединил военный значок.

Если десятник, сотник или тысяцкий успеет обратить в бегство неприятельский отряд, то первый из них может быть сделан начальником какого-нибудь города, а 2-й - начальником области.

Юзбаши Берлас Бегадер осмелился напасть на Тохтамыша во время войны, которую я вел с этим ханом. В награду за то, что он разбил неприятельскую армию, я назначил его правителем области Хиссар-Шадамана.

Минбаши, который одержит верх в сражении, должен получить титул князя провинции. Так, во время завоевания Кетуэра, черная шайка, которая восторжествовала над Берангмана, была разбита Магомет Азадом; в награду за этот подвиг я дал ему княжества Кандоз и Кулаб. Каждый эмир, который завоюет целое государство у врагов, может им пользоваться 3 года в виде награды.

Храбрец, который отличится каким-либо подвигом, должен получить высший чин; ему следует дать военный молот, вышитую палатку, перевязь, шпагу, лошадь. Его следует сделать десятником, пока второй и третий подвиги не возвысят его до чина сотника и тысяцкого.

Правила раздачи литавр и знамен

Я желаю, чтобы каждый из 12-ти эмиров имел литавру и знамя. Но главнокомандующий, кроме этого, должен иметь два почетных знака.

Минбаши получает знамя и трубу, а юзбаши и унбаши - литавры. Эмиры различных орд должны иметь отличительные знаки, а каждому беглербеку даётся знамя, литавры и другие почетные знаки.

Эмиры, завоевавшие область или разбившие наголову армию, будут возведены в высшие чины. Первый эмир будет возведен в ранг второго, второй в ранг третьего и так до двенадцатого, которому будут пожалованы знамя, значок и литавры.

Один значок дается первому эмиру, два значка - второму и так до четвёртого. Прибавляются литавры для поощрения эмиров к получению двух других почетных знаков.

Правила обмундирования и вооружения

Я установил, чтобы в военное время простые солдаты получали одну палатку на восемнадцать человек; каждый должен вести две лошади, он должен быть снабжен луком, колчаном, шпагой, пилой, шилом, мешком, рогожною или нулевою иглою, топором, десятью иглами и кожаным ранцем.

Избранные же воины должны помещаться по пяти в одной палатке и каждый должен иметь каску, броню, шпагу, лук, колчан и количество лошадей, предписанное указом. Каждый унбаши помещается в отдельной палатке и вооружен кольчугой, шпагой, луком, колчаном; за ним должны следовать пять лошадей.

Юзбаши может вести за собой десять лошадей, иметь отдельную палатку, оружие, состоящее из шпаги, лука, колчана, палицы, булавы, кольчуги и брони.

Каждый минбаши может иметь кроме палатки тент и множество всевозможного оружия, как-то: кольчуг, касок, броней, копий, шпаг, колчанов и стрел.

Военный обоз первого министра должен состоять из палатки (юрты), двух тентов, вышитой палатки и множества оружия, соответственного его чину, для снабжения им других.

Второй, третий и т. д. эмиры до главнокомандующего должны иметь всё соответствующее их чину вооружение.

Первый эмир должен вести 110 лошадей, второй 120 лошадей, третий 130 лошадей и так до главнокомандующего, которому необходимо иметь не менее 300 лошадей. Пехотинец может вооружаться шпагой, луком и числом стрел по произволу, в момент же сражения ему необходимо только предписанное законом количество.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ДЛЯ ЛИЦ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ НА АУДИЕНЦИИ И СОБРАНИЯ В МИРНОЕ И ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Постановления для лиц, являющихся на аудиенции и собрания в мирное и военное время.

На аудиенции в мирное время солдаты и их начальники не должны являться в диван без шапок, без сапог, без калош, без халата (бешмета) и без шпаги. Двенадцать тысяч жандармов, вооруженных с ног до головы, должны находиться вокруг дворца, справа, слева, впереди и позади, так что каждую ночь 1000 чел. должны составлять патруль. Каждая рота, в составе 100 чел., находится под начальством юзбаша, дающего (пропуск) пароль.

Я рекомендую 12 эмирам, минбашам, юзбашам и унбашам брать во время походов 12 000 хорошо вооруженных всадников, чтобы назначать их в караул в продолжение дня и ночи. Эти 12 000 всадников следует разделить на четыре дивизии, разместив их со всех четырех сторон вокруг лагеря, и каждая очередная смена должна стоять на страже в расстоянии полумили от лагеря.

Каждая дивизия должна выслать авангард, а из авангарда, в свою очередь, выставляется ведетта; все эти воины, соблюдая должные предосторожности, должны доставлять в лагерь все сведения. В каждую часть лагеря должен быть назначен великий профос, - лицо, несущее обязанности стражи и военной полиции; им присвоено наблюдение за продуктами, доставляемыми в лагерь купцами; они же отвечают за все кражи, которые могут быть совершены; четыре отряда чопекунчей должны оберегать лагерь на расстоянии 4 миль вокруг него. Если на этом пространстве совершится кража или убийство, то

ответственность падает на объездных. Треть моей армии должна заботиться об охране границ, две другие трети должны быть наготове для исполнения моих приказаний.

Служебные обязанности визирей

По моему велению совет всегда состоял из 4 визирей.

I. Визирь провинций и народа. Назначением этого визиря было сообщать мне о событиях и делах, происходящих в администрации, а также состоянии народа.

Он доставлял мне произведения провинций, подати и налоги, и соображения о распределении всей массы сборов; он же давал мне точный отчет о количестве населения, его культуре, о развитии торговли и положении полицейского надзора в государстве.

II. Военный визирь. Обязанности этого визиря состояли в представлении мне росписей войск и реестров жалованья, в знакомстве с расположением отрядов для предупреждения разбросанности и в сообщении совету обо всём, касающемся военного дела.

III. Визирь путешествующих и покинутых имуществ. Этот министр охранял от расхищения имущества отсутствующих, умерших, дезертировавших; он же следил за пожертвованиями, а также и за налогами, которые уплачивались путешествующими. Он собирал налоги, установленные со стад, прудов и лугов. Это был верный страж всех поименованных статей государственного казначейства и наблюдал за передачей имущества умерших или отсутствующих лиц их законным наследникам.

IV. Визирь императорского двора.

Он наблюдал за доходами и расходами двора и всего того, что выдавалось из казначейства или расходовалось на содержание лошадей и др. вьючных животных. Я назначил трех визирей (интендантов) в пограничных областях и внутри государства для неусыпного надзора за охраной провинций и управлением государственными имуществами. Эти семь визирей или

министров были подчинены начальнику дивана, и, обсудив с ними все дела, касавшиеся финансов, они доводили их до моего сведения.

Я хотел также назначить чиновника, обязанностью которого было докладывать мне о состоянии моих войск и моего народа, приросте и уменьшении народонаселения и о всех трудных делах, которые не были еще приведены в исполнение. Обязанностью представителя духовной власти было - докладывать мне о состоянии пенсионеров, назначенных потомкам пророка, о жалованье другим духовным лицам, равно как и о распределении вкладов и других фондов, определенных на дела веры.

Духовный судья доносил мне о делах, касавшихся религии, а гражданский - о делах, относившихся к его ведомству.

Я требовал, чтобы все государственные дела, все вопросы, которые касались перемен и нововведений, распределения войск и назначения эмиров и, наконец, все рассуждения, в которых дело шло о представлении каких-либо планов или порядка ведения какой-либо операции, рассматривались в частном совете. Я установил, чтобы в этом совете присутствовал секретарь испытанной воздержанности, для ведения точных протоколов об этих тайных делах и их обсуждении.

Я приказал назначить несколько секретарей аудиенций (или публичного совета), которые поочередно должны были присутствовать в диване; они тщательно записывали все дела и затруднения, разрешенные или просто только обсуждавшиеся. Они включали в историю событий моей жизни суждения, которые я произносил, и все то, что происходило в моем совете.

В каждом департаменте управления состоял особый чиновник, который вел журнал прихода и расхода.

Постановления

о назначении начальников (эмиров) улусов, кушунов и тюменей

Я предложил, чтобы эмир каждой орды и каждого тюменя брал с собою в военное время по одному всаднику из каждой палатки, по одному из каждого дувала и, наконец, по одному человеку из каждого дома.

Повсюду, где бы они ни останавливались, их должны были снабжать водой и фуражом для продовольствия. Начальники племени получали Иргу и Бирк. Они были обязаны выводить в поле число всадников, соответствовавшее силе их улуса или тюменя. Из среды 40 оймаков или начальников орд, которые признали мою власть, я желал (бы), чтобы 12 получили офицерскую тамгу для того, чтобы возвысить их на степень моих доверенных слуг. И я избрал начальников Берласа, Тархана, Аргуна, Салаира, Тулкачи, Дульди, Могула, Сельдуза, Туга, Капчака, Ерлата и Татарии.

В орде Берласа я поставил 4 главных офицеров. Эмира Кодадада, которому я отдал область Бадакшана; эмиры: Яку, Ику-Тимур и Солейман-Шах получили в управление каждый пограничную область или провинцию. Сто лиц из орды Берласа были возведены в звание минбаши; наконец, Желаледдин Берлас был сделан десятым эмиром, а Абу-Сеид - девятым.

В орде Тархана я пожаловал Балзеда седьмым эмиром, а 20 воинов получили звание юзбаши.

В орде Аргуна Таш Хаджа я облек в достоинство восьмого эмира и выбрал 20 лиц из этой орды в минбапга, юзбаши и унбаши.

В орде Салаира Тук Тимур и Шир-Байрам мною назначены восьмым и девятым эмирами и 20 лиц назначены унбашами и юзбашами.

В орде Тулкачи звание эмира было оставлено за Алжету-Берди.

В орде Дульди то же звание дано Табан-Бехадеру и Сам-Бехадеру.

Тимур-Хаджи-Аглан был эмиром в орде Могула.

Илчи-Бехадер - в орде Сельдуза, Али-Дервиш - в орде Туга.

Эмир Сар Буга в орде Капчака.

В орде Ерелата звание главного начальника было предоставлено эмиру Муvidу, который женился на моей сестре, а Солянчи-Бехадер сделан эмиром. Это же звание получил Кунк Хан в Татарской орде.

28 прочих начальников орд, которые не получили тамги, были просто названы начальниками племен для того, чтобы в военное время или для отправления военной службы они явились в число воинов, предписанных приказами.

**Правила, которыми должны руководствоваться
в своих отношениях начальник к подчиненному и подчиненный к
начальнику**

Хороший слуга должен знать, что его начальник вправе требовать от него то, что он сам требовал бы, имея слугу. Поэтому ему следует проявлять неутомимую деятельность на службе. Если его начальник, после выражения самого искреннего благоволения, делается к нему равнодушным, то он (подчиненный) должен обвинять в этом самого себя, а не начальника.

Добрый слуга привязывается и служит из расположения. Тот, кто не зная дружбы, питает в своем сердце только чувство ненависти, пожнет только несчастье, тогда как успехи и благосостояние преданного слуги будут возрастать со дня на день. Преданный слуга не оскорбляется выговорами или равнодушием своего господина, не питает злобы в своем сердце; он обвиняет самого себя в дурном обращении, которое переносит. Такой слуга заслуживает повышения.

Слуга корыстолюбивый будет ленив на работе.

Тот, кто забывает свой долг и повертывается спиной во время дела, не достоин внимания. Слуга, способный отделяться извинениями или просить (извинения) увольнения, когда предстоит сражение, который ищет средств скрыться и откладывает до другого дня дело, не терпящее отлагательства (таково было поведение Була и Тимур Аглана, покинувших меня в самый критический момент), - пусть имя такого слуги предается забвению, и пусть Всевышний его накажет.

Князья не должны лишать подданного власти, раз они его облекли таковою. Пусть они остерегаются низвергать того, кого возвысили. Человек, за которым раз признано достоинство и проницательность, не создан для того, чтобы быть презируемым. Если, по несчастью, такое оскорбление ему уже нанесено, то необходимо исправить это, возвысить оскорбленного на степень вдвое значительнее и предоставить себя его великодушию, потому что, если у него

останется злоба и он задумает отомстить за себя - он не замедлит понести за это наказание. Но подчиненный, который заботится сохранить место в сердце своего господина, не замедлит составить свое благосостояние.

Тот, кто после вынужденного или добровольного разрыва возвращается к своему начальнику, заслуживает внимания, так как он дает блестящее доказательство своего раскаяния, своей преданности.

Если слуга неприятельской стороны, дав доказательства своей храбрости и верности, попадал в плен, если же, не надеясь на своих, покидал их, чтобы просить моего покровительства, я возвышал его и обращался с ним, как с верным моим подданным.

Мангали Буга и Идер-Андухунд с эмиром Абу-Сеидом ожидали меня во главе 6000 всадников и разбили меня на берегах реки Балх.

Впоследствии эти офицеры, не надеясь на своего князя, перешли на мою сторону; я принял их с отличием и осыпал почестями. Я дал им области Исад Шадаман, Андижан и Туркестан.

Если слуга, опасный для противной стороны во время действия, разрывает цепи дружбы по наущению врагов своего господина, если, забыв законы соли, власть и подчинение, он старается низвергнуть своего князя, - я строго запрещаю его принимать; судьба, куда бы он ни скрылся, воздаст ему наказание (смерть) за его неверность.

Подданный, который оставляет своего господина в опасности и ищет дружбы других, не заслуживает никакого доверия; однако, если многочисленные заслуги позволяют рассчитывать на его верность, то его услугами можно пользоваться во всякое время, кроме военного. Ему следует оказывать величайшее внимание.

Визирь или подданный, который в видах политики или с предвзятою целью поддерживает близкие отношения с врагами, который под прикрытием этой дружбы вернее действует на пользу своего господина, достоин стать наряду самых умных друзей или рабов. Но раб, который изменяет своему господину и продает его, должен считаться врагом.

Нужно остерегаться давать веру клевете, распространяемой против слуги, который поднимал оружие и выиграл сражение, или забывать добро, которое он сделал. Каждую услугу нужно ценить в десять раз больше, чем она стоит, и в интересах власти возвышать подобного раба, чтобы внушить другим такое же рвение и такое же усердие. Если целый полк или только начальник оставляет всё, чтоб передаться врагу, то ему не должно давать никакого места в армии. Так, когда начальники армии Кеша оставили меня, чтоб соединиться с Хаджи-Берласом, я не оказывал им больше никакого доверия.

Всякий начальник, который изменой предает вверенную ему область врагу, подлежит смерти, но тот, кто сохранит свою область, должен быть осыпан наградами.

Офицер, верность которого непоколебима в минуту неудачи, среди всех случайностей, поистине достоин имени брата. Так, я не забыл этого правила, видел дезертировавшими начальников армии Кеша. Исключая эмира Яку-Берласа, никого не осталось возле меня, чтобы разделить мою участь. Я смотрел на верного берласа, как на брата и товарища по счастью; я дал ему звание главнокомандующего с управлением областями Хиссара и Балха.

Правила обращения с врагами и друзьями

После завоевания Турана, когда утвердился в Самарканде на верху могущества, я не хотел делать более различия между своими врагами и своими друзьями. Эмиры Бадахшана, некоторые начальники племен тюркских и иноземных, которые тайно или с оружием в руках вредили мне, пришли в уныние, помня свое прежнее поведение, но отдавшись на мое произволение, они были смущены моим великодушием и благодеяниями. Я расточал милости и награды всем тем, которых я огорчил; путем почестей и чинов я старался их утешить.

Я предал проклятию эмиров Зельтуза и Зиттеха. Они возвели на трон Набул-Шаха, потомка Чингисхана, и присягнули ему не верность и преданность. При вести о моем возвращении эти изменники, поправ самые священные обязанности, зарезали несчастного хана в надежде на мое благоволение.

Завистник, являвшийся с намерением погубить меня, встречал с моей стороны столько знаков расположения, что, расстроенный моими щедротами, покрывался потом смущения.

Если друг испытанной верности искал у меня помощи, я не затруднялся помогать ему вещами и деньгами, потому что смотрел на него, как на товарища по счастью.

Опыт научил меня, что только тот испытанный друг, кто никогда не оскорбляется, кто считает своими врагами врагов своего друга и кто в случае надобности охотно жертвует своею жизнью. Такова преданность многих моих офицеров, за то и они не могли жаловаться на мою скупость.

Опыт убедил меня также, что благоразумные враги лучше безрассудных друзей. Эмир Хусейн, внук Джархана, принадлежал к числу этих последних. Того, что он сделал мне по дружбе, враг не сделал бы в припадке ненависти.

Эмир Кодадат говорил мне: "Береги твоего врага, как жемчужину или алмаз, но, если ты найдешь камень, сотри его так, чтобы не осталось и признаков".

Он же прибавил: "Когда враг сдается и просит твоего покровительства, пощади его и оказывай ему благоволение". Поэтому-то я и милостиво принял Тохтамыша, который искал у меня убежища. Если враг, употребив во зло оказанную ему услугу, возобновляет неприязнь, пусть его судит Всевышний! Истинный друг не злобствует на своего друга или по крайней мере охотно принимает его извинения.

Правила о порядке заседания в Совете

Я повелел, чтобы мои сыновья, мои внуки и мои родственники, смотря по чину, занимали места вокруг трона, как кольцо вокруг луны.

Потомки пророка, судьи, ученые, теологи, старцы, вельможи и знать помещались направо.

Главнокомандующий, генералы (ханы), князья, начальники, эмиры десятитысячных и меньших общин, минбаши, узбаши и унбаши, соблюдая старшинство, садились налево.

Председателю Совета и визирям места - против трона; вельможи и начальники областей образовывали второй ряд, позади их.

Избранные воины, получившие титул храбрых, и другие храбрые бойцы должны были садиться позади трона направо; начальники лёгкой кавалерии занимали второе место налево.

Я приказал, чтобы полковник авангарда помещался против трона; начальники над приставами занимали пост у входа в палату трона; наконец, лица, ищущие правосудия, могли размещаться и налево.

Простые солдаты и придворные слуги, раз поставленные на место, не смели выходить из рядов.

Четыре церемониймейстера, стоявшие направо и налево, позади и впереди трона, наблюдали за порядком собрания. Когда все присутствующие были на своих местах, приказывал подавать народу тысячу блюд различных кушаний и тысячу хлебов. В моем частном Совете подавалась также тысяча блюд, из которых пятьсот я отсылал эмирам орд и полковникам, назначая их каждому поименно.

Постановления,

которыми нужно руководствоваться при завоевании государств

Когда государство становится добычей тирании, насилий и жестокостей, тогда долг каждого государя, верного законам правосудия, употребить все усилия для искоренения этих бичей, вторгаясь в страну. Всевышний сам вырвет такое государство из рук притеснителя и подчинит его этому государю. Такая-то любовь к правосудию внушила мне мысль освободить Трансоксанию от грабежей воинов Узбек-хана.

Если в каком-нибудь государстве замечается упадок веры, пренебрежение к чудным делам Всевышнего или оскорбление Его избранных слуг, тогда государь-завоеватель обязан вторгнуться в это государство для восстановления там веры и закона Магомета. Он твердо может рассчитывать на помощь Пророка.

Таким образом я отнял столицу Индостана, Дели, у султана Махмуда (внука Фарце-Шаха), Малухана и Саренки. Я восстановил во всей силе веру и закон. Наконец, я уничтожил все языческие капища, воздвигнутые в стране. Если правитель или интендант злоупотребляет своей властью во вверенной ему стране и доводит жителей ее до крайнего исступления, то всякий воинственный государь может завоевать эту страну. При приближении такого освободителя все пути ему будут открыты. Таким способом я отнял Хорассан у государей из династии Карт. Лишь только причины моего похода и виды на столицу этой провинции сделались известны, как Гаязеддин сдал мне ее со всеми богатствами, которые были в его распоряжении.

Каждое государство, в котором безверие и ереси пустили глубокие корни и разделили народ и войско на многочисленные секты, легко может быть завоевано. Победоносный монарх не должен пренебрегать случаем в него вторгнуться. Это-то меня и побудило освободить Ирак-Аджеми и Фарсистан от презренных еретиков, которые разъедали народ этой страны. Предводители остальных партий, осмелившиеся поднять со всех сторон власти, были уничтожены, и я сохранил истинных служителей бога.

Если в стране народ исповедует веру, различную с верой потомков Пророка (князя посланников), Божья благодать да почиет на нем; (правоверный) монарх должен завоевать эту страну, чтобы вывести народ из его заблуждения. Итак, когда я вступил в Сирию, то строго наказал тех, которые следовали ложному учению.

В начале своих завоеваний я усвоил себе четыре правила, которых я строго придерживался.

1) В своих экспедициях я действовал осторожно, предварительно всё зрело обдумав.

2) Чтобы не запутаться в своих предприятиях, я был чрезвычайно внимателен, осмотрителен и осторожен, и помощь Всевышнего содействовала успеху всех моих дел. Я тонко изучал характер и настроение различных народностей; затем я сообразовал свою деятельность с этим знанием и давал каждой из них правителя, который бы вполне ей соответствовал.

3) Я приблизил к себе триста тринадцать храбрецов знатного рода, испытанной смелости и благоразумия. Они были так тесно связаны между собою, что составляли как бы одно лицо и никогда не расходились в своих планах, своих мнениях и своих действиях. Когда они говорили: "мы приведем в исполнение этот план", то они его исполняли и никогда не оставляли они предприятия, прежде чем не довести его до конца.

4) Я не откладывал сегодняшнего дела до завтра, умел употребить кстати кротость, строгость, медленность и поспешность и не прибегал к оружию в деле, которое требовало только политики. Искусство завоевывать государства было для меня шахматной игрой, в которой я упражнялся в течение дня с людьми просвещенными; ночью же, в тени моего кабинета, даже в постели, я обдумывал дела и средства для приведения их в исполнение. Я тщательно обсуждал про себя путь, ведущий к победам, пути нападения и отступления. Я обдумывал свое поведение относительно солдат: как я обойдусь с одним, какие приказания дам другому.

Постоянно опасаясь заблуждений, я не упускал из виду ни одного дела, обращался ласково и великодушно с теми офицерами, усердие которых было мне известно, и ловко обходил тех, которые мне выказывали неприязнь. Я считал неблагодарным того, кто платил мне злом за добро, следуя изречению Пророка: "Человек, рожденный от незаконной любви, умрет, не причинив вреда своему благодетелю".

Мой духовник писал мне: "Ты должен согласоваться с повелениями Бога и Его Пророка и помогать возвеличению Магомета в грядущем. Изгони из монархии

Всевышнего тех государей, которые, пользуясь благодеяниями Творца, восстают против Него и Его Пророка.

Пусть правосудие царит в твоём правлении, так как по преданию неверные могут сохранять власть, но она никогда не остается долго в руках тиранов.

Долг обязывает тебя искоренить гнусные обычаи, вкравшиеся в царство Всевышнего. Дурные поступки оказывают такое же влияние на народ, как дурная пища на тело. Поэтому старайся дотла искоренить неправосудие. Не ставь в заслугу тиранам продолжительного благосостояния, которым они нередко пользуются на земле. Пойми причину продолжительного счастья злых и притеснителей. Необходимо, чтобы все злодеяния и преступления, которые в своем сердце задумали эти люди, совершились, дабы негодование и гнев Божий разразился над виновными; настанет день, когда Всевышний обратит свое могущество на этих варваров, этих злодеев, этих безбожников, поражая их оковами, заключением, отчаянием, голодом, всеобщим поветрием и внезапною смертью. Настанет время, когда невинные, добрые и справедливые, преданные казням злодеями, будут причислены к лику жертв, ибо огонь, который загорается на болоте, пожирает одинаково и сухие, и свежие травы. Не удивляйся при виде счастья и возвышения неверных, безбожных и злых, остерегайся впасть в ошибку, говоря: "Злодеи нагромождают преступление на преступление, а счастье увеличивается вместе с их злодеяниями". Надобно понять причину этого преуспевания; вот она: "Обращая взоры на своего истинного благодетеля, они могли бы отказаться от своих преступных привычек и постигнуть всю обширность своего долга. Но пренебрегая уплатой Всевышнему Богу дани признательности, относясь равнодушно к служению Ему, забывая все милости, которыми Бог и Пророк Его осыпали их, эти неблагодарные кончат тем, что сделаются предметом негодования и гнева Верховного Владыки".

Письмо моего духовника побудило меня вырвать царство Бога из рук разбойников, неверных, мятежников, еретиков и злодеев. Я тотчас же начал серьезно заботиться об их изгнании и уничтожении.

Постановления для управления государством

В государстве, вновь подчиненном моей власти, я оказывал почет тем, которые были того достойны; я обращался с величайшим уважением и почтением с потомками Пророка, учителями закона, учеными и старцами, я назначал им жалованье, пенсии; вельможи этой страны становились как бы моими братьями, а сироты и бедные - моими детьми. Армия покоренной страны входила в состав моей армии, и я старался привлечь любовь народа. Тем не менее я держал всегда своих подданных между страхом и надеждой. С добрыми, к какой бы национальности они ни принадлежали, я обходился с добротой, но злые и изменники изгонялись из моего государства. Я удерживал людей трусливых и низких в положении, которое им соответствовало, не допуская их возвышения за известные границы. Я расточал почести и отличия вельможам и знати. Врата справедливости были открыты во всех подвластных мне странах, в то же время я заботился, чтобы все пути к грабежу и разбою были закрыты.

Правитель покоренной провинции оставался при своей должности; осыпая его благодеяниями, я мог вполне рассчитывать на его верность и преданность. Но непокорный не замедлял попадаться в свои собственные сети. Тогда я его замещал правителем умным, справедливым и деятельным. Я приказал наказывать по закону "Ясса" (закону Чингисхана) разбойников и грабителей больших дорог и изгонять из моих владений бунтовщиков и изменников.

Я не желал, чтобы шуты были терпимы в провинциях. Я назначил в городах и городских кварталах профоса, который должен был заботиться о безопасности народа и солдат. Все кражи, совершенные в его участке, лежали на его ответственности.

На больших дорогах была расставлена стража, чтобы делать разъезды и обезопасить сообщения. Путешественники и купцы имели право требовать, чтобы их вещи и богатства были конвоированы этой стражей, которая отвечала за каждую пропавшую вещь.

Строго воспрещалось судьям наказывать граждан по обвинениям и наветам людей подозрительных и неблагонамеренных. Но по убеждению, основанному на четырех показаниях, на виновного налагался штраф, соразмерный с его преступлением.

Не позволялось взимать ни подушного сбора, ни пошлины в городах и предместьях. Ни один солдат не имел права занять постоем дома частного лица или присвоить себе стадо и имущество гражданина.

Во всех делах, касавшихся народа какой-либо провинции, правителям было приказано строго держаться в пределах справедливости. Для уничтожения нищенства я основал приюты, где бедные получали содержание.

Постановления для поддержания сношений

и получения сведений о состоянии государств, областей, народа и армии

Я желал, чтобы на всякой границе, во всякой провинции, в каждом городе и при армии был корреспондент. Его обязанностью было уведомлять Двор о действиях и поведении правителей, народа и солдат, о положении моих войск, моих соседей, он представлял точный очерк о вывозе и ввозе товаров и произведений, о прибытии и отъезде иностранцев и караванов всех стран. Этот корреспондент при помощи своих сношений знал все действия ханов, имел сведения о всех мудрецах и ученых, которые, хотя бы из самых отдаленных стран, были расположены перейти ко мне на службу. От таких докладов я требовал самой строгой правдивости. Если он уклонялся от истины и не давал точного отчета о событиях, ему отсекали пальцы. Если в своих отчетах он пропускал какой-нибудь похвальный поступок солдата или представлял его в ложном свете, ему отрубали руку; наконец, если он по вражде или злобе делал ложный донос, его подвергали смерти. Я настоятельно требовал, чтобы эти известия были мне представляемы ежедневно, еженедельно и ежемесячно.

Я содержал отряд до 1000 всадников на верблюдах, другой отряд в 1000 человек легкой кавалерии и 1000 легко вооруженных пехотинцев для исследования состояния пограничных областей и для разоблачения замыслов

соседних князей. По возвращении своем они мне сообщали подробности открытий, и я мог принять меры против всяких случайностей.

С помощью этих всадников и пехотинцев я узнал о поражении Тохтамыша Оруз-ханом. Побежденный обратился ко мне, и я приготовился помочь Тохтамышу и объявил войну победителю.

Когда я задумал завоевать Индостан, они меня известили, что в каждой области этого государства правители и коменданты отложились от верховной власти и объявили себя независимыми. Саранк, брат Малу-хана, поднял знамя независимости в местности Мултана; султан Махмуд последовал его примеру в Дели; Малу-хан организовал армию в Лагоре; Мобарек-хан изъявил притязания на верховную власть в государстве Канудж, так что во всём Индостане не было ни одной провинции, в которой верховная власть не была бы захвачена каким-нибудь частным лицом.

Из всех этих данных я заключил, что можно было легко завладеть этой страной, но армия не разделяла моего мнения, и я был еще занят походом в Индию, как меня известили, что Баязед вторгся в мои владения и что (грузины), перешедши за свои границы, подали помощь некоторым крепостям, которые были осаждаемы моими войсками.

Я понял, что беспорядки в Иране увеличатся, если мое пребывание в Индии продолжится. Поэтому я привел в порядок дела этой страны и поспешно прибыл в Трансоксанию, где и оставался несколько дней. Затем направил свой путь на Анатолию и (Грузию) и овладел этими государствами.

Правила обращения с туземцами и колонистами каждой области.

Постановления для содержания гробниц святых и поборников веры.

Пожертвования на богоугодные заведения

Я повелел, чтобы воины вновь покоренной страны были приняты на мою службу, как только признают мою власть; чтобы народ и туземцы этой страны были пощажены от всех тех бедствий, добычей которых делаются обыкновенно побежденные; чтобы их имущество и богатство не предавались

грабежу и расхищению, и чтобы взятая с них добыча была им возвращена. Я требовал, чтобы оказывали величайшее почтение потомкам Пророка, богословам, старцам, ученым, великим и знатным; чтобы начальники орд, отцы семейств и земледельцы были ограждены от насилий.

Подданные находились между страхом и надеждой, а виновные наказывались сообразно их проступкам.

Я отдал приказ, чтобы сеиды, доктора, старцы, ученые, дервиши и все монахи, которые избирали для своего жительства мои владения, получали пенсии и жалованье; чтобы бедные или люди, не имеющие средств к существованию, получали пропитание и, наконец, чтобы профессора и начальники коллегий получали определенное содержание. Я жертвовал суммы на содержание гробниц и рак для мощей святых и духовных глав. Их снабжали коврами, освещением и съестными припасами (для хранителей и пилигримов). Я предназначил подземельные участки Бакхав и Джилех на содержание первой из гробниц, гробницы главы правоверных, избранного из людей, Али, сына Абуталеба (да исполнит Господь его славы). Я назначил деревни и окрестности Кербалы, Багдада и других округов для гробницы имама Хоссейна (да почует он в мире), гробницы досточтимого Абдул Кадера, образца святости, наконец, для могилы имама Абу Ханифы (да благословит его Бог) и для могил других святых и знаменитых светил веры, покоящихся в Багдаде; пожертвованные суммы распределялись пропорционально заслугам святого.

Земли Жазаир и доходы с других городов были посвящены на содержание гробниц: имама Муса-Касима, имама Магомет-Наки и Солимана-Фарси.

Земли Кутех-Баст и окрестности Туса служили для содержания гробницы имама Али, сына Мусы. Я предложил, чтобы они были снабжаемы коврами, освещением и ежедневным количеством съестных припасов. Я сделал подобные пожертвования и на гробницы каждого святого в Иране и Туране. Я повелел собирать нищих во всякой вновь покоренной стране и выдавать им каждодневно порцию пищи; их отмечали особыми знаками, чтобы отнять у

них возможность продолжать нищенствовать. Если кто-либо из этих отмеченных (пансионеров) принимался за прежнее ремесло, его продавали в дальние страны или изгоняли, чтобы искоренить нищенство в моих владениях.

**Постановление для сбора доходов и контрибуций с народа;
порядок и благоустройство государства;
культура и народонаселение;
безопасность и полиция в провинциях**

При сборе податей нужно остерегаться обременять народ податями или опустошать провинции, потому что разорение народа ведет за собой обеднение государственной казны, а несостоятельность казны имеет следствием рассеяние военных сил, что в свою очередь ведет к ослаблению власти.

Когда я завоевывал какую-нибудь область или она сдавалась мне на капитуляцию, что избавляло ее от губительных последствий войны, то приказывал собрать сведения о доходах и производительности этой области.

Если народ желал оставить прежний порядок управления, то согласовывались с его желанием, в противном же случае подати собирались по установленным мною правилам. Подати определялись производительностью земель и, соответственно, установленными оценками. Например, если земледелец имел земли, орошаемые постоянными арыками, водопроводами или потоками, лишь бы только эти воды текли непрерывно, то доход с этих земель делился на три части, причем $\frac{2}{3}$ оставались владельцу, а $\frac{1}{3}$ взималась сборщиком.

Если подданный желал платить деньгами, то часть сбора оценивалась по текущим ценам, а солдаты получали жалованье сообразно со стоимостью съестных припасов. Если же и подобное распределение не нравилось подданным, то взимались произведения с трех десятин отдельно. С первой собиралось 3 меры, со второй - 2 меры, а с третьей - 1 мера. Половина засеивалась хлебом, а другая - ячменем, и взималась половина всего урожая.

Если подданный отказывался платить натурой, то оценили меру хлеба в пять

серебряных мискалей, а меру ячменя - в 2,5 мискаля. На него налагалась обязанность. Но сверх этого с народа не позволялось ничего требовать под каким бы то ни было предлогом. Что касается прочих произведений почвы в течение осени, весны, зимы и лета и местностей, которые орошались только дождем, то они делились на две части, с которых взималась треть или четверть. Налоги на траву, фрукты и другие сельские продукты так же, как на хозяйственные принадлежности, резервуары, пастбища и другие ценные земельные угодья, оставались без изменения; если же подданный был не доволен, то избирался другой порядок.

Строго воспрещалось брать подати раньше уборки хлеба, и уплата производилась в три определенных срока. Если подданные платили охотно, то дело обходилось без сборщика; если же в таковом являлась надобность, то он должен был действовать словом и влиянием для сбора государственной подати, но никогда не должен был прибегать к палке, веревкам, кнуту или цепям; вообще он не имел права прибегать к жестоким мерам против личности должника.

Земледелец, который разработал и оросил невозделанную землю, сделал на ней насаждения или сделал годными для посева заброшенные земли, освобождался от податей первый год; второй год он мог внести столько, сколько ему заблагорассудится; в третий же год он подчинялся общему постановлению о налогах. Если богатый землевладелец или человек могущественный притеснял бедного или причинял ему какой-нибудь убыток, то притеснитель отвечал за это своим имуществом, вознаграждая угнетенного. Что касалось земель заброшенных и никому не принадлежащих, то я предложил серьезно заботиться о том, чтобы их возделывали. Если же земля оставалась без обработки по причине бедности ее владельца, то ему давались необходимые земледельческие орудия. Я приказывал расчищать засоренные арыки, исправлять и строить мосты на реках и воздвигать караван-сарай на расстоянии одного дня пути. При караван-сараях находились смотрители и дорожная стража. Они заботились о безопасности путешественников и

отвечали за произведенные у них кражи. В каждом городе я приказал построить мечеть, общественную школу, богадельню для бедных и убогих и больницу, при которой находился врач. Я требовал, чтобы в городах строились также здания городской думы и судебной палаты; я учредил особую стражу для народа за засеянными полями и за безопасностью граждан.

В каждую область я назначил трех министров. Первый был для народа. Он вел точный и верный счет податям, уплачиваемым подданными, донося мне о сумме их с объяснением, по какому праву и под каким наименованием они были взимаемы. Второй был для солдат. Он вел счет сумм, им уплаченных, и тех, которые им еще следовало получить. Третий наблюдал за собственностью отсутствующих и странствующих, над полями, покинутыми на волю ветра. С согласия судьбы и представителя духовной власти в руки этого визиря переходили имения сумасшедших, неизвестных наследников и преступников, лишенных прав законом. Имущества умерших переходили к законным наследникам; если же законных не оказывалось, эти имущества обращались на богоугодные заведения или же отсылались в Мекку.

**Постановления относительно ведения войны,
производства атак и отступлений, порядка в битвах и при поражении
войск**

Если численность неприятельской армии не превышает 12000 всадников, то войну может вести главнокомандующий с 12 000 воинов, набранных из орд и племен, с соответственным числом минбашей, узбашей и унбашей.

Приблизившись к неприятелю на расстояние одного дня, он должен мне дать о себе известие.

Я приказал разделить эти 12 000 всадников на 9 дивизий следующим образом: главный отряд - одна дивизия. Правое крыло - три дивизии. Левое крыло - три

дивизии. Авангард - одна дивизия и его прикрытие - другая дивизия. Правое крыло должно состоять из авангарда и правой и левой дивизий. Левое крыло точно так же имеет свой авангард и свои две дивизии.

При выборе места для битвы предводитель должен иметь в виду четыре условия:

- 1) Близость воды.
- 2) Удобство размещения всего войска.
- 3) Выгоду положения, при котором можно было бы иметь в виду всё неприятельское войско. Особенно надобно избегать, чтобы солнце не светило прямо в лицо, и чтобы оно не ослепляло солдат.
- 4) Поле битвы должно быть обширно и ровно.

Накануне битвы предводитель должен построить свои ряды по намеченному плану; раз построенное в боевой порядок войско должно продвигаться вперед, не поворачивая лошадей ни в какую сторону и не уклоняясь ни вправо, ни влево. Как только воины завидят неприятеля, они должны издать боевой клик: "Велик Бог!"

Если главный инспектор армии заметит, что предводитель войск не исполняет своих обязанностей, он может заменить его другим, сообщив офицерам и солдатам данное ему мною полномочие.

Предводитель совместно с главным инспектором армии должен осведомиться о численности неприятеля, сравнить его оружие с вооружением своих солдат и его офицеров со своими, чтобы сообразить, в чем его силы слабее неприятельских, и пополнить недостатки. Внимательно следя за всеми движениями своих отрядов, он наблюдает, подвигаются ли они медленно и стройно или бегут в беспорядке. Он должен хорошо различать действия противников, нападают ли они всеми своими силами или же производят атаки отдельными отрядами. Главное искусство состоит в том, чтобы уловить момент, когда неприятель готовится к нападению или к отступлению, затевает ли он новый план атаки или же придерживается прежнего. В этом последнем случае солдаты должны выдержать стойко натиск, потому что

храбрость есть не что иное, как терпение в момент опасности. Пока неприятель не начнет дела, не следует выступать ему навстречу, но лишь только он сделает шаг вперед, нужно направить соответственно движение всех своих девяти дивизий. В чем же заключается обязанность главнокомандующего? Руководить движениями своих отрядов и не теряться во время опасности. Он должен быть решителен в своих действиях, на каждую дивизию он должен смотреть, как на особый род оружия, как-то: стрелу, топор, палицу, кинжал, шпагу или саблю, которые он употребляет в действие, смотря по надобности. Начальник должен смотреть на себя так же, как и на свои девять эскадронов, как на атлета, который сражался всеми частями своего тела: ногой, рукой, головой, грудью и другими членами. Можно надеяться, что неприятель, подавленный этими последовательными натисками, будет наконец побежден. Предводитель начнет тем, что двинет вперед главный авангард, поддерживаемый авангардом правого крыла, а затем и авангардом левого крыла, для произведения трех натисков. Если выдвинутые войска будут поколеблены, то следует послать для подкрепления первую дивизию правого крыла, после нее вторую дивизию левого крыла. Если победа еще не верна, то следует отправить вторую дивизию правого крыла вместе с первой дивизией левого крыла и донести мне о ходе дела. Дождавшись прибытия моего знамени и возлагая все надежды на помощь Всевышнего, главнокомандующий сам вступит в схватку, считая себя самого как бы участвующим в деле; не подлежит сомнению, что с Божьей помощью девятая атака обратит в бегство неприятелей и доставит ему победу. Чрезвычайно важно, чтобы начальник не поддавался увлечению, чтобы он управлял всеми движениями своих войск; когда он вынужден лично принять участие в деле, то пусть делает это, не слишком рискуя собою, так как смерть начальника производит самое гибельное впечатление: она воодушевляет храбрость врагов.

Итак, он должен вести свои действия с ловкостью и благоразумием, не позволяя себя увлекать опрометчивости, потому что безрассудная смелость -

дочь бесов; он не должен ставить себя в такое положение, из которого нет выхода.

Порядок битвы для моих победоносных армий

Если неприятельская армия превышает двенадцать тысяч человек, не достигая, однако, сорока тысяч, то командование может быть поручено одному из моих благополучных сыновей с назначением под его начальство двух главных и нескольких простых офицеров с отрядами в сто человек, в 10 тысяч человек и ордами, так чтобы численность всей армии простиралась до 40 тысяч. Мои непобедимые войска должны постоянно думать о том, что я лично присутствую, чтобы не уклоняться от правил благоразумия и храбрости. Я приказал, чтобы, когда мою кибитку, как счастливое предзнаменование, отправят вперед, то ее эскортировали 12 отрядов, предводительствуемых начальниками племен; они должны правильно маневрировать, не упуская из виду 12 правил, которые я предписал для установления порядка битвы, для разрыва передовых линий и, наконец, для атак и отступлений. Хороший предводитель, узнав о числе неприятельских начальников, должен им противопоставить своих; он тщательно наблюдает за тем, какого рода оружия воинов нужно поставить во главе: будут ли то лучники, копьевщики или люди, вооруженные шпагами. Внимательный к движениям своих противников, он должен сообразить заблаговременно, начинают ли они битву медленно, посылая в дело отряд за отрядом, или же с яростью бросаются в бой (всей массой); он должен наблюдать за всеми путями, ведущими к полю битвы, как для атаки, так и для отступления, а также проникнуть и уяснить себе план действий неприятеля.

Может случиться, что, выказывая притворную слабость, враги обратятся в бегство, но не следует поддаваться этой хитрости. Генерал, глубоко изучивший военное дело, понимает весь механизм битвы: он знает, какой корпус нужно послать в дело. Его благоразумие помогает всему. Он не затрудняется дать сражение. Он предугадывает планы своих противников,

открывает цель всех их движений и пускает в ход все средства, чтобы расстроить их замыслы.

Из 40 тысяч всадников предводитель должен сформировать 14 дивизий следующим образом: он выстроит свою линию и назовет ее центром. Три дивизии составят арьергард (или корпус) правого крыла. Одна из этих трех дивизий получит название передовой (этого арьергарда). Из трех дивизий, составляющих левое крыло, одна будет служить ему передовою.

Точно так же три других дивизии будут помещены впереди арьергарда правого крыла; они составят его фронт. Один из этих трех отрядов послужит авангардом фронта правого крыла. Левое крыло будет состоять из такого же числа дивизий, и они будут составлять его фронт. Одна дивизия будет служить авангардом фронта левого крыла, подобно предыдущему. Затем он выстроит главный авангард пред центром армии. В составе авангарда будут: стрелки из луков, солдаты, вооруженные шпагами, копьевщики, храбрые и опытные воины, которые будут сражаться, издавая громкие крики, чтобы произвести беспорядок в неприятельском авангарде. От главнокомандующего не должно ускользнуть ни одно движение противной стороны, и тот самоуверенный офицер, который двинется вперед, не имея на то приказания, должен подвергнуться наказанию.

Всегда внимательно следя за маршами и контрмаршами своих противников, начальник армии пусть остерегается рисковать вступлением в битву, прежде чем не получит к тому прямого вызова со стороны неприятеля. Но раз противники открыли наступление, то он, как генерал осторожный, должен исследовать их маневры, как они начинают битву и как отступают, а затем уже сообразить средства напасть и отразить их, будут ли они продолжать атаку или же, согласуясь с требованиями обстоятельств, начнут отступать, чтобы снова напасть, когда наступит удобное к тому время.

Должно также остерегаться преследовать армию, которая без видимой необходимости обращается в бегство, потому что она может иметь сзади сильные подкрепления.

На обязанности главнокомандующего лежит - следить за неприятелем, направляет ли он все свои силы или действует только правым и левым крылом. В таком случае он должен сначала противопоставить ему свой авангард, затем двинуть авангарды правого и левого крыла для подкрепления главного авангарда. После этого выступают 1-й эскадрон правого крыла и 2-й эскадрон левого крыла, за которыми последуют второй отряд правого крыла и первый - левого.

Если после семи атак не выяснится, на чьей стороне победа, то следует отправить передовые отряды арьергардов правого и левого крыла, чтобы произвести девять нападений. Если и после этого не последует победы, тогда можно пустить в ход 1-й эскадрон арьергарда правого крыла и 2-й эскадрон арьергарда левого крыла. Если все эти усилия окажутся бесполезными, то следует отправить последние оставшиеся эскадроны обоих крыл. Может быть, успех тогда определится.

Если эти тринадцать приступов не решат победы, то главнокомандующий не должен колебаться двинуть свой центр; пусть горой вырастет в глазах неприятеля и обрушится на него тяжело и мерно. Пусть главнокомандующий прикажет своим храбрецам обнажить шпаги, а стрелкам - пусть град стрел; наконец, если и после этого победа не выяснится, то командующий должен сам броситься в бой, не колеблясь и не теряя никогда из виду моего знамени.

Если неприятельская армия превышает 40 тысяч человек, то я приказывал генералам, офицерам, минбашам, узбашам, унбашам, избранным воинам и простым солдатам стать под мое победоносное знамя.

Начальникам эскадронов я предлагал исполнять мои приказания с самой строгой точностью. Начальник или простой офицер, дерзнувший уклониться или нарушить мои приказания, подвергался растрелу, а его наместник или лейтенант замещал виновного. Из 40 рот сформированных орд, отрядов в 100 и 10000 человек я выбирал 12 рот, которым я давал отличительный знак; они делились на 40 взводов.

Офицеры 28 рот, не имеющих отличительного знака, шли позади центра; мои сыновья и внуки располагались со своими войсками направо; родственники и союзники помещались налево. Это были резервные отряды, которые подавали помощь повсюду, где оказывалась необходимость. Шесть эскадронов составляли арьергард правого крыла, а еще один служил им передовым отрядом.

Арьергард левого крыла был сформирован по тому же образцу; он имел также свой передовой отряд. Я поставил 6 эскадронов впереди арьергарда правого крыла, и они составляли фронт правого крыла. Еще один эскадрон, поставленный впереди, служил авангардом этому фронту.

Тот же порядок существовал и для левого крыла, которое также имело свой авангард. Впереди обоих крыл помещались шесть эскадронов, сформированных из опытных офицеров и воинов испытанной храбрости, и это был мой главный авангард, который имел передовым отрядом выдвинутый вперед эскадрон. Два офицера легкой кавалерии и один тяжелой из друзей, распределенные направо и налево передового отряда авангарда служили мне лазутчиками неприятельской армии. Командующим 40 эскадронами отдавалось строжайшее запрещение вступать в бой раньше очереди или не получив приказаний; они должны были только быть всегда наготове к выступлению. Как только они получали такое приказание, то выступали, постоянно наблюдая за движениями неприятеля. Если этот последний (то есть неприятель) находил доступ к сражению, то их (командующих 40 эскадронами) делом было его (путь) ему (неприятелю) закрыть и открыть своею ловкостью тот (доступ, путь), который он (неприятель) хотел им заградить. Как только авангард вступал в схватку, начальник авангарда двигал последовательно свои 6 эскадронов, чтобы смешать неприятельские ряды; командующий первым крылом отряжал в атаку свои 6 эскадронов на помощь первым и сам лично вступал в дело. Начальник авангарда левого крыла должен сделать то же самое, чтобы поддержать сражающихся; он должен выступить

во главе своего отряда, и, может быть, с помощью Всевышнего, выдержав эти 18 атак, ослабевший неприятель обратится в бегство.

Если же он продолжает выказывать стойкость, то начальникам запасных отрядов правого и левого крыла следует выдвинуть свои авангарды. Эти отряды, ринувшись на противников, могут их смять и уничтожить. Если наши надежды всё еще окажутся тщетными, то начальникам арьергарда обоих крыл останется только двинуть последовательно свои эскадроны и самим лично во главе их врезаться в неприятельские ряды (пройти сквозь живот неприятелей). Если все эти офицеры ослабнут и дрогнут, то настала минута, когда князья-мирзы, командующие резервным корпусом правого крыла, и родственники императора, стоящие во главе такого же корпуса левого крыла, должны ринуться на врагов.

Всё их внимание должно быть обращено на командующего неприятельской армией и на его знамя; пусть они неустрашимо атакуют вражеские ряды. Главная задача их заключается в том, чтобы захватить этого командира и опрокинуть его знамя. Когда после всех этих усилий враг будет еще держаться, тогда наступает очередь отборного войска центра и храбрецов, выстроенных позади него; они должны устремиться все вместе, чтобы произвести общую атаку (дать генеральное сражение). После всех этих попыток император не должен колебаться броситься с храбростью и твердостью в самый пыл сражения.

Так я поступил в сражении с Баязетом. Я приказал Мирзе Миран-шаху, который командовал правым крылом, стремительно напасть на левое крыло войск турецкого султана, Мирзе Султану Махмуд-хану и Эмиру Солиману, которые вели левое крыло моих войск, атаковать неприятельское правое крыло. Мирза Абубекер, под начальством которого находился резерв правого крыла, получил приказание атаковать главный корпус Илдрим Баязета, расположенный на возвышенности. Сам же я стал во главе своего боевого корпуса и своих избранных воинов и с воинами племен пошел прямо на Киссара. Его войска были опрокинуты с первого натиска. Султан Махмуд-хан

бросился преследовать побежденного и, взяв его в плен, привел в мою палатку. Придерживаясь тех же принципов, я одержал победу над Тохтамыш-ханом и приказал низвергнуть знамя этого князя.

Если неприятель, отличаясь доблестью, обратит в бегство авангарды правого и левого крыла, а также арьергарды обоих этих крыл, если он пробьется к главному корпусу, то Султану ничего больше не остается при всей своей отваге, как вложить ногу храбрости в стремя терпения, чтобы отразить и уничтожить неприятеля. В сражении против Шах-Мансура, губернатора Дели, когда этот принц пробился до меня, то я лично сражался с ним, пока не поверг его в прах.

Планы и предприятия

Таковы были планы и порядок образа действий, которым я следовал с целью завоевать царства и покорить вселенную, побеждать армии, захватывать врасплох своих противников, склонять на свою сторону тех, которые противились моим намерениям, словом - для того, чтобы руководствоваться в своем поведении по отношению к друзьям и врагам. Мой доверенный советник написал мне следующие слова: "В управлении своим государством Абул-Мансор-Тимур должен привести в действие четыре существенные средства: обдуманый расчет, разумную решительность, выдержанную стойкость и осторожную осмотрительность. Государь, не имеющий ни плана, ни рассудительности, похож на безумца, все слова и действия которого суть только заблуждение и беспорядочность и порождают лишь стыд и угрызение совести. Для тебя же будет гораздо лучше вести все дела твоего управления с осторожностью и мудрой обдуманностью, чтобы избежать в будущем раскаяния и бесплодных сожалений.

Знай, что искусство управлять состоит частью в терпеливости и твердости, частью в притворной небрежности и в искусстве казаться не знающим того, что знаешь.

Никакое предприятие не трудно для того, кто обладает даром соединять с мудростью планов терпение, твердость, стойкую энергию, осмотрительность и мужество. Прощай". Это письмо было, так сказать, руководителем моих поступков: оно убедило меня в том, что совет, благоразумие, обдуманность вдесятеро полезнее в политике, чем сила оружия. Ибо, как говорят, благоразумие может завоевывать царства и побеждать армии, не поддающиеся мечу воинов. Что касается меня, я убежден, что испытанный воин, соединяющий все эти качества, гораздо предпочтительнее тысячи солдат, обладающих только силою, ибо он может руководить тысячей тысяч таких воинов. Опыт показал мне еще, что победа и поражение нисколько не зависят от численности сражающихся, но от помощи Всемогущего и от благоразумия наших мер. Я сам - пример этому.

Я шел во главе двухсот сорока трех человек к укреплению Карши, предварительно хорошо обдумав план своих действий. Двенадцать тысяч всадников, предводительствуемых Эмиром Мусой и Малек-Бегадером, частью составляли гарнизон этой крепости, частью же защищали ее окрестности; но с Божьей помощью и при посредстве разумных мер я овладел укреплением.

Тогда Эмир Муса и Малек-Бегадер выступили со своими 12 000 всадников и стали осаждать меня; но полный веры во имя Всевышнего, я вышел против них с проворством и осторожностью. Несколькими нападениями, сделанными успешно и вовремя, мои 243 воина разбили 12 тысяч всадников и преследовали их на протяжении нескольких миль.

Опытность научила меня и тому, что хотя течение событий и скрыто покровом рока, однако мудрый и разумный человек не должен пренебрегать планами, предусмотрительностью и дальновидностью. Вот почему, сообразуясь с досточтимыми словами пророка, я никогда не приступал к исполнению ни одного предприятия, зрело его наперед не обдумав.

Когда мои советники собирались, я обсуждал с ними хорошие и дурные стороны удачного и неудачного исхода предприятия, которое я был волен исполнить или оставить. Выслушав их мнение, я обсуждал его со всех сторон:

я сопоставлял пользу с вредом; внимательным оком я окидывал все его опасности; план, представлявший при исполнении двоякую опасность, был отвергаем для того, чтобы избрать тот, в котором я предусматривал только одну.

Руководимый таким именно взглядом, я подал совет Тоглук-Тимуру, хану Джагатаю

Его эмиры подняли знамя возмущения в Джиттехе; он просил у меня совета, и я отвечал ему: "Если ты пошлешь армию, чтобы прогнать и истребить возмущившихся, то две опасности тебе угрожают: но только одна будет предстоять тебе, если ты будешь предводительствовать ею лично". Он мне поверил, и случившееся подтвердило мое предсказание.

Я не затевал ни одного предприятия, предварительно не посоветовавшись, а приводя его в исполнение, я ничего не предоставлял случаю; прежде чем начать действие, я обдумывал, какой оно могло иметь исход, и, употребляя попеременно ловкость, благоразумие, твердость, бдительность и предусмотрительность, я приводил к верному успеху.

Опытность доказала мне, что хорошие планы способны создавать только те люди, чьи действия не противоречат их словам, которые, раз приняв решение, не оставляют его по какой бы то ни было причине и не стараются никогда возвращаться к плану, раньше ими отвергнутому.

Я различал два вида совета: один - исходящий из уст, другой - из глубины сердца. Я благосклонно внимал говору уст, но только то, что я слышал исходящим из сердца, оставлял в ушах моего сердца (для того, чтобы воспользоваться этим).

Когда дело шло об отправлении армии в поход, я обдумывал, выбрать ли войну или мир. Я выпрашивал моих эмиров; если они предлагали мир, я сравнивал его приятности с трудами войны; если, напротив, они склонялись к войне, я проводил параллель между ее пользою и невыгодами мира. В конце концов я избирал всегда исход наиболее выгодный.

Я отвергал всякое решение, способное разделить армию. Я позволял говорить советнику, робко произносившему свою речь, но я внимательно прислушивался к словам человека, который выражался рассудительно и твердо.

Я принимал все советы, но во всяком мнении заботливо различал хорошие и дурные стороны и останавливался только на разумном и полезном.

Когда Тоглук-Тимур, потомок Чингисхана, перешел реку из Ходжента, намереваясь завоевать Трансоксианию, и потребовал, чтобы мы, я и эмир Ходжи-Бурляс и Баязет Джелангир, пришли и соединились с ним, то эти последние спросили у меня совета, говоря: "Нужно ли нам укрыться в Хорасане с нашими семействами и ордой или же идти и присоединиться к Тоглук-Тимур-хану?" Я отвечал им: "Вам предстоят две выгоды и одна опасность, если вы отправитесь к Тоглук-Тимуру; но если вы убежите в Хорасан, то встретите две опасности против одной выгоды".

Они отвергли мой совет и направили свой путь к Хорасану. Я же, имея на выбор - идти в эту страну или же повиноваться приказанию Тоглук-Тимура, колебался между этими двумя исходами.

В этой нерешимости я прибегнул к мудрости моего доверенного советника, и вот его ответ: "Следующий вопрос был предложен однажды четвертому халифу Али (преисполни его Бог славой и милостью!): если бы твердь небесная была луком, тетивой которого была бы земля, если бы козны были стрелами, имеющими целью детей Адама, а сам Бог, Величайший и Высочайший, был стрелком, то где несчастные смертные могли бы найти убежище? Именно возле самого Бога люди должны были бы укрыться, отвечал халиф. Так и тебе нужно сейчас же идти и отыскать Тоглук-Тимура и заставить его выронить из рук лук и стрелы".

Получение этого письма укрепило мое сердце; я отправился в путь и явился к хану. Но во всех делах, требовавших обсуждения, я извлекал из Корана предзнаменование, руководившее моим поведением. Прежде чем подчиниться приказаниям Тоглук-Тимура, я открыл священную книгу, и мне выпала глава

об Иосифе (да будет Бог милостив к нему!). Я поступил тогда согласно с указанием Корана.

Первый план

Вот первый план, внушенный мне свиданием, которое я имел с Тоглук-Тимуром. Я хорошо знал, что этот хан послал три армии, предводимые Бикчеком, Ходжи-Бекон из племени Арканат и Олугток-Тимуром из племени Карит, с другими эмирами Джетта, разорить царство Трансоксании. Эти предводители расположились лагерем близ Хизара; я решил пойти к ним и предложить им суммы, достаточные для того, чтобы прельстить их и отсрочить разорение и опустошение этого царства до моего прихода к Тоглук-Тимуру.

Мое могущество ослепило эмиров; они приняли меня с уважением и почтением; их сердца смирились, их глаза были ослеплены, и когда великолепие моих подарков довершило их подкуп, они перестали опустошать царство.

Тогда я не замедлил явиться перед ханом, который принял приход мой за счастливое предзнаменование: он часто советовался со мной и всегда следовал моим советам.

Между тем ему донесли, что эмиры трех армий вынуждают с жителей Трансоксании вещественные подарки и денежные суммы; он принуждает их возвратить эти суммы и назначает особых сборщиков для наблюдения за таким возвратом. В то же время он воспрещает этим начальникам вход в Трансоксанию и лишает их предводительства, возлагая таковое на Ходжи-Берляса, Махмуд-шаха из племени Елур.

Уведомленные об этом распоряжении, эмиры удаляются и поднимают знамя восстания; в то же время они встречают Оглан-Ходжу, начальника дивана и первого советника хана; привлекая его на свою сторону, они вместе направляются к Джиттеху.

В то же время Тоглук-Тимур узнал, что его эмиры сделали нападение на деревню Капчак.

По моему совету возмущенный государь направил свой путь к государству Джиттеха. Он вручил мне управление Трансоксанией с полномочиями и необходимыми доверительными письмами; он присоединил к этому еще десятитысячный корпус, которым начальствовал в этом царстве эмир Карочар-Кувиан; таким образом вся эта страна до вод Джихуна (Оксус) стала мне подвластною.

Таково было намерение, которое я принял и исполнил еще в самом начале моего возвышения; и опыт убедил меня, что хорошо обдуманый план несравненно действительнее сотысячного отряда воинов.

Второй план

Вот второй план, составившийся у меня в начале моих успехов.

Когда Тоглук-Тимур, вопреки своим обязательствам, снова привел армию в Трапсоксанию, он отнял у меня управление этим царством, чтобы отдать его в руки своего сына Элиас-Ходжи, а меня поставил главнокомандующим и советником молодого князя, указывая мне на договор, состоявшийся между Каджули и Кабул-ханом, его и моими предками. Из уважения к этому договору я принял начальствование армией.

Когда воины Узбек-хана начали совершать в Трансоксании величайшие жестокости и невыносимые притеснения (ибо уже семьдесят (Сеидов или сыновей Сеидов были брошены в оковы). Элиас-Ходжа, потерявший всякую власть, не был в состоянии прогнать этих разбойников и остановить их неистовства. Что касается до меня, то я, стремясь приобрести доверие, стремительно ринулся на армию Узбек-хана и освободил притесняемых из рук притеснителей. Эта экспедиция была причиной возмущения военачальников Элиас-Ходжи и самих воинов Узбек -хана. Тоглук-Тимуру написали, что я поднял знамя восстания; хан, будучи слишком доверчив, послал приказание умертвить меня, но это последнее попало в мои руки. Видя всю громадность опасности, я собрал вокруг себя храбрую молодежь из племени Берляс, которую я привлек на свою сторону. Первым, принесшим мне клятву повиноваться, был Ику-Тимур, вторым эмир Джаку-Берляс. Затем и другие

храбрецы, побуждаемые движением своего сердца, добровольно стали под моим знаменем. Когда жители Трансоксании узнали, что я решил напасть на армию Узбек-хана, вельможи и народ не замедлили покинуть их ряды и присоединиться ко мне. Ученые и высшее духовенство издали постановление, утверждавшее изгнание и ниспровержение армии Узбек-хана.

Многие начальники орд и племен присоединились еще ко мне в этом предприятии. Это постановление и это воззвание, данные письменно, были выражены в следующих словах: "Следуя поведению и примеру законных халифов (будь Бог милостив к ним!), воины, и народ, и духовенство из уважения к великим достоинствам Тимура, полярной звезды могущества, возвели этого эмира на царство. Они обещают не щадить своего состояния и своей жизни на то, чтобы истребить, изгнать, победить и уничтожить партию Узбек-хана, этих ненавистных притеснителей, которые простерли свои жадные руки не только на движимость, на имущества и владения, но даже на честь и законы мусульман. Мы клянемся соблюдать условия этого договора. Если когда-нибудь мы нарушим эту клятву, то пусть мы потеряем покровительство Бога и подпадем из-под его власти во власть Сатаны!" При виде этого постановления я возгорел желанием начать войну и сечу и двинуть войска на Узбек-хана, чтобы несчастные отомстили своим тиранам; но изменники, узнав о моей тайне, разоблачили ее.

Я заметил, что если бы сам я остался в Самарканде, начав войну с Узбек-ханом, то жители Трансоксании могли бы нарушить свое слово. Итак, я решился оставить город и ждать в горах, пока союзники присоединятся ко мне, чтобы с значительными силами выступить на врага.

Уезжая из Самарканда, я имел не более шестидесяти всадников в своей свите, и я убедился тогда, как благоразумно я поступил. Целая неделя уже протекла, а никто еще не являлся. Я решился идти к Бадахшану, чтобы заключить союз с князьями этого города. По пути я приветствовал благочестивого пустынника Эмира Колала, который благоволил лично предписать мне образ действий, коему я должен был следовать; он рекомендовал мне обратить особое

внимание на Хорасмию, а я обещал годичный ему доход с Самарканда, если мне посчастливится победить Узбек-хана. Этот почтенный человек произнес молитву о победе и отпустил меня.

Когда я оставлял Эмира Колала, всё мое прикрытие состояло еще только из шестидесяти всадников. Извещенный о моем прибытии в Хорасмию Элиас-Ходжа, государь Трансоксании, предписал Текель-Бегадеру, правителю Киуку, напасть на меня и уничтожить.

Текель выступил в поход с тысячей всадников. Я имел тогда на своей стороне Эмира Хусейна, который, встретив меня на пути, присоединился ко мне. Я осмелился со своим маленьким отрядом стать против врага. Дело началось, и я сражался так храбро и с такою яростью, что из 1000 всадников Текеля уцелело только 50, а из своих 60 я сохранил только 10, но счастье было на моей стороне. Узнав о моих успехах, Элиас-Ходжа и эмиры Джаттеха говорили про себя: "Тимур удивительный человек; Всемогущий Бог и счастье на его стороне". Эта победа была для меня счастливым предзнаменованием, и армия Узбек-хана затрепетала при виде моих успехов.

Третий план

В плачевных обстоятельствах, когда, по-видимому, мое счастье было расшатано до основания, когда около меня оставалось только десять воинов (7 всадников и 3 пехотинца), не отказавшихся разделить мои несчастья, я не падал духом. Я посадил с собой на лошадь свою жену, сестру эмира Хусейна, и мы, поблуждав по пустыне Хоразми, однажды ночью остановились наконец возле колодца. Три вероломных хорасанца, воспользовавшись темнотою ночи, убежали с тремя из наших лошадей, и на семь человек, не покинувших меня, осталось только четыре лошади. Мое мужество возрастало с несчастьями; не давая заметить своей ошибки, я только старался поправить ее. Лишь только я снова отправился в путь, как Али-Бек-Чун-Гарбани, напав и захватив нас, бросил меня в темницу, полную гадов. Стража бдительно охраняла двери этой отвратительной тюрьмы, в которой я пробыл 62 дня. Обдумав средства к побегу, я с помощью Всемогущего, одушевленный храбростью отчаяния,

вырываю меч у одного из стражей, бросаюсь на них, и эти телохранители бегут, покинув свой пост. Тотчас же я отправляюсь к Али-Беку; он, пристыженный своим бесчестным поступком по отношению ко мне, смущается и просит у меня извинения. Он мне возвращает моих лошадей и оружие и присоединяет к ним чахлую клячу и никуда не годного верблюда, прося меня принять их. Его брат Мухаммед-Бек прислал мне несколько подарков. Али-Бек, в котором эти подарки возбудили алчность, взял часть их себе и отпустил меня. Я углубился в пустыню, сопровождаемый 12 всадниками. На второй день пути мы встретили жилище и остановились там на отдых. Лишь только я укрылся в одном из домов, как толпа туркоманов с криком осадила его. Моей первой заботой было спасти жену. Я запер ее в доме, и сам отталкивал эту толпу. Вдруг один туркоман узнал меня и закричал: "Это Тимур". Тотчас же он остановил сражавшихся и бросился к моим ногам: я принял его с радостью и возложил ему на голову свою чалму; и с этого момента он и его братья навсегда остались беззаветно мне преданными.

Четвертый план

составленный в первое время моих успехов. Когда я увидел себя по главе 60 всадников, я стал опасаться, чтобы мое пребывание в этом округе не подвергло меня вероломству народа, и чтобы кто-нибудь не уведомил Узбек-хана о положении моих дел. Я думал, что будет более безопасно уйти оттуда и стать лагерем в пустыне, вдали от всякого жилья, в ожидании, пока успело собраться войско, которое служит основанием могущества.

Оставив эту страну, я отправился к Хорасану и на пути встретил Мобарек-шаха, правителя Мокхана. Он присоединился ко мне с сотней всадников и дал мне много отличных лошадей. Кроме того, ко мне прибывали потомки Пророка и другие туземцы. Наконец я собрал в этой пустыне отряд из 200 человек, кик всадников, так и пехотинцев. В это время Сеид Гассан, Мобарек-шах и Сеид Зияэддин сделали мне следующее предложение: "Остаться в этой стране значило бы дожидаться того, как наш маленький отряд станет

разбегаться. Завладеем какой-нибудь областью и утвердим там свое местопребывание".

Подумав обстоятельно над этим, я отвечал: "Вот мой план: двинуться к Самарканду; вас я размещу по соседним с Бухарой городам, а сам, объезжая окрестности Самарканда, войду в сношение с народом разных племен и постараюсь расположить их к себе. Когда же соберу войско, то позову вас, и мы вместе произведем нападение на окрестности Джиттеха, на их правителя Элиас-Ходжу и покорим Трансоксанию". Мой ответ был единодушно одобрен, и по прочтении первой главы Корана для божественного покровительства, я занялся исполнением моего плана.

Я начал с того, что разместил моих 200 человек в окрестностях Бухары, где я укрыл свою жену, сестру эмира Хусейна, а сам затем отправился в Самарканд. Тему-Кучун, попавшийся мне на пути с 15 всадниками, пожелал присоединиться ко мне. Я сообщил ему свои планы и послал его к Мобарек-шаху. Вошедши в сношения с племенами, я привлек на свою сторону 2000 человек, готовых следовать за мной, как только я подниму в Самарканде знамя могущества.

Проникнув в этот город, благодаря темноте ночи, я укрылся у Котлуг-Турган-Ата, моей старшей сестры. Дни и ночи проводил я, обдумывая и размышляя. В течение 18 дней я оставался неузнанным, но один из жителей города, узнав о моем возвращении, задумал открыть меня.

Опасность была крайняя, и я ночью бежал с 50 всадниками. При выходе из Самарканда, я в сопровождении толпы пехотинцев направился в Хоразмин. Мы встретили по дороге табун лошадей, принадлежавший туркоманам; я захватил их, чтобы посадить на них своих воинов.

Прибыв в Аччигчи, я расположился лагерем по склону холма, возле реки Амуйэх. Здесь произошло свидание с моей семьей, Мобарек-шахом, Сеид-Гассаном и со всеми теми, кого я разместил в окрестностях Бухары. Тимур-Ходжа-Оглан и Берляс Джелаир, прибывшие со своими отрядами, также вступили к нам в союз. Увидев, что мой отряд возрос до тысячи всадников, я

подумал о средствах употребить его в дело, и повел к Бакшер-Земину и Кандагару, которые и подчинил своей власти.

Пятый план

На пути к Кандагару и Бакшер-Земину, мы стали лагерем на берегу Гирмена. Там я построил себе жилище и поселился в нем, чтобы дать время воинам отдохнуть. В то время как я находился на берегах этой реки, явились жители и воины области Кермессир. Около тысячи тюрков и туземцев также пришли с предложением своих услуг, и область Кермессир приняла мои законы. Между тем я решил вторгнуться в Систан. Узнав о моем замысле, правитель этой области прислал мне значительные подарки, прося моей помощи. "Я, говорил он, подавлен своими врагами. Они захватили мою страну и взяли уже семь крепостей. Если вы исторгнете из их рук, я выплачу вашим воинам шестимесячное жалованье".

Я понимал, насколько было бы выгодно для меня обратить свое внимание на Систан. Из 7 крепостей, бывших в области врагов, я возвратил уже 5. Когда ужас овладел душой правителя, то он заключил дружественный союз с собственными врагами; они пришли к следующему заключению: "Если эмир Тимур будет находиться в этой стране, то Систан перейдет из наших рук к нему". Собрав воинов и народ всей этой области, они напали на меня.

Нарушением своего слова этот правитель поставил меня в ужасное положение: однако я вышел навстречу и дал сражение. В деле одна стрела пронзила мне руку, другая ногу; в конце, однако победа осталась за мной.

Заметив, что климат этой страны вредно действует на мое здоровье, я отправился в Кермессир, где и пробыл 2 месяца, пока не излечился от ран.

Пожив в Кермессире и излечившись от ран, я составил проект поселиться в горах области Балха и снарядить армию для завоевания Трансоксании. Увлеченный этою мыслью, я слез с коня и отправился в сопровождении только сорока всадников, но зато все знатных детей старейшин и эмиров. Я возблагодарил Всемогущего за то, что несмотря на мои несчастья, лишенный денег и припасов, я, однако, имел в своем распоряжении таких храбрых

воинов. Я говорил себе тогда: "Всевышний покровительствует моему делу, если подчиняет мне людей, равных со мной по рождению".

Я достиг подошвы горы и встретил Садык-Берласа, искавшего меня. Он привел мне 15 всадников, и я принял его приход за счастливое предзнаменование.

Первые дни после нашего соединения были посвящены охоте, а затем мы продолжали путь. Я заметил на вершине одной горы отряд войска, который увеличивался с каждым мгновением. Я тотчас остановился и послал гонцов собрать верные известия. Они вмешались в толпу и, возвратившись, сказали мне: "Это Каранчи-Бегадер, старый слуга эмира (Тимура). Он оставил Джетскую армию с двумястами всадников и теперь ищет своего господина". Восхищенный этим событием, я простерся на земле, чтобы возблагодарить Всевышнего, и велел позвать этого верного слугу. Он тотчас же явился, бросился к моим ногам и целовал их; я благосклонно поднял его, возложил на его голову свою чалму, и мы пошли вместе с ним к долине Арзоф.

Прибыв туда, мы поставили пикеты; на следующий день я объехал долину верхом. На середине ее находилась возвышенность, на которой воздух был превосходный; я расположился на ней, а все воины раскинули свои палатки вокруг.

Следующая ночь была ночь молитвы, и я провел ее, не смежая век. На рассвете я начал читать молитву. Окончив ее, и с мольбой воздел руки к небу и умилился до слез, умоляя Всемогущего о помощи и избавлении меня от несчастий. Не успел я кончить еще своего воззвания, как заметил вдали отряд, проходивший мимо холма. Я сел на лошадь и приблизился достаточно близко, чтобы хорошо рассмотреть его. Это был отряд конницы из 70 человек. "Воины, спросил я, куда держите путь?" Они отвечали мне: "Мы слуги эмира Тимура. Мы ищем своего господина, но, увы! не можем найти его". "Я также слуга этого эмира, сказал я им. Я буду вашим проводником и сведу вас к нему". Один из них, пришпорив коня, поспешил уведомить об этом своих начальников. "Мы нашли, вскричал он, проводника, который предлагает привести нас к

эмиру Тимуру". Эти последние поворотили своих коней и приказали привести меня к себе. Отряд состоял из трех частей, первой начальствовал Тоглук-Хаджа-Берляс, второй Сейфэддин, третье Тубак-Бегадер. Увидев меня, эти начальники, пораженные, слезли с коней, упали на колени и целовали мое стремя. Я также сошел и простер над ними свои руки. Я возложил свою чалму на голову Хаджи, опоясал своим поясом, драгоценным по отделке и золоту, эмира Сейфэddина и накрыл халатом своим Тубак-Бегадера. Все мы были тронуты. Мы совершили в обычный час обычную молитву. Затем я сел на лошадь и поехал в свой лагерь, где я созвал общее собрание и устроил пир. На следующий день прибыл Шир-Бахрам, который оставил меня из прихоти, будучи не в состоянии противиться желанию пойти в Индостан. Я принял его извинения и обошелся с ним так ласково, что он перестал стесняться.

Шестой план

Моя армия, которой я сделал смотр, простиралась до 313 человек конницы, и я решил овладеть какой-нибудь крепостью, которая служила бы мне опорой и убежищем. Я решился овладеть крепостью Аладжу, где был начальником в то время Монгали-Сельдуз, из партии Элиас-Хаджи; мне нужно было сделать там склад багажа, съестных припасов и провианта.

Когда я приближался к этой крепости, Шир-Бехрам, который был связан старинной дружбой с комендантом, обещал мне привлечь его на свою сторону, если я позволю ему вступить с ним в переговоры. Однако вскоре по прибытии к стенам Аладжу, Бехрам известил меня через гонца, что Мангали-Бугха сделал ему следующие возражения: "Эта крепость, сказал он, доверена мне Элиас-Ходжой. Открыть ворота эмиру Тимуру значило бы разом изменить храбрости и верности". Он окончательно отказался сдать крепость.

Но судьбе было угодно, чтобы при тревожных слухах о моих силах и походе страх охватил его душу, так что он оставил свой пост и обратился в бегство. 300 воинов из Джауна, которые защищали крепость и раньше были мне совершенно преданы, опять поступили в мою службу. Когда я прибыл в долину Суф, то Алимс, грабивший окрестности Балха, узнав о моем приходе,

присоединился ко мне с двумястами всадников; любезный прием, оказанный ему мною, ободрил его.

Отсюда я послал Темуке-Бегадера и трех всадников на другую сторону реки Термези, чтобы навести справки об армии Джиттеха и разведать о его намерениях. Темуке, возвратившись через 4 дня, уведомил меня, что эта армия, заняв область Термеза, совершила там всевозможные грабежи и жестокости. Получив эти известия, я укрылся в ущелье Коз, выжидая удобного случая для нападения на врага. Приготовившись вступить в это ущелье, я расположился лагерем на равнине Илчи-Бугха на берегу Дэмгуна. Лишь только Элиас-Ходжа узнал об этом, как тотчас же направил против меня свои войска. Между тем я узнал, что пятеро эмиров, составлявших часть военных сил Джиттеха, отложились от начальников этой армии и удалились в старый Термез со своими отрядами.

Тулан-Бугха, уполномоченный ими, явился ко мне с предложением союза, говоря, что эти эмиры приведут ко мне 100 всадников, готовых служить под моими знаменами.

Я смотрел на их приход, как на счастливое предзнаменование. Эмиры советовали мне ночью напасть на армию Джетта. Я сел уже на лошадь, когда мне возвестили, что она приближается. Я тотчас же построил свои войска в боевой порядок, приготовившись хорошо встретить нападающих, от которых меня отделяла река.

Лучшее, что я мог тогда сделать, было начать с ними переговоры, чтобы утишить их ярость и привлечь их на свою сторону. Я обратился с речью к предводителю; он одобрил мои доводы, но прочие офицеры, не разделявшие его мнения, подали голос за сражение; это привело меня в негодование, и я построил свои войска.

VII. План поражения армии Джетта

Я сказал себе: нужно опасаться, чтобы многочисленные враги не сглазили моих воинов. Но в то же время во мне заговорило самолюбие. "Так как ты, кричало оно мне, вступил на путь к завоеванию могущества, то ты не имеешь

теперь другого средства, кроме оружия. Тебе остается только выбор между победой и смертью".

Когда я принимал это решение, то заметил, что враги, разделившись на три отряда, стремились начать сражение. Я тотчас же разделил свое войско на 7 частей, чтобы постепенно вводить их в атаку. Когда пламя разрушения свирепствовало во всей своей силе, я приказал передовому отряду пустить град стрел.

Я приказал воинам, составлявшим фронт моего правого и левого крыла, выдвинуться вперед, и сам поддерживал их, находясь во главе задних шеренг их обоих. При первой и второй атаке я снял отряд эмира Абу-Сеида, главнокомандующего Джетта. В то же время Гидер-Андакхуди и Монгали-Бутха бросились в свалку; я поспешил против них и первым же натиском рассеял их отряды. Наконец все враги были опрокинуты и обращены в бегство.

VIII. План приобрести себе авторитет

После этой победы в Туране разнесся слух, что самолюбивое стремление к царской власти составляет единственную причину моих подвигов. Чтобы укрепить за собой власть, я повсюду расточал благодеяния и выказал свою щедрость тем, что разделил воинам сокровища, скопленные мною и заключающиеся столько же в деньгах, сколько и в ценных вещах.

Так как мое войско было в изобилии снабжено провиантом, то я построил его в боевой порядок, и мы пошли к берегам Джихуна, через который переправились у Термеза. Я пробыл здесь несколько дней в ожидании гонцов, посланных мною в окрестности форта Кахалке, который намерен был захватить.

Элиас-Ходжа, услышав о моем походе, послал против меня Алчун-Бегадера с громадным войском; мои разведчики по небрежности заснули, враги, пройдя мимо них, сделали несколько ночных переходов и, благоприютствуемые темнотою ночи, захватили нас врасплох.

Место, где я стал лагерем, представляло полуостров, с трех сторон омываемый (морями) водами реки. Однако много палаток было раскинуто там и сям на полуострове; они-то и подверглись первой ярости нападающих. Но солдаты поспешили оставить их, чтобы спастись в лагере.

Я быстро оправился настолько, что мог вступить в сражение, и расположился при входе на полуостров. Противники, пораженные ужасом, не стремились вступить в сражение. Я охранял этот пост целых 10 дней и отступил только для того, чтобы разбить палатки на берегу реки, где я оставался целый месяц в виду врагов. Когда, наконец, страх принудил их отступить, я перешел реку и расположился в лагере, только что покинутом ими, в то же время я позаботился послать отряды для преследования беглецов.

IX. План утвердить свою власть

Победитель армии Джетта, я признал своевременным направиться в область Бадакшана, чтобы завладеть ею и расширить таким образом свои владения. Приняв такое решение, я покинул берега Джихуна и отправился расположиться лагерем под стенами Хилема в Тухаристане.

Мой шурин эмир Хусейн приехал ко мне, и мы устроили ряд празднеств, чтобы ознаменовать его счастливое и желанное прибытие. После того я окончательно решил повернуть в сторону Бадакшана.

Прибыв в Кондоз, мы пробыли там до тех пор, пока племена Юрельдая, собравшись, не присоединились к нам. Затем я роздал почетные одежды, чтобы воодушевить всех этих воинов.

Извещенные о расположении моих отрядов князья Бадакшана начали готовиться к войне, но я решил подавить их, прежде чем они успеют соединить свои отряды; форсированным маршем я достиг города Тальхана.

Мое приближение принудило князей обратиться к мирной политике; они явились просить союза со мною, и я был очень доволен своею проницательностью, видя успех мер, которые я принял. Наконец, мое

владычество распространилось на область Бадакшан, и большая часть войска этой страны добровольно стала под мои знамена.

Х. План распространять мою власть

Подчинив своей власти князей Бадакшана, я направил свой путь в сторону Котталана. Я уже вступил в нее, как вдруг узнал, что Булад-Бугха и Шир-Бехрам отложились от меня; оскорбленные поведением эмира Хусейна, который нехорошо обошелся с ними, они возвратились в свои владения.

Я остановился на некоторое время на пастбищах равнины Кулон: отсюда я послал лазутчиков разузнать что-нибудь достоверное об армии Джетта и об Элиас-Ходже.

По истечении 10 дней мои лазутчики донесли мне, что эмиры этой армии во главе 20000 всадников расположены лагерем, который простирается от Калата до моста Селкин.

Они отправили ко мне посла с поручением хорошенько исследовать мою позицию и состояние моей армии; я приказал своему войску два раза пройти перед ними церемониальным маршем и отпустил его.

Я очень желал последовать за этим послом, но мои войска отказались исполнить мое желание. Чтобы побудить их к этому, и прибегнул к средствам, которые мне внушало благоразумие. С одними я обошелся ласково и хорошо, других я подкупил деньгами, а чтобы склонить их всех, я не жалел речей, просьб, убеждений и обещаний.

Между тем разнесся слух, что двое из моих прежних слуг идут против меня во главе 6000 всадников Джетта. Эта новость, дойдя до слуха моих воинов, вселила страх в их души, и они впали в уныние. Однако четыре эмира, недоступные страху, остались возле меня.

XI. План, как вселить единодушие в сердца моей армии

Внимательно разведав образ мыслей четырех эмиров, о которых я только что говорил, я убедился в их верности; затем я увлек их обещанием, что они

разделят со мною все выгоды успеха, так что они стали точно исполнять все мои приказания.

Потом я обратился к тем, которые упорно отказывались выступить в поход; я говорил с ними с каждым отдельно: людей, в которых я замечал склонность к скупости, я осыпал щедрыми подарками и жаловал управление завоеванными областями тем, которые домогались почестей.

Но чтобы постоянно держать их между страхом и надеждой, я назначил каждому преемника или наместника.

Провианта и одежды было достаточно для того, чтобы поднять дух войска; ласковые речи и открытый вид окончательно склонили его на мою сторону; высокое значение, которое я по-видимому придавал его услугам, доставило ему столько удовольствия, что все возмущившиеся, так же как и покорные, присоединились ко мне, клянясь в безусловном повиновении и преданности во всех испытаниях.

Уладив затруднения, причиненные мне разногласием армии, я решил сразиться с Элиас-Ходжой. Я не предпринял никаких других мер, кроме форсированного марша, чтобы подавить его, прежде чем он успеет узнать что-нибудь о моих движениях.

Ободренный этим счастливым знамением, я выстроил свою армию; я разделил ее на семь отрядов, и мы немедленно выступили в поход. Утром мы встретили двух моих прежних служителей, которые шли против меня и которые составляли авангард вражеского войска. После второй нашей атаки они обратились в бегство, и я преследовал их до моста Селкин, где расположился Элиас-Ходжа.

Ночь, захватившая нас, заставила меня раскинуть палатки. Однако пока поле битвы еще не остыло, я решился тотчас же напасть на князя Элиас-Ходжу, находившегося в окрестностях с 30000-й армией.

Выжидая более долгое время, я подвергал себя опасности быть вынужденным искать посторонней помощи; хотя лагерь эмира Хусейна и находился

невдалеке позади меня, я, однако, не хотел прибегать к нему. Разумность моих мер была достаточна для того, чтобы обратить в бегство армию Элиас-Ходжи.

ХII. План рассеять войско Джетта и Элиас-Ходжи

Я решился окружить армию Элиас-Ходжи одним отрядом и сделать все его усилия бесполезными. С этой целью я поместил 2000 всадников, предводимых тремя офицерами, около моста напротив Элиас-Ходжи. Сам же я, переправившись через реку с 5000 отрядом конницы, занял высоты, которые господствовали над позицией врагов, и ночью приказал зажечь громадный костер.

Вид пламени, присутствие грозной армии, расположенной при входе на мост, Селкин, всё это так устрало воинов Джетта, что они всю эту ночь бодрствовали, не смея прилечь для отдыха. Что до меня, то я провел ее на холме, простершись ниц перед троном Создателя миров и призывая с тысячей благословений память Пророка, его потомков и его сподвижников. В забытии я услышал чей-то голос, произнесший: "Тимур, победа и торжество останутся за тобой".

На заре я со всем отрядом совершил молебствие. В то же время я увидел, что Элиас-Ходжа и его эмиры на конях отступают повзводно. Мои полководцы и воины стали просить позволения немедленно их преследовать, но я предпочел выждать, узнать, не было ли какого-либо замысла в этом обращении в бегство. Они отошли на расстояние 4-х миль и затем остановились. Я ясно понял, что они хотели завлечь меня в равнину и там завязать сражение.

Эмиры авангарда, которых я обратил в бегство, получили строгий выговор от своего господина Элиас-Ходжи.

Неприятели, видя, что я не двигаюсь с занимаемых мною высот, не сомневались более, что я проник в их намерение, и возвратились, чтобы атаковать меня. Я тотчас выстроил свое войско у подошвы горы, чтобы иметь возможность дать битву, но, подступив к скалам возвышенности, войско Джетта остановилось. Я тотчас приказал своим стрелкам пустить град стрел, а

это произвело сильное действие. Так как наступила ночь, то враги, не имея времени предпринять что-либо, стали лагерем у подошвы холма, надеясь блокировать меня. В течение ночи я предложил своим полководцам разделить войско на три отряда с тем, что я сам поведу их в битву. Мое предложение было одобрено всеми. Паред рассветом я сел на коня, и мы сделали нападение с четырех сторон.

Воины Джетта были рассеяны, прежде чем успели соединиться; с той и другой стороны было убито несколько человек. В неприятельской армии слышались крики: "бежит", и она тотчас же обратила тыл. Так как я очутился близ Элиас-Ходжи, то крикнул ему несколько слов. Звук моего голоса возбудил в князе ярость; он собрал свои рассеянные полки и снова повел их в атаку.

Сражение длилось до восхода солнца. Колчаны опустели. Наши противники отступили и в величайшем беспорядке возвратились в свой лагерь, находившийся в 4-х милях. Не желая больше преследовать их, мы остались на том же месте, где и были. Устрашенная таким образом, армия не осмелилась уже завязать второе сражение; мои воины рассыпались вокруг лагеря Элиас-Ходжи, а я сам так сильно беспокоил и утомлял его, что он был принужден перейти воды Ходжента. Тогда я перестал преследовать его и возвратился в Трансоксанию, чтобы воспользоваться своею победою. Я думал, что первое, чем я должен был заняться, было увериться в покорности и верности эмиров, хорошо сознававших свои силы и могущество и весьма склонных считать себя выше равных себе.

Я объявил участником своего успеха эмира Хусейна, моего шурина, который только что поднял знамя владычества в Трансоксании.

Я относился к нему с большим вниманием, но несмотря на изъявления дружбы, которые выказал мне этот князь, он всегда сохранял ко мне чувство зависти и злобы.

Он пламенно желал, чтобы я возвел его на трон Трасоксании. Так как я не имел к нему никакого доверия, то привел его на могилу досточтимого Шамсэددина.

Там мы обещали друг другу взаимную дружбу; он уверял меня, что никогда не нарушит своих обязанностей. Три раза клялся он священной книгой (Коран). Впоследствии он нарушил свою клятву, и его клятвопреступление предало его мне. Шейх-Мухаммед считал себя могущественным властителем; я достиг того, что привлек его на свою сторону, так же, как и семь родов (семь камун), признавших его власть; я дал области в управление эмирам этих родов. Шир-Бехрам, покинувший меня, продолжал жить независимо среди своего племени. Тем не менее уступая выгодным предложениям, которые я ему сделал, он возвратился в мое подданство со всем своим племенем. Вступив в число моих слуг, этот эмир также получил область.

Эмир Хусейн, приходившийся мне родственником, никак не мог быть моим искренним другом, несмотря на всё расположение, которое я ему выказывал. Он осмелился захватить у меня силою области Басеха и Гиссар Шадамана. Из уважения к его сестре, моей жене, я всё не хотел платить ему злом, и мое поведение произвело такое впечатление на неприятельских военачальников, что они добровольно перешли на мою сторону. Но эмир Хусейн, неуклонно стремясь к своей гибели, истощал все свои хитрости на то, чтобы строить мне козни; наконец я решил оружием усмирить его.

Я покори́л Туран и освободил Трансоксанию от грабительства узбеков*; однако многие военачальники племен не признавали еще моей власти; каждый из них хвастался независимостью перед своими вассалами, некоторые из подчинившихся мне говорили, что "так как все они имеют одинаковые права на управление, то было бы справедливо разделить между ними власть и преимущества". Но эти речи не охладили во мне стремления к верховной власти.

"Так как Бог только один, говорил я сам себе, а не имеет себе товарищей, то и правитель государства должен быть также один".

узбеки*—племена Узбек-хана, правившего Золотой Ордой (монголо-татарское племя), с 1313 года, сын Тогрула (Тогрулджая, Тогрулчи), десятого сына Менгу-Тимура

В эту самую минуту Баба-Али-Шах, подошедши ко мне, сказал: "Тимур!

Всевышний объявил, что если бы на небесах или на земле было два Бога, то порядок Вселенной нарушился бы". Слова этого святого укрепили меня в моем решении. Я потребовал почерпнуть предсказание в священной Книге, и мне выпал следующий стих: "Мы сделаем тебя своим наместником на земле". По прочтении этого места, которое я считал для себя весьма благоприятным, я обратил все свои усилия на то, чтобы смирить эмиров, выражавших притязания на разделение со мною славы и могущества.

Я начал с того, что отправился к эмиру Ходжа-Берласу, которого я скоро склонил на свою сторону. Что до эмира Шейх-Мухаммеда, он всегда предавался пьянству и от этого умер.

После его смерти его область перешла в мою власть. Я послал предостережение эмиру Баязет Джелаиру, правившему областью Ходжента, но он не обратил на него внимания. Немного спустя его племя взбунтовалось против него, и он был приведен ко мне и оковах. Ласки, которыми я его осыпал, заставили его краснеть (за свое прежнее поведение).

Ильчи-Бугха-Селдуз поднял знамя независимости в Балхе; и удовольствовался тем, что противопоставил ему эмира Хусейна, провозглашавшего, что этот город - столица его предка Кархана. Мухаммед-Ходжа-Ирди из племени Тайман, захватив область Ширджан, объявил себя моим врагом, а я, дав ему другую область, сделал его своим верным слугой.

Князья Бадакшана, правившие этой страной, объявили мне войну. Я употребил по отношению каждого из них такую тонкую политику, что они рассорились, напали друг на друга и кончили тем, что возвратились в мое подчинение. Ки-Хосру и Альджету-Барди завладели областью Каталак и городом Археик. Я послал подкрепление Ки-Хосру, чтобы он мог захватить владения своего противника, который тотчас же прибегнул к моему покровительству.

Эмир Кезр-Ессурийский, подкрепляемый своим племенем, завоевал область Ташкента. Я постарался тогда восстановить согласие между Альджету-Барди и Ки-Хосру (о котором я только что говорил); я дал им военные отряды для

того, чтобы разбить племя Ессуров. Их начальник, растерянный, пришел просить у меня защиты.

Спокойствие, водворенное мною в Трансоксании, бывшей до того добычей опустошения, увеличило значение моей армии. Племя Берляс (в котором родился Тимур) приобрело славу, а мои подвиги доставили известность войску царства Джагатая. Я предписывал законы всем коленам, воинам и народам Трансоксании; только несколько крепостей, подчиненных эмиру Хусейну, не признавали еще моей власти. Мое величие и могущество возбуждали зависть в этом мире. Он осмелился объявить мне войну, вопреки самым священным своим клятвам. Он начал уже неприятельские действия; тем не менее я сделал попытки к примирению; он не удостоил их никакого ответа, и под видом притворного добродетельства, захватил у меня крепость Карши; некоторые из моих эмиров советовали мне открыто освободить ее, но я боялся, чтобы войска мои не были отброшены, и предпочел лучше до времени отказаться от осады, чем подвергнул себя опасностям, которые были с ней неразлучны... Я счел за лучшее повернуть в Хорасан, чтобы таким образом внушить гарнизону крепости убеждение в совершенной безопасности, а потом я намерен был осторожно возвратиться и произвести ночное нападение. Таким образом мы снялись с лагеря и ушли. Когда я переправился через Амуйэх, я встретил караван, шедший из Хорасана в Карши. Начальник его предложил мне подарки; я расспрашивал его о положении князей Хорасана и сказал, что иду в эту область. После этого я его отпустил, но предварительно принял предосторожность, приказав шпиону вмешаться в толпу, составлявшую караван; я ожидал его на берегу реки. Возвратясь, он донес мне, что обо мне сказали эмиру Мусе: "Мы встретили на берегу Амуйэха эмира Тимура; он идет в Хорасан". Это известие наполнило радостью сердце Мусе и воинов эмира Хусейна. Они поставили пикет и разостлали пиршественные ковры.

При этом известии я снарядил 243 отборных воина, столь же опытных, столько и храбрых, и во главе их переправился обратно через реку; форсированным маршем я достиг Ширкенда, где провел один день и одну ночь; двинувшись

оттуда, я расположился лагерем в расстоянии одной мили от крепости Карши. Я отдал приказ приготовить лестницы, связанные веревками. Между тем эмир Джаку, преклонив колени, сделал мне следующее представление: "так как большая часть наших воинов осталась позади, то следовало бы обождать их прихода".

Я последовал этому совету и решил употребить время, оставшееся до прибытия остальных отрядов, на исследование крепости.

В сопровождении сорока всадников я направился к крепости, и, как только она показалась, мы остановились; взявши с собой только Мобашара и Абдаллу, служителей, родившихся и выросших в моем доме, я отправился к самой крепости. Подойдя к крепостному рву, я увидел, что он наполнен водою. Поверх рва был проведен деревянный желоб, пересекавший его поперек и доставлявший в крепость воду. Я передал коня одному из моих спутников и, перешедши ров по желобу, подошел к подножию крепости. Я отыскал ворота и постучал; так как никто не откликнулся, то я убедился, что стража заснула. Враги имели предосторожность засыпать ворота землею. Не будучи в состоянии войти, я обошел крепость кругом, чтобы найти удобное место для подстановки лестницы, затем я сел на лошадь и возвратился к своим воинам. Отряд, оставленный позади, был снабжен всякими орудиями, и я лично привел его ко рву, который мы перешли по желобу; когда лестницы были укреплены у основания стены, то воины быстро стали влезать на нее: 40 храбрецов вошли в крепость, а я следовал за ними; затрубили в трубы, и я, благодаря Всемогущего, овладел крепостью.

Эмир Хусейн, чтобы вознаградить только что понесенную потерю, прибегнул к хитрости и притворству; он хотел под личиной искренности и дружбы завлечь меня в свои сети. Чтобы избежать козней этого изменника, который не пренебрегал ничем, лишь бы овладеть моей особой, я прибегнул к таким же средствам.

Он прислал мне Коран, на котором дал клятву "Теперь мое сердце не будет питать к тебе никаких других чувств, кроме дружбы и братской любви". Он

прибавил еще: "Если мои чувства не соответствуют моим словам, если, презрев свои клятвы, я осмелюсь нарушить свои обещания, то пусть Божественная Книга накажет меня!" Я знал, что он мусульманин, и поверил его словам. Затем прибыл гонец и от его имени просил у меня свидания в долине Чекчек, чтобы возобновить наш прежний союз. Его намерением было захватить меня изменой. Я хорошо знал, как мало следовало ему доверять, но из уважения к священной Книге я решил ехать на свидание.

Однако я принял предосторожности и скрыл отряд смелых воинов поблизости ущелья, куда я отправился с другим отрядом.

Я спросил тех из моих друзей, которые служили под знаменем эмира Хусейна, уведомить меня о намерениях господина; Шир-Бехрам, бывший в числе их, оказал мне эту услугу. Хусейн, узнав об этом, приказал его умертвить и затем направился навстречу мне с 1000 всадников.

Я спускался в долину, когда узнал о его намерениях. Немедля далее, я построил свой отряд в боевой порядок. В то же время заметили неприятельских гонцов, и мои караульные посты донесли мне, что "это армия эмира Хусейна, но его самого нет. Когда он узнал, что ты один, то ограничился посылкой отряда, чтобы захватить тебя". Я был готов так же, как и мои 200 воинов, но, выжидая, пока отряд Хусейна вступит в ущелье, я приказал войнам, посланным вперед, отрезать им выходы к отступлению. Затем я напал на врагов, и так как они не находили никакого выхода, то я взял множество пленных; собрав всех воинов, я возвратился в Карши. Тогда я убедился, что друг полезен во всех случаях жизни.

Я написал Хусейну следующие стихи на тюркском языке: "Зефир, скажи этой красавице, раскинувшей сети коварства, скажи ей, не замечала ли она когда-нибудь, что коварство обрушивается на голову человека, задумавшего это коварство?"

Получив это письмо, эмир Хусейн покраснел и понял всю глубину своего позора. Он извинялся передо мною, но он уже потерял мое доверие, а его речи

не могли больше внушить мне его. Вот каковы были мои распоряжения, чтобы очистить Туран от последних узбеков, пощаженных оружием.

Когда Джеттская армия и Элиас-Ходжи очистила Трансоксанию, как только я прогнал ее за реку Ходжента, многочисленные отряды узбеков утвердились в фортах этого государства. Я бы, конечно, послал против них войско, но побоялся, что эта война слишком затянется.

Узнав, что узбеки* заперлись в своих укреплениях, я понял, что было бы неразумно открыто напасть на них, и я употребил хитрость.

От имени их начальника Элиас-Ходжи я написал им приказание выступить и письмо поручил одному узбеку, дав ему в сопровождение отряд. Эти воины должны были поднять большое облако пыли, чтобы быть лучше замеченными. Враги, прочитав приказ Элиас-Ходжи, который отзывал их, и видя облако пыли, поднятое отрядом, покинули укрепления, но из предосторожности выступили под покровом ночи. Таким образом освободилась Трансоксания от притеснителей, которые клялись погубить меня; и это царство совершенно покорилося мне. Из уважения к узам кровного родства я отдал эмиру Хусейну город Балх и Гиссар Шадаман. Этот князь, нечувствительный к моему великодушию, думал только о том, чтобы погубить меня, и этим принудил меня стараться погубить его самого.

Блеск моих побед и торжеств разжег его зависть. Не было неприятности, которую он не постарался бы причинить своей сестре, жене моей. Этот ожесточенный враг ничего не забывал, лишь бы только погубить меня. Много раз дело доходило до столкновений, и столько же раз он терпел неудачу. Я уже не мог больше выносить его крайней жестокости и его неприязненности, когда, возмущенные его поведением военачальники его, также недовольные им, как и я, покинули его. Он умертвил брата правителя Коттолана, и этот последний возмутился.

Его эмиры давно уже были его самыми заклятыми врагами, так что он не мог уже рассчитывать на их дружбу.

Все еще полный замыслов, направленных к моей гибели, он перенес свое местопребывание в местность, лежащую вне пределов Балха.

После этого я хорошо понял, что для меня настало время напасть на него, прежде чем он успеет сделать какое-либо новое передвижение. Собрав всех воинов, какие только были около меня, я выступил с ними в поход. На пути к балху я видел, как со всех сторон ко мне спешили мои непобедимые полки; мы стали лагерем близ этого города. Хусейн выступил навстречу, но все усилия были тщетны; вынужденный удалиться в цитадель, он подвергся участи, которая была ему предназначена.

Все те, которые старались вредить мне, теперь не без основания опасались меня, ибо, бросив взгляд на свое прежнее поведение, они не могли надеяться на мое снисхождение. Тем не менее вот как я обошелся с ними.

Когда эмир Хусейн попал в мои руки, его слуги и военачальники боялись, чтобы я их не осудил на смерть. Это и было сначала моим намерением, но так как они все умели владеть оружием, то я предпочел пощадить их и зачислил в свои полки.

Главнокомандующий Хусейна, правивший Бадакшаном, много раз поднимал против меня оружие, но узнав о смерти своего господина, он побоялся моего лицемерия и собрал свои войска. Он не стоил того, чтобы я двинул на него всю армию.

Я показывал вид, что забыл о нем, а между тем старался хвалить его на собраниях, среди моих друзей. Я превозносил его мужество в самых восторженных выражениях, так что друзья его написали ему: "Тимур расположен простить тебя и примет тебя благосклонно". Изъявив мне покорность, этот правитель, вполне доверяя моему благородству, просил меня принять его в число своих приближенных.

**План, которому я следовал,
чтобы занять Герат, столицу Хорасана**

Я завоевал области Балха, Гиссар-Шадамана и Бадакшана. Эмир Хусейн был только что умерщвлен. При слухе об этих событиях Гейазэддин, владетель Хорасана, стал опасаться за свою столицу. Он собрал армию и принял оборонительное положение.

Благоразумие присоветовало мне усыпить бдительность хорасанцев кажущейся безопасностью. Я сделал вид, что всё внимание свое я устремил на Самарканд, и вскоре был уведомлен письмом моего доверенного советника, что Гейазэддин предался тиранству и совершает невероятные жестокости.

Известие о моем возвращении в Самарканд совершенно успокоило Гейазэddина; тогда я сказал себе: "Воспользуюсь моментом, когда хорасанцы не думают обо мне, и сделаю на них нападение".

Покинув окрестности Балха с значительным гарнизоном, который я оставил в городе, я с величайшей осторожностью достиг Ерата, где я захватил врасплох Гейазэddина. Этот князь, лишенный всякой помощи, вышел из города и предложил мне свои сокровища, свои владения и царство. Хорасан был покорен, и эмиры области перешли в мое подданство.

За завоеванием Хорасана последовало покорение Систана, Кандагара и Афганистана. Я расскажу, как покорены эти страны.

По завоевании Хорасана мои военачальники советовали мне послать военные отряды в эти три царства.

Я отвечал им: "Если бы мои войска нашли эти экспедиции слишком для себя обременительными, то мне самому необходимо было бы заняться ими, а я теперь обременен делами".

Поэтому я счел за лучшее написать правителям этих областей пригласительные письма следующего содержания: "Если вы идете ко мне, то продолжайте путь, а если желаете оставаться, делайте, что вам нравится".

Исход соответствовал моим ожиданиям. По прочтении этого письма они действительно положили покорное чело на порог повиновения.

Вот мои распоряжения для того, чтобы победить Уруз-хана и завоевать великую Татарию. Когда Тохтамыш, разбитый Уруз-ханом, прибегнул к

моему покровительству, я долго обдумывал, верить ли ему войско или идти мимо.

Между тем прибыл посол от Уруз-хана; я решил обойтись с ним благосклонно и также отпустить его. Однако мои воины обложили все дороги в великую Татарию, а один отряд пошел по следам этого посла, ибо я решил сделать неожиданное нападение на Уруз-хана на следующий же день после того, как посол, уверенный в полной безопасности, должен был возвратиться к своему господину, тоже не предвидевшему никакой опасности.

План удался, как я и надеялся; посол делал сообщение своему господину, и в это время мои отряды напали на Уруз-хана с стремительностью неожиданного удара бичом; они не встретили никакого сопротивления, враги обратились в бегство, и великая Татария мне покорилась.

**Вот каковы были мои планы
для завоевания царств Килана, Джарджана и Мазендерана,
Азербайджана, Ширвана, Фарса и Ирака**

На жалобы, с которыми обратился ко мне народ Ирака против тирании Мазаффаров (их правителей) и других князей страны, я ответил походом в эту страну.

Следовало опасаться, чтобы государи этой страны не заключили против меня союза; я по крайней мере должен был приостановиться встретить их. Мои военачальники посоветовали мне, прежде чем выступить в поход, запастись всеми военными припасами.

Я принял твердое намерение покорить эти области одну за другой и сурово покарать тех, которые осмелились бы мне сопротивляться. Первый, кто попросил моего покровительства, был эмир Али, правитель Мазендерана. Он прислал мне подарки и присоединил к ним следующее письмо: "Мы, потомки Али, всегда довольствовались этою областью. Завладев ею, Вы выкажете свое могущество, но если Вы пощадите ее, то ваше поведение будет более согласовываться с милосердием".

Покорность князя Мазендерана была для меня счастливым предзнаменованием. Я обратился затем на царство Килан и Джарджан. Правители отказали мне в покорности, и я послал против них свои победоносные полки и лично повел армию на Ирак. Я овладел Испаганью и из доверия к жителям возвратил им цитадель, но они, возмущившись, зарезали правителя, поставленного там мною, и 3000 моих солдат. Я тотчас же приказал истребить всё население.

**Вот каков был мой план для завоевания
(уже во второй раз) Ширази, столицы Фарса,
и остальной части Ирака**

Я отдал этот город потомкам Мазаффара и оставил в Испагани гарнизон в 3000 человек. Когда я хотел уже вести армию в великую Татарию, чтобы усмирить Тохтамыш, я узнал, что жители Испагани казнили моего правителя, а жители Ширази сошли с пути повиновения.

Эти происшествия побудили меня во второй раз объявить войну (Ширазу) Ираку. Я собрал 80000 человек. Но опасение найти место, которое бы могло содержать столь многочисленную армию, принудило меня ввести ее в страну несколькими отрядами.

Поэтому я разделил свою армию на три армии, которые я послал вперед. Разные отряды, собравшиеся в Ирак, были рассеяны, и я повел армию в Шираз. Правитель этой столицы Шах-Мансур осмелился бороться со мной и получил кару, которую заслуживал.

Меры к поражению Тохтамыш-хана

Занятые преследованием этого князя по пустыням великой Татарии в течение целых 6-ти месяцев, мои утомленные войска начали сильно страдать от сильного голода; уже много дней они не получали другой пищи, кроме той, какую могла им доставить охота и яйца птиц пустыни. Тохтамыш, узнав о состоянии моих воинов, решил, что более удобного случая ему уже не

представится, а потому напал на меня с армией столь же многочисленной, как саранча или муравьи.

Мои воины были усталы и голодны, его - напротив, - свежи. Мои полководцы и военачальники совсем, казалось, не были расположены сражаться, пока мои сыновья и внуки, преклонив колени, не поклялись мне в совершенной преданности. Я подкупил неприятельского знаменосца; он обещал мне повергнуть свое знамя, когда обе армии вступят в бой.

Когда мои военачальники узнали, что мои сыновья и внуки преклонили предомной колени, их мужество пробудилось, и они дышали только битвой. В авангард я поместил внука своего Мирзу-Абубекра с 8000 всадниками, и в самом разгаре схватки приказал им раскинуть палатки и приняться за приготовление еды. В ту же минуту знамя Тохтамыша было повергнуто, этот князь, растерянный, обратился в бегство, предоставив свою армию всем ужасам уничтожения.

Завоевание Багдада - Дома Мира и Ирак-Араби

Когда я покорил Ирак-Аджеми и Фарс, мой доверенный советник написал мне следующее письмо: "Бог, властитель Ирак-Араби и Ирак-Аджеми (покоривший даже тебе одну из этих областей), отдает тебе и другую". Я послал посла к султану Ахмед-Джелаиру, князю Багдада. Мне необходимы были точные сведения о его действиях, храбрости и силе его армии. По прибытии из Багдада, мой посол написал мне: "Султан Ахмед-Джелаир - живой кусок мяса, имеющий два глаза".

Я положился на Всемогущего и форсированным маршем внезапно подступил к Багдаду. Султан, обратившись в бегство, укрылся в доме Кербана, а Дом Мира покорился мне.

План поражения Тохтамыш-хана

Побежденный Тохтамыш, счастливый тем, что не попал в мои руки, послал грозную армию в царство Азербайджана и возбудил там смуты и беспорядки. Я же, только что окончивший завоевание обоих Ираков, принял для примирения его не иную какую-либо меру, а лично повел армию в великую Татарию по Дербентской дороге.

Я сделал смотр своей армии, которая, построившись в боевой порядок, занимала пространство в четыре фарасанга (4 мили). 3 апреля я воздал благодарение Богу.

Перешедши реку Семур, я написал следующее воззвание к народу и племенам великой Татарии: "Всякий, кто идет ко мне, может продолжать свой путь, кто хочет оставаться, волен и в этом".

В 797 году я вступил в великую Татарию и проник до крайних пределов северных стран. Народы этих стран, осмелившиеся мне сопротивляться, были рассеяны и уничтожены. Области, орды и крепости пятого и шестого климатов были покорены, и я возвратился победителем.

Поход в Индостан

Моей первой заботой было увериться в намерениях моих сыновей и эмиров. Мирза Пир-Мухаммед-Джиганкир сказал мне: "Когда мы завладеем Индией, то золото этой страны сделает нас властителями мира". Мирза Мухаммед-Султан сказал мне: "Следовало бы завоевать Индостан, но страна эта имеет много оград: во-первых, моря, во-вторых - леса и пустыни, наконец, воины, вооруженные всякими снарядами, и слоны, давящие людей". Мирза Султан-Хусейн сказал мне: "Завоевание Индии подчинит нашему владычеству четыре климата". Мирза Шах-Рах сказал мне: "Я читал в Тюркских летописях, что существует пять великих царей, которых настоящих имен они однако не приводят из уважения в их могуществу. Царь Индии называется Дари (Дарий), царь Анатолии - Кисер (Цезарь), Китая - Фагфур, Туркестана - Какан (великий царь), государь Персии и Трансоксании (Ирана и Турана) имеет титул Шахиншаха (Царя царей).

С незапамятных времен власть этого последнего признается в Индии, и так как мы завладеем Персией и Трансоксанией, то мы не можем отказаться от присоединения Индостана".

Мои эмиры в свою очередь говорили мне в следующих словах: "раз мы сделаемся владетелями Индостана и оснуем там свое пребывание, то мы погубим своих потомков; наши дети и внуки вырождаются, смешаются с туземцами, от которых они переймут даже язык".

Я так сильно желал завоевания Индии, что ничто уже не могло меня отвратить от этого замысла. Я удовольствовался тем, что дал эмирам такой ответ: "Я обращусь к Всемогущему, сказал я им; Коран даст мне предзнаменование войны, и я хочу знать волю Бога, чтобы сообразоваться с нею". Эмиры одобрили мою мысль. Открыв священную Книгу, я напал на следующий стих: "Пророк веди войну с небрежными и беззаконными".

Ученые объяснили смысл этого стиха эмирам. Но последние, опустив голову, не произнесли ничего; их молчание сжало мое сердце.

Сначала я хотел лишить должностей всех тех, которые не одобрили завоевания Индии, и отдать их полки и их отряды их наместникам. Но так как они способствовали моему возвышению, то я не мог решиться погубить их; я сделал им только выговор, и хотя они растерзали мое сердце, но как только они приняли мой план, всё было забыто.

После нового совещания я приказал двинуть свои шатры в сторону Индостана и произнести молитву о победе.

Моим намерением было вести войска к столице этой страны. Мирза Пир-Мухаммед-Джиганкир находился в Кабуле с 30 000 всадников, составлявших левое крыло армии. Я приказал ему направиться к горам Солимана, перейти Зенд и приступом овладеть Мултаном. Султан Мухаммед-хан и Мирза Рустем с другими эмирами, предводившие 30 000 всадников моего правого крыла, также получили приказание перейти Зенд и сделать вторжение в провинцию Лагор, следуя вдоль гор Кашмира. Я сам двинулся с 32 000 всадников составляя центр армии.

Моя соединенная армия простиралась до 92 000 всадников. Это число равно и совершенно соответственно числу имен Мухаммеда, посланника Всевышнего. (Пошли ему Бог мир и милость так же, как и его потомству.) Это совпадение было для меня счастливым предзнаменованием.

Я сел на лошадь и остановился лагерем только у Эндероба, на границах Бадакшана, покорив неверных Кетуерских гор, я исключительно занялся священной войной с Индостаном.

Вот меры, которые я принял к тому, чтобы очищать дорогу в Индию от Уганисов, узнав о разбоях, которые они там совершали. Муса-Угхан, начальник колена Керкес, был во главе их. Он напал на Лашкер-Шах-Угхана, одного из вернейших моих военачальников, которому Мирза Пир-Мухаммед-Джиганкир не затруднился доверить охрану крепости Ираб; убив его, он захватил всё, что нашел у него.

Тотчас Малек-Мухаммед, брат этого несчастного, поднял крик и известил меня о том, что жестокость Мусы лишила меня слуги наиболее мне преданного.

Я приказал арестовать Малека, объявив, что верность Мусы мне хорошо известна. Мои эмиры много говорили об этом несправедливом поступке. Взятие Малека под стражу и слова, сказанные мною при этом, внушили столько доверия Мусе, что он, как только прочитал мое предписание, без всяких подозрений тотчас же сдал мне крепость.

Когда я прогуливался вокруг крепости, один вражеский воин пустил в меня стрелу, и Муса вскоре получил вознаграждение, которого заслуживал; после того путь в Индостан был мне открыт.

Мои распоряжения для победы над Махмудом, правителем Дели, и Малуханом

Махмуд, правитель Дели, и Малухан, его главнокомандующий, тотчас позаботились о безопасности этой столицы Индии и приготовились вести со

мною войну. Они имели армию в 50 000 человек пехоты и конницы со 120-ю слонами.

Вместо того, чтобы заняться осадой Дели, что очень затянуло бы войну, я предпочел уверить Махмуда, что мои войска слабы и робки, дабы он, увлеченный самоуверенностью, сам завязал сражение. Я приказал вырыть вокруг лагеря моей армии ров и укрепился в этих окопах, а часть войска послал атаковать врагов. Мои солдаты получили приказание выказывать как можно больше слабости и трусости, чтобы внушить смелость моим противникам.

Гордые своими победами, эти последние пустились в равнину и с презрением отнеслись к моим непобедимым полкам. Султан Махмуд завязал сражение, но вскоре отброшенный с уроном принужден был отступить к горам. Огромные богатства этого правителя, состоявшие столько же из денег, сколько из имущества, сделались добычею воинов.

Менее чем в год я завоевал столицу Индии, а к концу того же года я возвратился в свой царственный Самарканд.

Завоевание царства Грузии

Я не отдохнул еще от трудов моего последнего похода, как уже получил донесение правителей обоих Ираков, жаловавшихся на то, что "неверные жители Грузии преступили границы (долга)". Я всегда был убежден, что занятие, наиболее достойное князя, это - поддерживать священные войны, бить неверных и стараться завоевать мир. Известие о вторжении вероломных грузинцев заставило меня опасаться, чтобы слишком большая медлительность (в наказании их) не дала времени мятежникам разжечь возмущение, а потому я поспешил усмирить их.

Воинам, участвовавшим в Индостанской экспедиции, было предоставлено оставаться дома или сопровождать меня. Я отдал приказ войскам Хорасана, Кандагара, Систана, Кермана, Табаристана, Килана, Мазендерана и Фарса приготовиться к походу и двинуться к стенам Испагани, чтобы соединиться с моими победоносными полками. Моим всадникам правилом было стараться

рассеять мятежников во всех странах, поэтому я послал в Туран мятежников Хорасана и Фарса и достиг того, что очистил от них эти две страны.

Затем всё свое внимание я направил на завоевание Грузии и точно следовал плану, одобренному моими воинами. Со стальным шлемом на голове, с грудью, покрытой панцирем Давида, с египетским мечом на бедре я взошел на трон войны.

Я двинул воинов Турана, храбрецов Хорасана и героев Мазендерана и Килана. Мы взяли крепость Сиваса и укрепления Грузии; все найденные там жители были преданы мечу; мои победные полки разделили добычу; я жестоко наказал мятежников Азербайджана.

Тотчас после этого похода я пошел к крепости Малатيوخ (Меллипель), которая вскоре была покорена, так же, как и ее окрестности. Освободившись от этой заботы, я перенес свое внимание на Ален и Эмес. Завоевание этих стран стоило мне очень мало и, не теряя времени, я решил присоединить к ним Египет и Сирию.

Завоевание Египта и Сирии

Баязет хорошо знал о моей силе и могуществе, но когда он узнал, что я овладел крепостями Себаем и Милетом и землями им принадлежащими, а также что я разбил и рассеял войска, которые он содержал в этих крепостях, то не мог сдержать своего негодования, и наконец, уступая подстрекательству Юсуфа, Туркоманского князя, который, избегая меня, укрылся у него, решил объявить мне войну.

Этот государь был близок к своей гибели; Юсуф убедил вести против меня войско. Он выступил в поход с огромной армией, а кроме того, получил еще подкрепление из Египта и Сирии. Я полагал, что мне будет более выгодно разделить свои войска на три отряда, но так как победа и поражение равно скрыты под покровом Рока, то я спросил многих своих эмиров, и они дали мне совет чисто военный: "пойдем в битву", сказали они мне.

Но я хотел сначала умерить пыл Баязета. Поэтому я написал ему письмо следующего содержания: "Хвала Богу, Властителю неба и земли, покорившему моей власти большую часть 7 климатов и допустившему, чтобы владетели и повелители мира склонили выю под мое ярмо. Да будет милостив Господь к смиренному рабу, который знает пределы, предписанные ему, а не преступает их дерзкою стопою. Все знают о твоём происхождении, и неприлично человеку твоей крови выдвигать впредь надменную ногу, ибо ты мог бы низвергнуться в бездну скорби и несчастья; не поддавайся наущению тех несчастных, которые ищут тебя, чтобы преследовать свои личные цели и которые исторгнули разрушение из сна, в который оно было погружено. Берегись отворять разорению и несчастью врата твоего царства. Пришли ко мне тотчас Кара-Юсуфа, в противном случае при столкновении наших армий всё, что скрыто под покровом Рока, откроется тебе". Знатные послы отдали это письмо Баязету. Я составил сейчас же план похода в столицу Сирии. Я пошел по дороге в Эмес и Ален. Когда я прибыл в этот последний, то мне сказали, что царь Ферадж при слухе о моем походе выехал из Египта в Дамаск. Я не мог, при всём старании, воспрепятствовать соединению войск Сирии и Египта, ибо этот султан обогнал меня, вошел в Дамаск, но и пришедши после него, я не оставил намерения овладеть этим городом.

Завоевание городов Рума (Анатолии) и поражение Баязета

Сирия была покорена; царь Ферадж обратился в бегство, уклоняясь от сражения, между тем как мой посол, возвратившись из Рума с непристойным ответом Баязета-молниеносца, донес мне, что при известии о поражении сирийской и египетской армии этот князь казался изумленным и пораженным и, по-видимому, даже оставил свои планы военных действий.

Когда Дамаск и другие города Сирии покорились мне, я сначала двинулся было по дороге в Мусул, чтобы идти к Багдаду, но затем я счел за более благоразумное поворотить в Азербайджан, чтобы точно узнать, остается ли Баязет всё при тех же планах.

На пути к Тавризу, столице Азербайджана, я послал вперед к Багдаду несколько мирз с грозным войском. Султан Ахмед-Джелаир вперил одному из своих слуг по имени Фараку охрану города и крепости, оставив ему войско и необходимые припасы.

Мирзы, обложив город, повели превильную осаду и послали мне уведомление о ней.

Решив покорить этот город и его цитадель, я быстро оставил дорогу в Тавриз, чтобы идти по дороге в Багдад, немедленно отысканной мною. Благоразумие, подкрепляемое упорною храбростью, отстранило предо мною все препятствия; наконец после осады, продолжавшейся месяц с несколькими днями, я совершил свое победоносное вступление в город и цитадель. Фарак, его бывший правитель, утонул в Тигре. Всех мятежников я предал казни и приказал разрушить дома и крепости этого города.

Из Багдада я пришел в Азербайджан, где и пробыл несколько времени. Тогда Баязет приказал войскам пробраться к Алену, Эмесу и Диарбекиру. Между тем подлый туркоман Кара-Юсуф занимался грабежом караванов двух священных городов, и ко мне собралась толпа просителей, умолявших меня о защите против этого разбойника. Я счел себя обязанным усмирить Кара и разбудить Баязета от сна беспечности.

С этой целью я потребовал отрядов от городов и колен. Получив их, я вышел из Азербайджана в месяце Реджеб, в 804 году от Гиджры, чтобы вести войну с Кисаром.

Я отрядил различные части моей армии, одну в поход на царство Рума, другие - охранять посты, воду и провиант. Сам я двинулся по дороге в Анкуриах (Ансир); Баязет во главе 100 тысяч воинов, наполовину всадников, наполовину пехоты, вышел мне навстречу. Завязалось сражение, и я его выиграл. Баязет

был побежден, взят в плен и приведен ко мне. Наконец после семилетней войны я возвратился победителем в Самарканд.

ГЛАВА VI

РАЗВИТИЕ НАУКИ И ИСКУССТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ АМИРА ТИМУРА

«Умный не критикует сильных».

Конфуций.

Во все века, среди всех народов разных стран имелись таланты, также их называют творческими людьми. Для того чтобы эти порой гениальные люди смогли себя проявить полностью обязательно нужны финансовые средства и меценаты, готовые вложить свои деньги в интересные идеи и начинания.

Жизнь и деятельность Амира Тимура является прямым доказательством этой истины. Представители Золотой Орды или других империй уделяли намного меньше внимания развитию и поддержке науки, искусства, ремесленничества и архитектуры. Они больше заботились о хлебе насущном, завоевательских войнах и охоте. Со всех своих завоеваний и военных походов Амир Тимур привозил пленных ремесленников, художников, строителей, музыкантов, писателей, поэтов, историков и богословов, некоторые из них

приезжали добровольно. Никого в Самарканде и других городах и селах Средней Азии не обижали и не оскорбляли. всем платили достойное жалование и позволяли достойно жить. И даже пленные мастера, если выполняли свое дело максимально качественно имели шанс вернуться на Родину богатыми людьми.

Доподлинно известно, что Амир Тимур имел живой интерес к монументальной живописи и тем, что можно уверенно назвать живописью станковой, когда картина, сделанная для того, чтобы стать на подрамнике, не была на китайский манер написана на шелке. Амир Тимур собрал большую коллекцию «манийской живописи», то есть работ манихейцев, а также произведения буддийских мастеров живописи, обнаруженных им в оазисах Тарима. Согласно записям Ибн Арабшаха Амир Тимур приказывал изображать его баталии, аудиенции с правителями и послами зарубежных держав, дворцовые сцены и различные события, имевшие место во времена его правления.

Все эти мероприятия делались для того, чтобы увековечить память о подвигах Великого Полководца. Еще одним любимым хобби Амира Тимура было развитие и благоустройство садов и парков.

Самарканд, который был почти полностью разрушен Чингисидами отстраивался по-новому. Амир Тимур решил отстроить Самарканд так, чтобы он стал самым красивым и могущественным городом - столицей в мире и не имел себе равных. Не находя ничего хорошего в беспорядке восточных городов с их узкими и кривыми улочками, он разработал капитальный градостроительный план. Согласно этому плану, были снесены старые улицы и дома, а также лавки ремесленников в центре города и на их месте были выстроены проспекты один шире другого, они расходились от центра города. Также по поручению Амира Тимура была построена цитадель Арк с расположенным в центре Кук-Сараем (Голубым Дворцом), резиденцией Великого императора.

Большое значение в государстве имели сады и павильоны, которые возводились как дополнительные резиденции Амира Тимура. В отсутствие повелителя в эти сады могли входить все не зависимо от их социального положения. Таких садов было построено несколько, среди них самым известным был сад Баги Шимал (Северный сад), где в 1397 году по приказу Сахиб Кирана построили роскошный павильон, облицованный фаянсовой плиткой.

В это же время был возведен еще один сад в степи под названием Кан-и Гуль, который был посвящен жене Повелителя, дочери Хизир-ходжи из Моголистана, сад имел название Сад Открывающий сердце (Баг-и Дилафша). Длинные аллеи вели к небольшой центральной беседке, окруженной беломраморными колонами, где Амир Тимур обычно принимал послов и эмиров.

Был построен еще один сад Баги Нов (Новый сад), это был огромный квадратный участок, окруженный высокими стенами на четырех углах этих стен, были возведены круглые башни, красивый бассейн был декорирован синими и золотистыми плитками, покрытыми глазурью, отражавшими свет под яркими лучами солнца.

Также в эту эпоху были возведены еще два сада – это Баг-и Чинар (Платановый сад) и Баг-и Бе-Хеште (Райский сад).

Амир Тимур в свободное от походов время живо интересовался строительством и архитектурой своих построек. Под руководством Сахиб Кирана строительство шло быстрыми темпами, привлекалось огромное количество строителей со всего мира, часто люди работали на пределе своих возможностей, планы Великого Правителя были весьма амбициозными Самарканд и другие города отстраивались очень быстро и качественно. Строительство минаретов, дворцов и других зданий велось очень качественно, за каждым объектом наблюдали приближенные эмиры и они же несли персональную ответственность за них, использовались все строительные новшества: делались глубокие фундаменты, строились массивные опоры и

стены, контрфорсы (для предотвращения распора арок). также применялся строительный раствор на основе гипса.

До наших дней сохранились такие памятники культовой архитектуры как некрополь Шахи-Зинда (живой Царь), мечеть Биби -Ханым и усыпальница Амира Тимура под названием Гур -Эмир.

Строительные работы велись не только в Самарканде, но и в других городах империи. В Бухаре велись восстановительные работы на мавзолее Чашма Аюб, а в Ясе была отреставрирована гробница, а также был построен мавзолей Святого Ахмада Ясави, рядом была построена большая мечеть, построенная в 1404 году.

В своем родном городе Кеше, который Амир Тимур планировал сделать столицей, кроме Белого дворца, были восстановлены мавзолеи отца и двух сыновей Джахангира и Омар - Шайха. В каждом городе державы были построены мечети и медресе. В архитектуре Амир Тимура нас поражает противоречие между откровенной гигантоманией с одной стороны и притягательной красотой керамического декора с другой. Остановимся более подробно на трех основных монументальных ансамблях, которые являются шедеврами и неоспоримыми свидетельствами тимуридского Ренессанса.

Первый объект – это великолепная усыпальница Гур-Эмир. Самаркандский мавзолей Амира Тимура – один из самых красивых памятников, построенных в эпоху правления Сахиб Кирана. Гур-Эмир является первым крупным мусульманским погребальным зданием, его появление возвестило строительство настоящих погребальных дворцов. В начале строительства предполагалось построить на этом месте мечеть, посвященную памяти внука Амира Тимура Мухаммад – Султана, но после было принято решение построить мавзолей. Строительство Гур-Эмира началось в 1403 году на отведенном участке земли площадью 24 на 25 метров. Стоящий в центре участка, обустроенного довольно низкой балюстрадой, сделанной из ажурного мрамора, мавзолей имеет монументальный портик в виде айвана, по бокам которого возвышаются два минарета покрытых синими изразцами. Второй

айван, прорезанный в двухэтажной стене с плоскими нишами, открывает доступ в погребальный зал. Погребальный зал снаружи имеет вид восьмиугольника, он опирается на фундамент, утопленный в грунт на целых четыре метра и уходит вверх на сорок метров. Именно высота погребального зала помогает гармонично сочетаться с портиком и минаретами, один из которых составляет двадцать пять метров, а другие двенадцать метров. Восьмиугольник внизу опоясан мраморным цоколем, выше расположены кирпичи желтоватого цвета, а между ними вставлены другие кирпичи, покрытые голубой и ультрамариновой глазурью, которыми на разных размерах геометрических панно коричневого цвета выложены имена Аллаха и Мухаммада. Внутри этот зал производит впечатление крестообразного, благодаря глубоким нишам, увенчанным сводами, имеющими выступы в виде сталактитов. Декор состоит из барельефов расписного штука и майоликовых изразцов, которые покрыты темно-синей глазурью, плитуса из зеленого оникса, восьмиугольных алебастровых плиток. Украшенная мраморными кружевами балюстрада установлена вокруг саркофагов, один из которых вырезан из глыбы черной яшмы, который был подарен моголистанской княгиней Мирзо Улугбеку в знак уважения к его деду. Одним из самых оригинальных и красивых элементов архитектуры Гур-Эмира является ребристый купол, состоящий из шестидесяти округленных ребер, купол имеет вид приплюснутой формы, высота которого составляет 12,8 метра, что на 1,1 метр превосходит диаметр его базы. Купол сложен из майоликовых кирпичей бирюзового цвета, на которые нанесены желтые и ультрамариновые пятна. Купол покоится на высоком барабане, который в диаметре составляет четырнадцать метров, декорирован он многократно написанным угловатым куфическим шрифтом словом «Аллах». Купол двойной, внешний купол образует его силуэт и акцентирует устремленность вверх, а внутренний устанавливает равновесие между поверхностью зала и его высотой. Между внешним и внутренним куполами находится система тяг, которая закреплена

железными якорями в кирпичном центральном столбе, подпирающем самую высокую часть купола.

Теперь перейдем к другому памятнику средневековья, который носит название Биби-Ханым. Он является архитектурным шедевром, включающим в себя мечеть и медресе. Строительство святыни началось в 1399 году, сразу после возвращения Амира Тимура из индийского похода и продолжалось даже тогда, когда Сахиб Киран покинул эту бrenную землю в 1405 году. Амир Тимур мечтал построить самую грандиозную мечеть, которая должна была стать и самой красивой. Мечеть представляет собой прямоугольник, обнесенный стеной площадью 167 метров на 109 метров. Главный купол мечети имеет высоту 100 метров, входом служит большая кирпичная арка, которая опирается на массивные столбы, а также на круглые башни, имеющие вид минаретов. Диаметр арки составляет шестнадцать метров, а высота превышает двадцать пять метров. Её план повторяет давно ставший классическим план крестообразной медресе с четырьмя парными айванами (наклонных полуцилиндрических сводах, закрытых с трех сторон и открытых с четвертой стороны) айваны связаны между собой галереями с расположенными в них кельями, окружающими центральный двор. В данном случае айваны заменены тремя квадратными залами, которые накрыты куполами, зал напротив входа самый просторный и самый высокий из всех залов. Этот зал является молельней, которая имеет перекрытие в виде наклонного свода. Четыре минарета стояли по углам ансамбля, к сожалению, на сегодняшний день сохранился только один минарет. Во дворе находился фонтан для омовения, впоследствии Мирзо Улугбек построил на месте, где был фонтан гигантское каменное сооружение в виде пюпитра, который являлся подставкой для драгоценнейшего Корана халифа Османа, а именно первого Корана, привезенного после победы над Султаном Баязидом. Нижняя часть мечети была покрыта мрамором, а купол, арки и минареты были покрыты изразцовой мозаикой. Общая площадь кладки глазурованного кирпича и изразцов составляет около 10 тысяч квадратных метров, здесь

использована огромная палитра красок таких как: зеленые, коричневые, бирюзовые, желтые, черные и темно-вишневые, они искусно разбросаны по поверхности эпиграфических фриз и флористическим поясным карнизам, несущим на себе отпечаток самой изысканной элегантности.

Третий памятник архитектуры эпохи Амира Тимура мемориал Шахи-Зинда. Здесь не выказываются ни величие, ни державность, ни могущество, как в других памятниках, а демонстрируется изящество. тонкость и хрупкость столь характерная для усыпальниц, отчего они только выигрывают в красоте. Амир Тимур лично следил за ходом строительных работ, он делал это так же тщательно как руководил строительством других зданий и садов. Место, выбранное для строительства, считалось священным, это было место Кусамовых мучений, согласно преданию, здесь был обезглавлен двоюродный брат пророка Мухаммада Кусам ибн Аббас, который взял свою голову в руки и спустился по самому глубокому колодцу в чрево земли, с намерением там продолжать свою жизнь и дожидаться страшного суда. Автором плана Шахи-Зинда принято считать Амира Тимура. Осью «города мертвых» служит узкая аллея, которая начинается у Кусамовой усыпальницы, медленно спускаясь в южном направлении, она завершается довольно крутой лестницей из тридцати четырех ступенек. Слева и справа тянутся две почти не прерывавшиеся шеренги усыпальниц.

Среди сохранившихся наиболее старая усыпальница, сооруженная для увековечения Ахмада Ходжи. Наибольшее количество гробниц замечательной архитектуры были построены во времена правления Амира Тимура. Остальные были построены позже, как вход на кладбище и стоящие по бокам здания. Шахи-Зинда находится севернее города, на склоне холма Афрасиаб. Входом в него служит монументальный портик, рядом с которым расположены медресе и мечеть, которые обязаны своему возникновению Мирзо Улугбеку. После портика идет лестница ведущая к осевой узкой аллее. Одно из первых сооружений, находящихся с левой стороны, состоит из двух куполов, опирающихся на барабаны.

Немного дальше находятся заказанные Амиром Тимуром мавзолеи, некоторые из которых дополнены погребальными часовенками. Одна из таких усыпальниц принадлежит Тоглу-Текину, одному из великих военачальников Сахиб Кирана. Мавзолеи двух сестер Амира Тимура Ширин-бика -Ака, которую также звали Чучук -бика и другой сестры Турка-Ака, а также и ее дочери Шади-Мульк -Ака, находятся здесь, их присутствие говорит нам о том, что это старейшая гробница эпохи Амира Тимура. Дальше находятся еще некоторое количество гробниц воевод Амира Тимура, а на одной из гробниц увековечено имя женщины Улу-Султан-Бегума. Последней по времени является усыпальница одной из жен Амира Тимура, Туман-Ака датируемое 1405 годом.

Простая и благородная архитектура мемориала дает возможность понять, как меняется подход к организации горизонтальных и вертикальных плоскостей. Все это небольшие кубические залы, вход в которые оформляют портики, высокие и глубокие, которые выступают над плоскостями фасадов, своды которых украшены сталактитами или сотами декоративного назначения. Залы увенчаны куполообразными сводами гладкими или ребристыми. Абсолютно совершенными эти усыпальницы делает керамический декор, сталактиты и розетки, изразцы и фаянсовая керамика, а также отлитые из гипса части колон. Все работы выполнены мастерски, как в использовании колорита, так в распределении декора. Шахи-Зинда является одним из самых красивых в мире некрополей, а некоторые входящие в его состав постройки подлинными шедеврами. Нет ни одного учебника по истории исламского искусства, в котором не было бы упоминаний и фотографий этих монументальных ансамблей. Что касается прикладной науки, она бурно развивалась в более поздние времена, в их развитии принимал непосредственное участие внук Амира Тимура, Мирзо-Улугбек, но если бы Сахиб Киран не создал тот базис в своем государстве, то вряд ли в будущем появилась возможность заниматься наукой и делать выдающиеся открытия и изобретения. В последствии эти строения послужили прототипами

для известных памятников архитектуры эпохи Великих моголов, это мавзолей Хумаюна в Дели и Тадж Махал в Агре, которые были построены потомками Амира Тимура, правившими в Северной Индии. В последние годы благодаря воле руководства страны были проведены реставрационные работы почти всех памятников архитектуры в Узбекистане.

ГЛАВА VII

АНГЕЛ СМЕРТИ АЗРАИЛ, ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ И НАСТАВЛЕНИЯ АМИРА ТИМУРА

*«Живи так как хочешь ты, а не как ожидают от тебя другие.
Не важно оправдаешь ты их ожидания или нет,
умирать ты будешь без них.
И свои победы одерживаешь сам».*
Конфуций

В начале 1403 года Амир Тимур, находясь в Малой Азии получил сообщение, в котором говорилось о том, что Султан Баязид, находящийся в плену, заболел, лучшие доктора пытались его вылечить. Баязида Молниеносного содержали вместе с его сыном Мусой, который тоже находился в плену, за обоими пленниками приглядывал один из верных эмиров рода Барласов. По случаю победы над оттоманскими турками были проведены празднества на равнине Кьютахия. Все добытые в ратном бою

сокровища были разделены, по справедливости, между эмирами, военачальниками и обычными воинами армии Амира Тимура. Султана Баязида привели на пир он получил королевскую одежду, корону и скипетр, что являлось атрибутами властелина империи. Это больно уязвило султана Баязида. Амир Тимур и Баязид Молниеносный ждали приезда шейха от эмиров османской империи, который должен был привезти девять тысяч флоринов золотом. Это был выкуп, назначенный за жизнь султана Баязида. Но шейх слишком долго не приезжал именно в это время ожидавший выкупа султан Баязид, тщательно охраняемый в королевском караване, сильно заболел. Его осмотрели личные придворные врачи Сахиб Кирана, но это не помогло больному. В начале марта 1403 года Баязид Молниеносный покинул эту бrenную землю и был отправлен на милость Аллаху славному.

Амир Тимур приказал похоронить султана Баязида со всеми почестями в королевском османском мавзолее в городе Брусса. Большинство потенциальных врагов и соперников Амира Тимура покинули этот мир, среди них были: Кутлугоглан кипчакский князь, который был правителем Золотой Орды, мамлюкский султан Баркук, который правил Египтом и Сирией, Хизир-Ходжа хан монголов, а также отец младшей жены Амира Тимура, император Китая Хун-Ву, теперь ушел султан Баязид, но и в империи Сахиб Кирана умерло не мало преданных людей, близких к персоне императора. Один за другим уходили на тот свет почтенные эмиры и братья по оружию Великого Полководца, что конечно же расстраивало Амира Тимура.

Перед битвой у Анкары умер Сайф-ад дин, после этой битвы осенью 1402 года умер Султан Махмуд (1384-1402 годы) чагатайский хан, который взял в плен Султана Баязида. Он был наследником своего отца Суюргатмыш-хана и его имя вместе с именем Сахиб Кирана произносилось в молитвах по пятницам и чеканилось на монетах. После смерти Баязида Молниеносного, пришла весть о тяжелой болезни, а затем и смерти Мухаммад - Султана, сына Джахангира и Хан-Зады. Наследник был мертв, не только армия, но и весь двор были в трауре. Похоронные церемонии были проведены в Авнике, в

последний раз согласно традиции, прозвучал огромный барабан принца, под звуки ударов барабана плакал весь двор и солдаты императорской армии, после этого барабан был разбит в дребезги, чтобы никогда больше не звучал в честь другого принца.

Несмотря на свое горе Амир Тимур был вынужден вернуться к решению оставшихся проблем, от Авника императорская армия двинулась на северо-восток и совершенно неожиданно возникла перед грузинами. Георгий VII не выполнял свои обязательства, которые должен был исполнить по договору с Амиром Тимуром. К битве у Анкары Георгий VII должен был прислать свои войска в помощь армии Сахиб Кирана, но он не прислал обещанных войск, а также не предстал перед двором Амира Тимура как ему повелевалось. Начался новый поход по захвату Грузии, первой крепостью на пути армии Великого Полководца стала крепость Куртин, хорошо укрепленная и обеспеченная продовольствием, крепость фактически была не доступна, попасть в нее можно было только с помощью лестниц и канатов, благодаря которым можно было проникнуть через высокие стены. Прямо напротив крепости соорудили высокие платформы, на которые установили стенобитные и камнеметательные машины. В то же время один из воинов нашел брешь в обороне противника, он нашел тропинку через горы, которая вела во внутреннюю часть крепости. Воспользовавшись веревками и лестницами около пятидесяти воинов, проникли внутрь крепости, все это произошло ночью, когда защитники крепости благополучно спали. На рассвете началась осада, ворота крепости были разбиты камнями, пущенными с платформы. Воины стали проникать через ворота внутрь крепости, а отряд, который проник ночью стал атаковать изнутри. Осада заняла около девяти дней и закончилась полной победой армии Амира Тимура. Те воины, которые героически проделали первую брешь в обороне противника были хорошо вознаграждены, им выдали деньги из казны, девушек, верблюдов, лошадей и различные земельные участки с садами на их родине. Правитель грузинской крепости и его приближенные были казнены, а его жену отправили как

подарок своему союзнику Князю Дербентскому. По всей стране местные жители оказывали жесточайшее сопротивление, а правитель Георгий VII все еще не прибыл к Амиру Тимуру, тогда Великий Полководец решил действовать хитростью, он заставил пленных видных и уважаемых грузин, написать письмо в котором они советовали своему королю покориться, а в случае непокорения армия Амира Тимура уничтожит армянских подданных короля Георгия VII которые более доступны в их южных долинах, чем грузины в высокогорных районах. Георгий VII вынужден был покориться и предложил заключить соглашение. Посредниками при заключении соглашения были Шайх Ибрагим, Ширван и князь Дербентский, которых попросил Георгий VII. Договор был заключен осенью 1403 года, грузинский король, сославшись, на здоровье не приехал лично ко двору Амира Тимура. Он послал своих людей с дорогими подношениями для Сахиб Кирана, послы привезли тысячи золотых монет, на которых было отчеканено имя Амира Тимура, замечательный рубин весом в 18 карат, стадо породистых лошадей, дорогие ткани, а также хрустальные и серебряные посуды великолепной красоты.

После заключения соглашения с Георгием VII, войска Амира Тимура двинулись на Тифлис, по пути разрушая села и монастыри, которые оказывали сопротивление, после операции по принуждению и повиновению Грузии, Великий Полководец приказал войскам двигаться на Карабах. Это было любимым местом отдыха Амира Тимура на восточном Кавказе. Находясь на отдыхе зимой 1403-1404 годов, Амир Тимур увидел там остатки древних акведуков города Байлакан. Город был razoren еще в XIII веке чингисидами. По приказу Сахиб Кирана войска были направлены на восстановительные работы. Были реконструированы или заново отстроены: Караван Сарай, села и сады построены новые базары и бани, отремонтированы стены и рвы города. Также был построен канал для снабжения города водой из реки Арас. По берегам этого канала были посажены сады и виноградники, канал был назван Барласы в честь рода Амира Тимура. Сахиб Киран назначил Абу-Бакра

правителем Багдада и Ирака, а север включая Тавриз и Султанию передал во владения принцу Умару, второму сыну Мираншаха. В Карабах был вызван из Самарканда принц Умар на курултае, проведенном в Карабахе, он получил назначение, это событие произошло в начале 1404 года. Сюда же прибыл друг и старый советник Амира Тимура Шайх Барака, он принес свои соболезнования по случаю смерти Мухаммада Султана, это была последняя встреча друзей, через некоторое время Шайх Барака скончался. Еще один человек из близкого окружения Амира Тимура покинул эту бrenную землю.

Годовщина смерти Султана Мухаммада была сопровождена торжественными поминками. Тело принца было вывезено из Авника и переправлено в Самарканд для погребения. Перед тем как покинуть Карабах Амир Тимур приказал организовать большую охоту, в этой охоте участвовало большое количество борзых, английских догов и леопардов, они должны были гнать животных к охотникам. Охота была славной и продолжалась более трех дней и ночей. Среди трофеев были газели, олени и даже тигры, а также огромное количество других животных, Низам-ат-дин Шахи провел церемонию молитв и прочел Кутбу по окончанию поста Рамазан, также он завершил написание хроники событий и представил свой труд Амиру Тимуру.

Все страны от Карабаха до Трапезунда были переданы в правления принцу Халил – Султану, закончив со всеми делами Амир Тимур двинулся домой в Самарканд. По прибытию в Самарканд Амир Тимур устроил большой праздник в саду Кани-Гиль, был проведен большой курултай, а также свадебные церемонии женившихся пяти внуков Сахиб Кирана, торжества удивили всех включая иностранных послов, присутствовавших на этих мероприятиях.

В 1403 году юный минский наследник Китайской империи был разбит в бою со своим дядей, который захватил власть и провозгласил себя императором Юн-Ло. Китайский посол Ан и члены его посольства находились в это время в Мавераннахре. Новый Минский император направил к Амиру Тимуру нового посла, требуя отправить Ана в Китай и выплатить

традиционную дань признания. Еще одним условием китайского императора было то, что дань должен был привезти и вручить лично Амир Тимур, узнав новости и условия послания Сахиб Киран приказал задержать послов Китая.

Был созван внеочередной курултай, на котором было принято решение начать поход на Китай. Курултай закончился торжественными празднествами в Кани-Гиле. К этому времени семья Амира Тимура состояла из тридцати четырех принцев и тридцати шести принцесс второго и третьего поколения, кроме них были два сына и дочка. Вся семья оплакивала безвременно ушедшего Мухаммад Султана. После окончания празднования в Кани -Гиле Сахиб Киран посвятил все свое время решению государственных вопросов. Был созван официальный военный совет, где обсуждался вопрос о проведении военной операции против Минского императора. Война с империей Китая являлась бы доказательством преданности Амира Тимура исламским традициям. Благочестивый подвиг помог бы загладить шероховатости прошлого, когда пришлось пролить большое количество крови правоверных мусульман. На земле не могли править одновременно несколько правителей империи между ними обязательно должна была возникнуть война за единоличное правление всем миром.

Ситуация нестабильности в Китае являлась угрозой Великому Шелковому Пути. Невозможно было заниматься караванной торговлей, когда на территории Китая было огромное количество грабителей и разбойников, которые игнорировали центральную власть китайского императора.

Осенью 1404 года Амир Тимур прибыл в Самарканд, по случаю торжества связанного с открытием мавзолея Гур-Эмир. Этот мавзолей был построен в честь внука Сахиб Кирана Мухаммад Султана. За красивыми деревянными дверьми вырезанными полумесяцем и звездами, инкрустациями из жемчуга и кости покоилось тело Мухаммад-Султана. На мавзолее Гур-Эмир была надпись, которая гласила «Это гробница Султана Мира Тимура Гургана». Позже надпись была похищена и продана в Константинополе Берлинскому музею. Благодаря дипломатам и выплате компенсации ее

возвратили на родину. Внук Амира Тимура Мирзо Улугбек привез из Могулистана самый крупный нефрит из известных в мире, плита из нефрита была темного серо-голубого цвета, она была установлена на могиле Сахиб Кирана. Надир-шах в 18 столетии захватил Самарканд и вывез плиту в город Мешхед в Персию. Позже нефритовая плита была возвращена на свое место. При перевозке плита дала трещину по середине. Посол Генриха Кастильского, Рюи Гонзалес Клавихо был тоже приглашен на торжества по случаю открытия гробницы. Испанское посольство было представлено Амиру Тимуру, Эмир Шах Малик передал ценные подарки послам Генриха Кастильского, среди которых была сумка с деньгами, в ней было тысяча пятьсот серебряных монет. Посол Клавихо не получил прощальной аудиенции и никакого ответного послания для своего короля. Также посольство попросили срочно уехать и покинуть Мавераннахр, им объяснили, что Амир Тимур смертельно болен. Кроме того, послам объяснили, что в их же собственных интересах срочно покинуть Самарканд, до того, как будет объявлено о смерти Сахиб Кирана. Послов Египетского султана Фараджа также поспешили отправить на родину им было передано письмо Амира Тимура для султана Фараджа, где говорилось о том, что султану надлежало отправить багдадского султана Ахмад Джалаира и голову Кара Юсуфа, которые были в плену у султана Фараджа. Также послам передали дорогие подарки для султана Фараджа. Двум сыновьям Шахруха, которым было по десять лет был передан Могулистан до границ Китая. Семиречье было передано любимому внуку Мирзо Улугбеку, Ибрагим султан получил Таримские оазисы.

Все эти принцы должны были сопровождать Амира Тимура в походе на Китай. Остальные принцы получили назначение командующих армий, султан Хусейн должен был командовать левым флангом. а Халил-Султан правым. Принц Пир-Мухаммад Джахангир, который был двоюродным братом покойного Мухаммад-Султана, был назначен правителем в королевстве Газни. Эмиры проверили войска и произвели подсчет, а также осмотрели снаряжение воинов армии императора. Было собрано около 200 тысяч воинов, среди

которых были войска из Хорасана и Мазандарана, Азербайджана и Персии, из Сеистана и Афганистана. Амир Тимур понимал, что до того, как начать боевые действия с китайским императором необходимо пройти длинный путь. Дорога проходила через пустынные места Могулистана, севернее Тянь-Шаньских гор.

Могулистан был расположен между Китаем и Мавераннахром, он был редко населен в основном кочевыми племенами. а сельское хозяйство в этих местах было совсем неразвито. На этих территориях почти не было обрабатываемых земель, которые позволили бы развивать земледелие, Сахиб Киран направил своих эмиров с целью расширения земельных угодий пригодных для выращивания зерновых культур. На расстоянии десятидневного марша от Ашпары планировалось построить крепость, войска, которые охраняли эту крепость должны были подчинить все местные племена кочевников и обеспечить базу для дальнейшего наступления на Китай. Это задание было поручено Эмиру Аллахдаду, также он получил приказ организовать работы по возделыванию продовольственных культур и обработки земли. Это позволило бы увеличить количество урожая и в результате привело бы к развитию скотоводства и животноводства в целом.

Все войска должны были иметь запас продовольствия и вооружения, каждый воин должен был иметь все необходимое в походе и в бою в десять раз превышающее необходимые нормы. В обозах отправлялось посевное зерно, которое планировалось посадить в Могулистане и, если будет такая необходимость воспользоваться этим урожаем на обратном пути возвращаясь с Китая. Также в обозах было огромное количество оружия и снаряжения. Чтобы обеспечить армию продовольствием, каждый человек брал с собой десять молочных коз и две коровы. в случае необходимости они должны были пойти на мясо. Было собрано тысячи верблюдов и лошадей, имперская казна была поставлена под надзор специальной охраны. Собственный багаж императора Амира Тимура умещался примерно на пятистах обозах.

Войска получили приказ о начале великого похода на завоевание Китая, количество армии Сахиб Кирана составляло порядка двухсот тысяч человек.

Получив донесения о том, что армия Амира Тимура начала движение на владения китайского императора, китайским военачальникам был дан приказ немедленно начать готовиться к войне. Во главе армии китайского императора был назначен командующий Кансу.

В этот год зима пришла особенно суровой, выпало много снега и было очень холодно. Войска Амира Тимура дошли до Аксулата, который находился на западе Сыр-Дарьи и вынуждены были расквартироваться там на один месяц. Халил султан со своими войсками был отправлен в Ташкент, а Султан-Хусейн в Ясу. Все губернаторы и чиновники, которые оставались на родине получили последние указания по правлению на период отсутствия Сахиб Кирана.

Амир Тимур должен был отрегулировать один семейный вопрос, который касался его внука Халил-Султана. Ему исполнилось двадцать лет, Амир Тимур очень уважал и любил его за его способность в военном искусстве и за смелость. Он был сыном принцессы Хан-Зады от ее второго мужа Мираншаха. Халил-Султан также пользовался любовью и уважением среди воинов императора, он был щедрым и великодушным человеком. К несчастью, он влюбился в девушку из низкого сословия, Шади-Мульк, она была наложницей гарема Шайха Сайф ат-дина. Страсть к этой девушке была настолько сильной, что он решил жениться на ней. Одна из других жен Султана -Халила, будучи беременной из ревности сообщила об этом Сахиб Кирану по его возвращению в Самарканд. Император распорядился арестовать эту девушку, но Султан Халил спрятал ее. Девушку должны были найти и казнить, но за нее заступились сначала Пир-Мухаммад Джахангир, а затем императрица Сарай Мульк-Ханум, которая попросила эмиров Нураддина и Шах Малика передать Сахиб Кирану, что девушка ждет наследника от Халил-Султана, Шади - Мульк пощадили и направили под опеку одной из королев до рождения ребенка.

Несмотря на плохие погодные условия Амир Тимур стремился как можно скорее пройти пустынные районы, он покинул Аксулат и двинулся к

Сыр-Дарье. Все броды через Аму-Дарью и Сыр -Дарью были скованы льдом, войска перешли реку по льду. «Ветер затруднял дыхание человека, он подавлял его дух и замораживал его на лошади, а также на верблюде, до тех пор, пока не разрушал все его мягкие части тела. Поэтому многие погибли в его армии, вельможи и чернь одинаково, и зима погубила больших и малых среди них. Но Амир Тимур не думал о мертвых и не печалился о тех, кто погиб» - вспоминал Арабшах.

К середине января армия достигал Отрара, который находился в двухстах пятидесяти милях от Самарканда. Амир Тимур и его эмиры разместились во дворце эмира Берды-бека. Берды-бек был правителем Отрара, он принял гостей с особыми почестями. В дни проживания в Отраре к Амиру Тимуру прибыли послы Тохтамыша, бывшего когда-то ханом Золотой Орды. В своем послании хан-Тохтамыш приносил свои извинения за свою неблагодарность Сахиб Кирану и просил возможности заслужить прощение Амира Тимура. Послы получили ответ от Амира Тимура, в котором сообщалось, что по возвращению императора из Китая, улус Джучи будет передан Тохтамышу в правление.

Холод только усиливался, и эмиры попросили Сахиб Кирана смягчить ограничения и объявить о проведении празднеств. Амир Тимур пошел на встречу своим эмирам и объявил о проведении пиршества, которое продолжалось в течении трех дней. Амир Тимур, пытаясь согреться выпил большое количество вина, но не притронулся к еде. Придворные врачи во главе с главным лекарем из Тавриза Мауланом Фадлом, пытались помочь и вылечить императора, у него было воспаление желудка и кишечника. В какой-то момент неспособный говорить Амир Тимур поднял два пальца и хотел, чтобы эмиры, собравшиеся вокруг него, попытались разъяснить смысл этого жеста. Не получив выразительного ответа, Сахиб Киран сказал, что жест означает то, что через два дня его не будет среди них. На вопрос, заданный врачам, был получен ответ, что Сахиб Кирану осталось жить, к величайшему сожалению, примерно два дня.

Амир Тимур сказал своим эмирам и принцам, чтобы после того, как его душа покинет тело они не оплакивали его смерти, так как это уже ничем не поможет. Никогда нельзя было отпугнуть смерть слезами. Вместо этого попросите у Всевышнего простить меня и дать утешение моей душе. Я надеюсь, что Аллах простит мои грехи, которых у меня много, говорил Амир Тимур своему окружению.

Пир-Мухаммад сын Джахангира был назначен наследником Сахиб Кирана, он должен был держать под своей властью трон Самарканда, а также управлять всей империей и армией, находящихся под правлением Амира Тимура. Все принцы, эмиры и чиновники должны были повиноваться и принять присягу верности Пир-Мухаммаду. На вопрос эмиров направить сообщение султану Халилу, был получен ответ, что нет никакого смысла, так как те, кто отсутствует не смогут прибыть вовремя. Амир Тимур обратился к принцам, находящимся при нем, и повторил: помните, что я вам сказал об отношении к народу. Будьте твердыми и храбрыми. Держите меч в руках с доблестью. Я очистил территории Ирана и Турана от врагов и нарушителей мира. дал им справедливость и благосостояние. Если вы исполните мое завещание, корона и королевство останутся в ваших руках. Маулан читал Коран, наступила ночь. Амир Тимур смог произнести несколько раз фразу: «Нет бога кроме Аллаха» (Ля Иляха илля Ллях). Душа Сахиб Кирана покинула эту бrenную землю, это случилось в ночь на 18 февраля 1405 года на равнинах Отрара недалеко от Сыр-Дарьи.

Сахиб Киран обладал качествами необыкновенного человека, он был личностью грандиозного масштаба, стоял и стоит в одном ряду с такими великими людьми как Александр Македонский, Дарий, Цезарь, Чингисхан, и Бонапарт, это один из величайших людей, сделавший большой вклад в развитие своего народа и Исламской религии.

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ АМИРА ТИМУРА

ГОД	СОБЫТИЯ
1336	Рождение Амира Тимура. Шахрисабз, долина р. Кашкадарья.
1346	Эмир Казаган свергает Казанхана
1358	Убийство эмира Казагана. Хан Могулистана Туглу-Тимур вторгается в Мавераннахр
1360	Амир Тимур поступает на службу Туглук _тимуру. Туглук -Тимур назначает своего сына Ильяс-ходжу правителем Мавераннахра. Амир Тимур разрывает отношения с ханом Могулистана и присоединяется к эмиру Балха Хусейну
1362	Бегство Амира Тимура и Хусейна в пустыню. Ильяс -ходжа наследует трон отца в Моуглистане и становится ханом. Амир Тимур женится на сестре Хусейна Олжай Туркан-ага. Ранение Амира Тимура. Амир Тимур и Хусейн наносят поражение Ильяс -ходже и вытесняют его из Мавераннахра.
1365	Вторжение Ильяс-ходжи в Мавераннахр. Битва в грязи. Поражение Амира Тимура и Хусейна, их бегство. Оборона Самарканда сарбадарами, поражение и отступление Ильяс-ходжи.

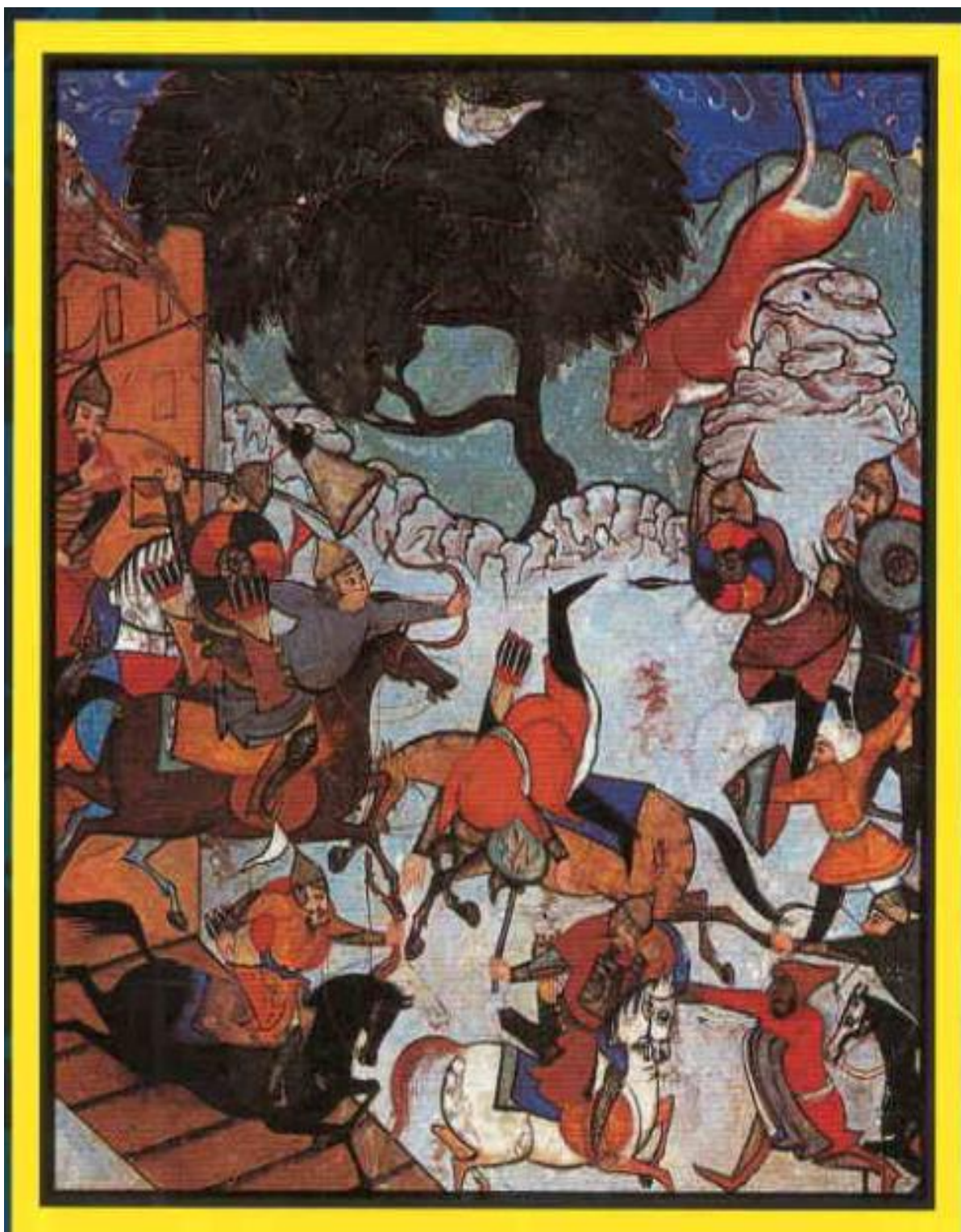
1366	<p>Амир Тимур и Хусейн захватывают руководителей сарбадаров и Самарканд. Четыре года вражды между Амир Тимуром и Хусейном. Убийство Ильяс -ходжи в Могулистане.</p> <p>Камаратдин, его соперник становится правителем Могулистана. Смерть жены Амира Тимура –Олжай Туркан -ага</p>
1368	В Китае свергнута юаньская династия, к власти приходит минская династия
1370	<p>Амир Тимур наносит поражение Хусейну в Балхе.</p> <p>Убийство Хусейна. На курултае в Балхе Амир Тимур провозглашен правителем Мавераннахра, Амир Тимур женится на вдове Хусейна, Сарай-Мульк-ханум, дочери Казанхана.</p>
1372	<p>Амир Тимур организует экспедицию против династии Суфи в Хорезме.</p> <p>Захват Кита. Достижение соглашения с Суфи, они обещают принцессу Хан-заде выдать замуж за сына Амира Тимура Джахангира.</p>
1373	Вторая экспедиция против Хорезма. Хан-заде прибывает в Самарканд
1375	<p>Поход на Могулистан. Бегство Камаритдина. Его ставка и гарем захвачены.</p> <p>Амир Тимур женится на Дилшад-ага, дочери Камаритдина. Возвращение в Самарканд. Рождение сына Джахангира и Хан-зады -Мухаммад Султана.</p> <p>Смерть Джахангира, старшего сына Амира Тимура. Хан-зада становится женой младшего сына Амира Тимура –Мираншаха.</p>
1376	<p>Амир Тимур разгоняет племя джалаилов, поднявшее восстание. Амир Тимур оказывает поддержку Тохтамышу, беглому наследнику из Белой Орды. Тохтамыш терпит поражение от своих соперников.</p>
1377	Тохтамыш вновь получает поддержку от Амира Тимура и вновь терпит поражение

1378	Вновь Амир Тимур снаряжает Тохтамыш. Тохтамыш добивается успеха и становится ханом Белой Орды.
1379	Второй поход против Хорезма. Захват Ургенча, ученые и ремесленники отправлены в Шахрисабз. Князь Карта и Герата, вызван к Амиру Тимуру, чтобы засвидетельствовать почтение.
1380	Битва на Куликовом поле. Московский князь Дмитрий Донской наносит поражение эмиру Золотой Орды Мамаю. Битва на Калке. Тохтамыш наносит поражение Мамаю и становится ханом объединенной Золотой Орды (Золотой и Белой). Мираншах провозглашен правителем Хорасана
1381	Поход на Хорасан. Князь Карта и Герата сдается Амиру Тимуру без сопротивления. Городская казна захвачена. Амир Тимур возвращается в Самарканд. Двор проводит зиму близ Бухары.
1382	Поход в Мазандаран. Все прикаспийские княжества подчиняются Амиру Тимуру. Амир Тимур проводит зиму близ Самарканда
1383	Поход на Могулистан. Камаритдин вновь спасается от плена. Восстание в Хорасане. поход на Хорасан. Захват Исфиджара
1384	Сейистан захвачен и разорен. Зарандж, столица захвачена и разрушена. Кандагар взят штурмом. Султан Ахмад Джалаир спасается бегством. Амир Тимур захватывает Султанию. Возвращение Амира Тимура в Самарканд. Амиру Тимуру подчинены Мавераннахр, Хорасан, Афганистан, Сейистан и Мадндаран вплоть до Султании
1385	Тохтамыш хан Золотой Орды грабит Табриз. Трехлетняя кампания в Персию (владения хулагидов). Взятие Табриза, правители провинции капитулируют. Первый поход в Грузию. Тифлис взят штурмом.

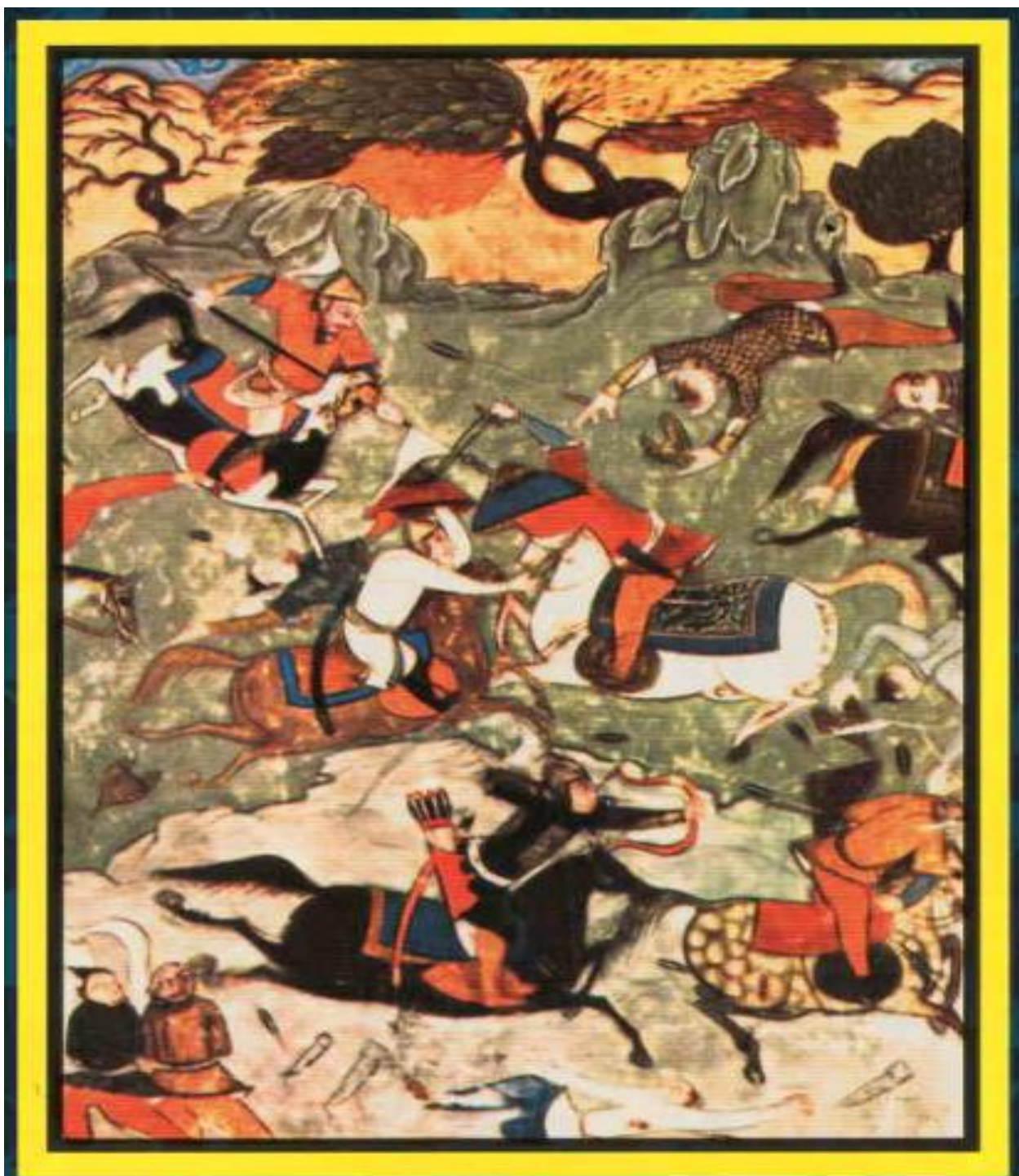
	Зима : мелкие стычки с отрядами Тохтамыша в Дербентском регионе
1387	<p>Борьба Амира Тимура против туркменов Кара-Коюнлу, союзников султана Ахмада Джалаира. Захват армянских крепостей. Поход против Музаффаридов, правителей юго-западной Персии. Исфаган предан мечу после восстания горожан.</p> <p>Фарс покоряется Амиру Тимуру. Капитуляция Шираза. Музаффариды становятся вассалами Амира Тимура.</p> <p>Тохтамыш при поддержке правителей Хорезма нападает на Мавераннахр, наносит поражение сыну Амира Тимура Умар-Шайху, осаждает Бухару, грабит оазисы, сжигает дворец Чагатая в Кашкадарье. Амир Тимур возвращается в Мавераннахр. Тохтамыш отходит за Сыр-Дарью.</p>
1388	Карательная экспедиция против Хорезма. Ургенч сравнен с землей. Тохтамыш вновь нападает на Мавераннахр с северо-востока и отступает.
1389	Хизр-ходжа (сын Туглук-Тимура) изгоняет Камаратдина и провозглашается ханом Могулистана. Амир Тимур начинает новый поход на Могулистан. Хизр -Ходжа разгромлен и вынужден бежать. Амир Тимур празднует победу в Юлдузе (Тянь-Шань). Камаратдин пытается восстановить свою власть, Восстание в Хорасане подавлено Мираншахом.
1390	Поход против Камаратдина, который бежит за Иртыш и спустя три года исчезает. Хизр-ходжа заключает мир с Амиром Тимуром. Зима: Амир Тимур со своей свитой проводит зиму близ Ташкента.
1391	Январь: Амир Тимур двинулся на север. Форсирует Тобол и поворачивает на запад, переходит реку Урал. Середина июня: вступает в контакт с Тохтамышем и Золотой Ордой. Битва у Кундузча. Поражение и бегство Тохтамыша. Победные торжества на берегу Волги. Зимовка близ Ташкента.
1392	Амир Тимур возвращается в Самарканд. Май: выступление в поход на запад в пятилетнюю кампанию. Карательные экспедиции курдов.
1393	Вторая кампания против Грузии. Музаффаридский предводитель Шах Мансур разгромлен после ожесточенного сопротивления.

	<p>Шираз захвачен во второй раз. Багдад покоряется Амиру Тимуру. После сильного сопротивления взята крепость Такрит. Взята Басра, близ Персидского залива. Смерть Умар-Шайха.</p> <p>Войска Амира Тимура в тяжелых условиях из-за зимних ветров и дождей. Султан Баркук предоставляет убежище султану Ахмад Джалаиру, отвергает предложение Амира Тимура и казнит посла Амира Тимура.</p>
1394	<p>Весна: Амир Тимур возобновляет штурм Мардина. Союз между Тохтамышом и Баркуком. Баркук собирает силы и двигается на север, на Дамаск. Султан Ахмад восстановлен в Багдаде. Амир Тимур двигается на Алеппо. Амир Тимур переезжает на зимние квартиры.</p> <p>Ноябрь: Баркук, уверенный, что Амир Тимур возвращается домой, уходит в Египет. Стычки с Тохтамышем на Кавказе.</p>
1395	<p>Апрель: битва на Тереке. Разгром войск Тохтамыша, Золотая Орда рушится. Войска Амира Тимура опустошают приволжские регионы, разрушение Астрахани и Сарая.</p> <p>Август: войска Амира Тимура достигают Ельца и возвращаются на юг.</p> <p>Тяжелая зима: войска в бедственном состоянии.</p>
1396	<p>Весна: наступление на Грузию.</p> <p>Лето: возвращение в Самарканд. Население освобождается от налогов на три года. Сооружение дворцов и садов, украшение Самарканда. Битва при Никополи: оттоманский султан Баязид наносит поражение войскам крестоносцев</p>
1397	<p>Амир Тимур у Ташкента ожидает монгольскую невесту, дочь Хизр-ходжа и готовится к восточному походу.</p> <p>Осень: отправка Пир-Мухаммад Джахангира на юг в Пенджаб.</p>
1398	<p>Весна: Амир Тимур возвращается из Сыр-Дарьи в Самарканд</p> <p>Март: Амир Тимур с армией двигается на юг и проходит Гиндукуш, достигает Кабула.</p> <p>Архиепископ Иоанн назначен в Султанию</p> <p>Декабрь: падение и разграбление Дели</p>
1399	<p>Амир Тимур возвращается домой по северным склонам Гиндукуша</p> <p>Май: Амир Тимур возвращается в Самарканд. Начало строительства соборной мечети. Смерть египетского султана Баркука.</p>

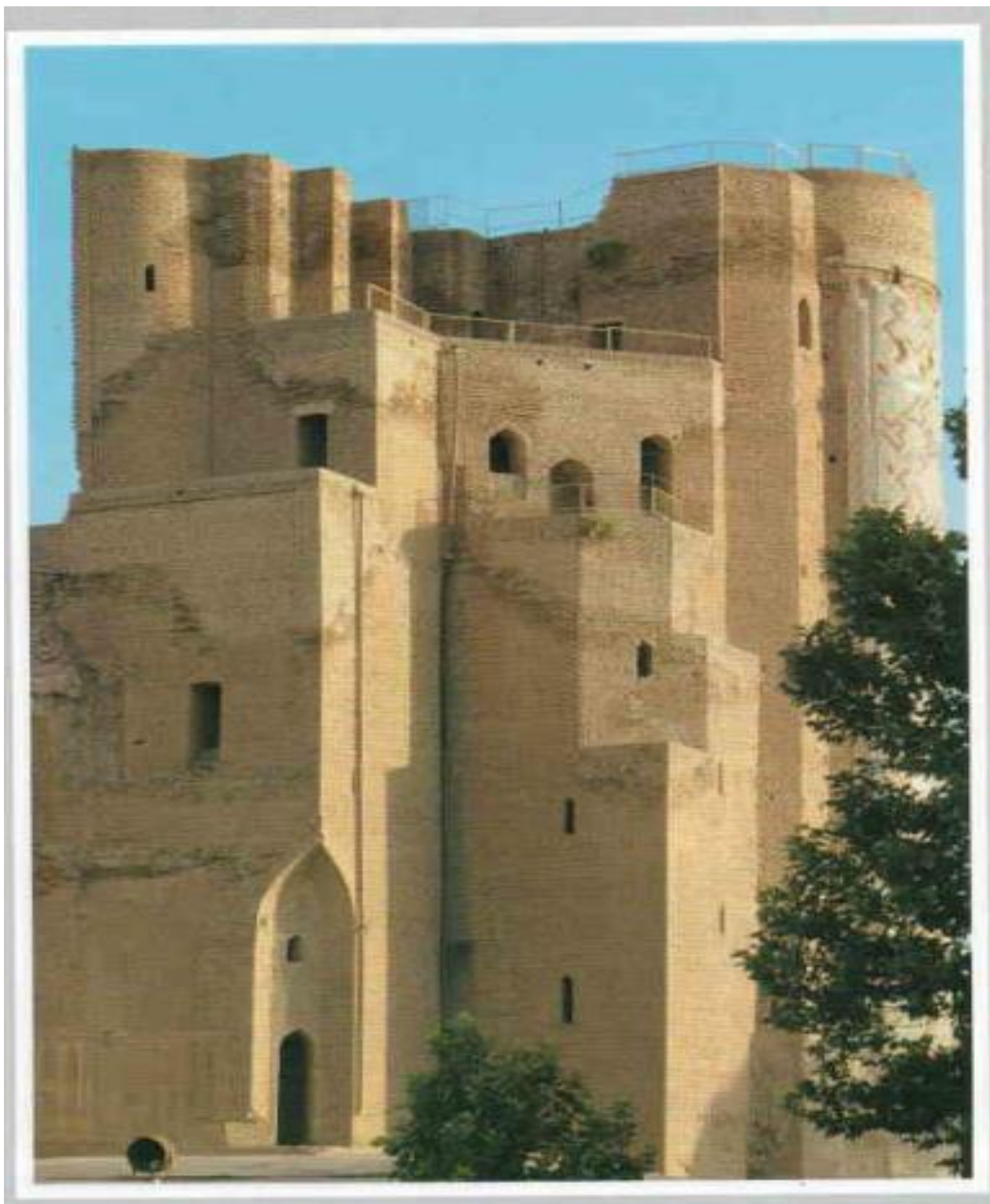
	Октябрь: семилетний поход на запад. Смещение Мираншаха, Султан Ахмад Джалаир бежит к султану Баязиду. Новости о смерти императора Мин в Китае. Амир Тимур зимует в Карабахе.
1400	Лето: захват Сиваша. Октябрь: падение Алеппо(Сирия)
1401	Январь: Дамаск пал и опустошен Март: Амир Тимур возвращается на север Лето: Багдад взят штурмом и опустошен Зимние квартиры в Карабахе. Переговоры с Византией и другими западными державами
1402	Февраль: воины Амира Тимура движутся на запад. Из Самарканда прибывает подкрепление под началом наследника Мухаммад Султана. Сиваш -смотр войска Амира Тимура Июль: битва при Анкаре, разгром оттоманских войск, захват в плен султана Баязида Декабрь: Смирна (крепость рыцарей ордена Св. Иоанна) осаждена и разграблена
1403	Возвращение на восток через Анатолию. Март: смерть Баязида в плену и смерть наследника Мухаммад Султана Абу Бакр, сын Мираншаха отвоевывает Багдад у племени Кара-коюнлу. Осень: достижение соглашения с грузинами Зима: Карабах на отдыхе со своей свитой
1404	Весна: возвращение в Самарканд через Мазандаран Август: прибытие в Самарканд, прибытие испанского посольства во главе с Клавихо. Развертывание строительных работ в Самарканде Сентябрь: курултай в Кани-Гиле, освящение мавзолея Мухаммад-Султана в Самарканде. Начало похода на Китай
1405	Середина января: прибытие в Отрар 18 февраля смерть Амира Тимура.

Покорение Систана
миниатюра из «Зафар -наме»
Шарафад-Дина Али йизди. Самарканд 1629г

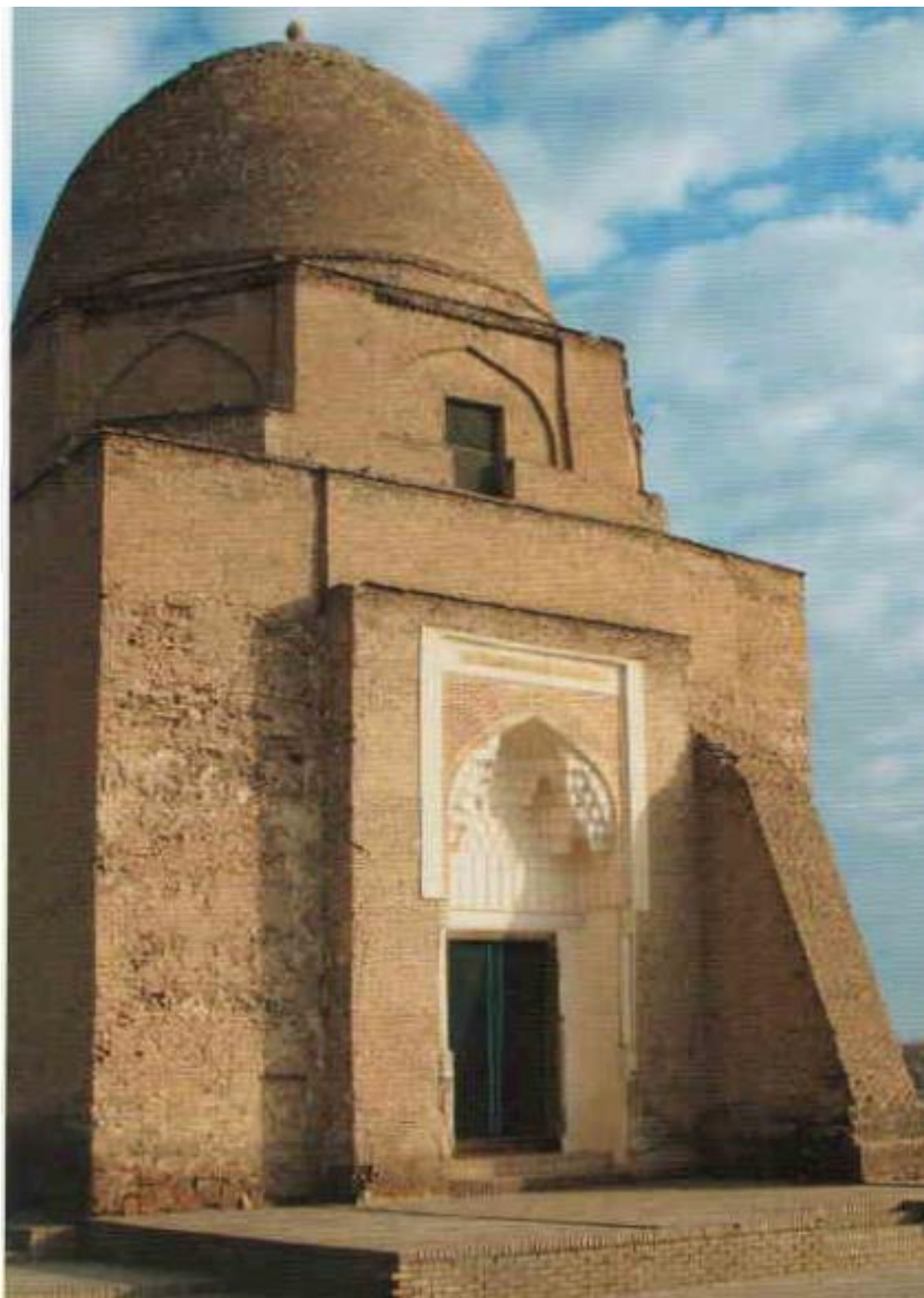

Амир Тимур в битве у Исфахана.
миниатюра из «Зафар -наме»
Шарафад-Дина Али йизди. Самарканд 1629г

Устои портала дворца Ак Сарай

Шахрисабз (Кеш) XIV в.

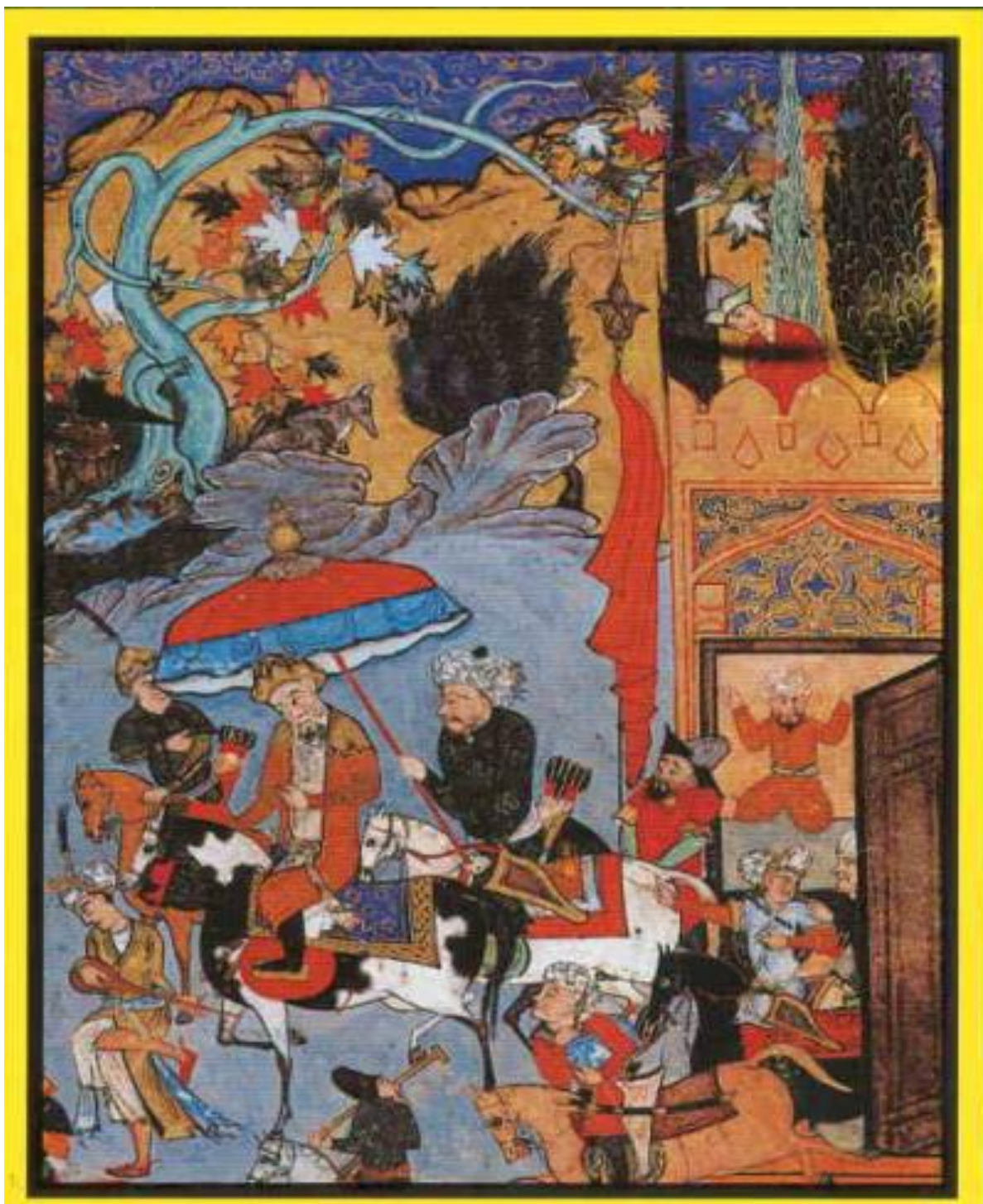
Мавзолей Рухабад
(мавзолей шейха Бурхан ад -Дина Сагарджи)
Самарканд XIV в

Пир в Кеше в честь Амира Тимура

миниатюра из «Зафар -наме»

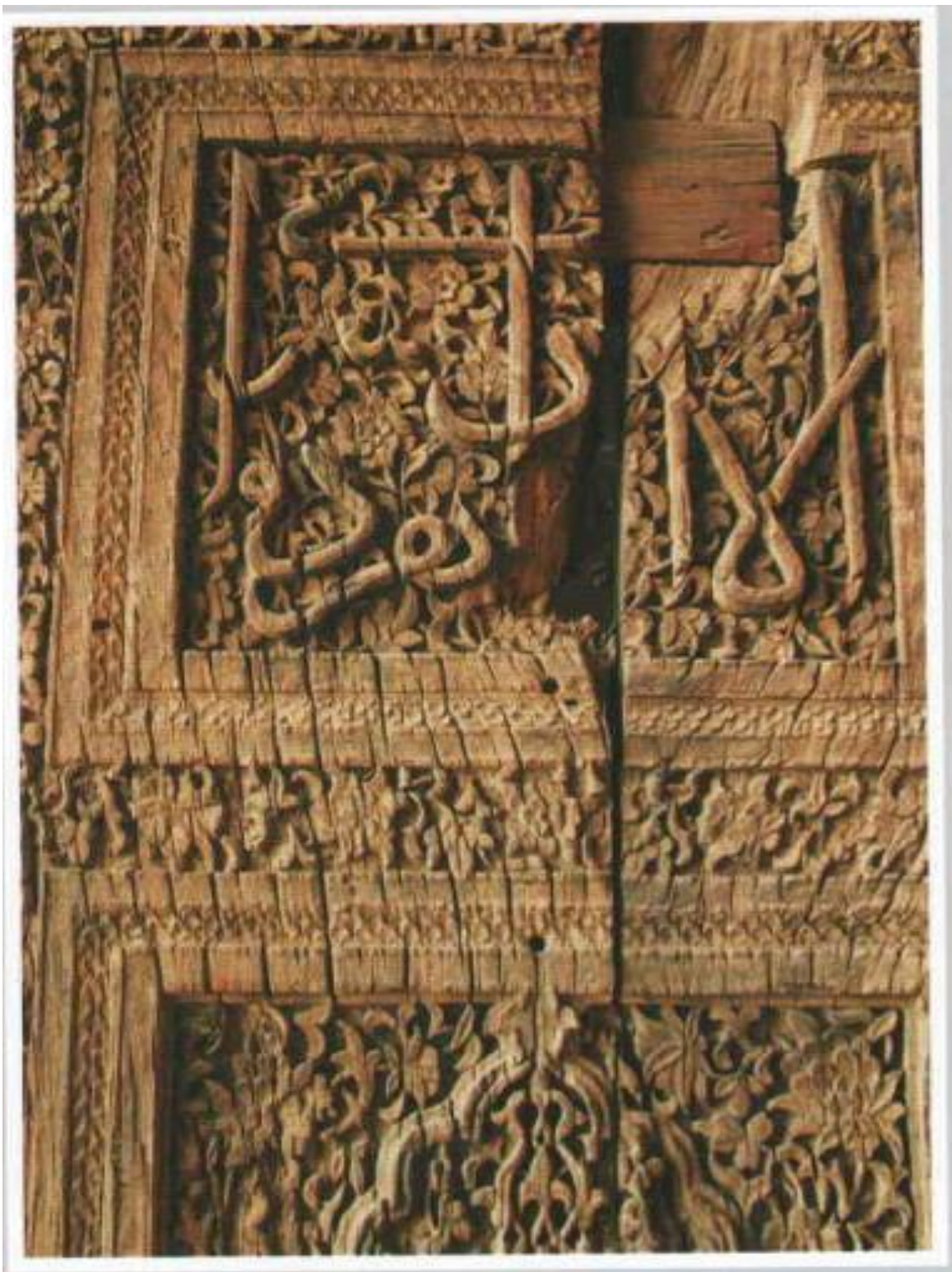
Шарафад-Дина Али йизди. Самарканд 1629г

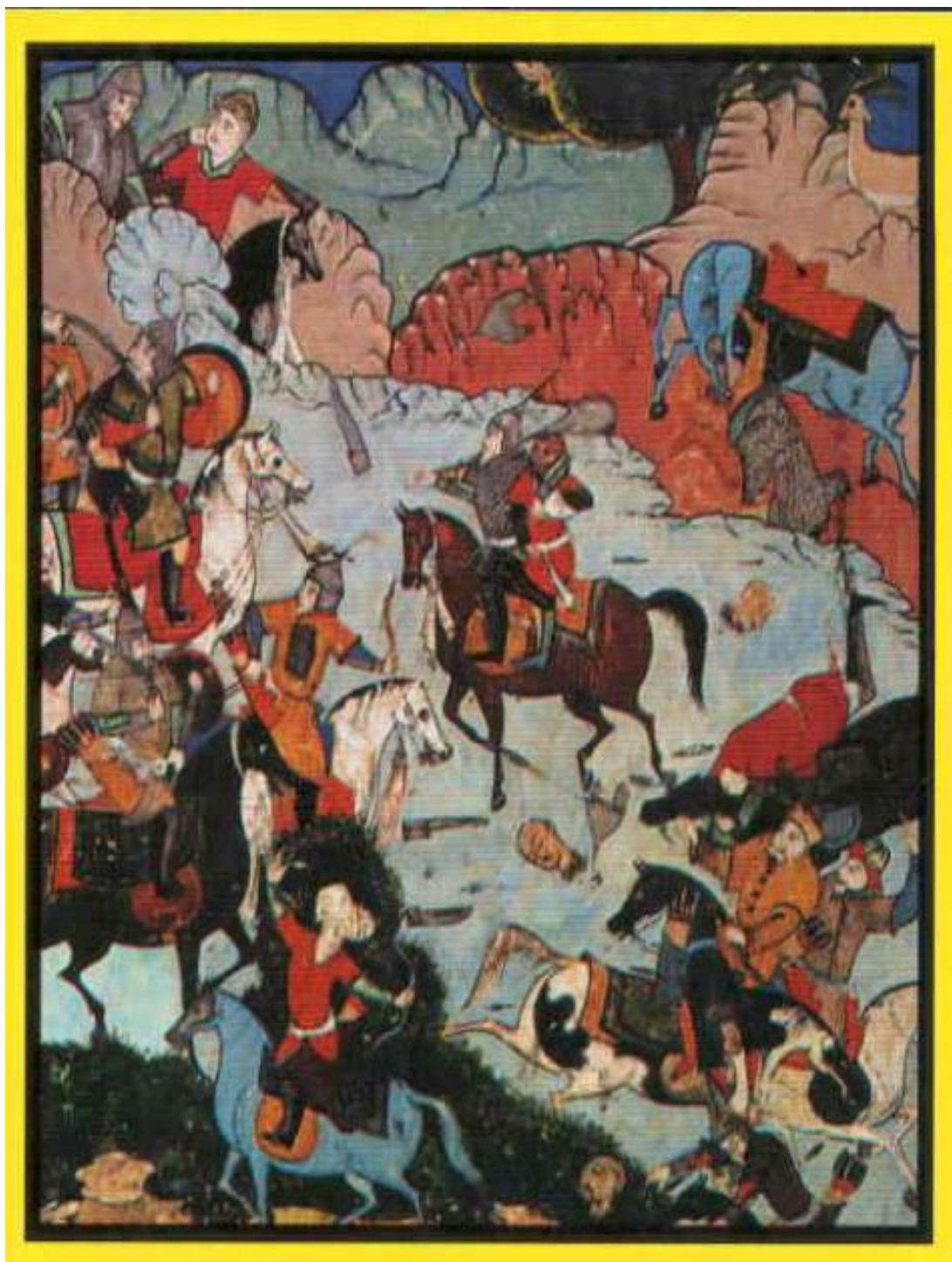
Отправление Амира Тимура на священную войну

миниатюра из «Зафар -наме»

Шарафад-Дина Али йизди. Самарканд 1629г

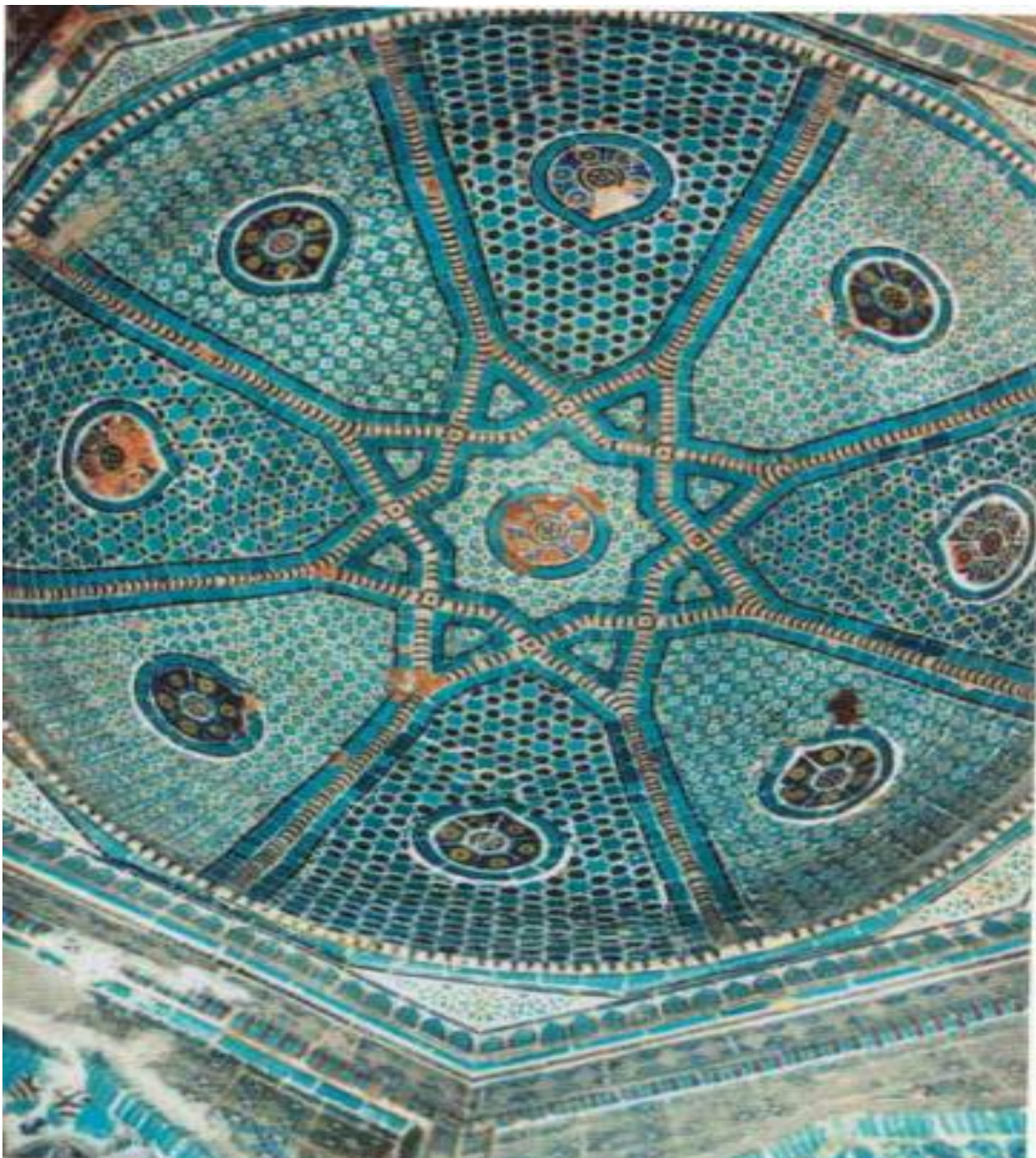
Резная дверь мавзолея шейха Шамс ад-Дина Кулала
Шахрисабз(Кеш)XIV в. из «Зафар -наме»

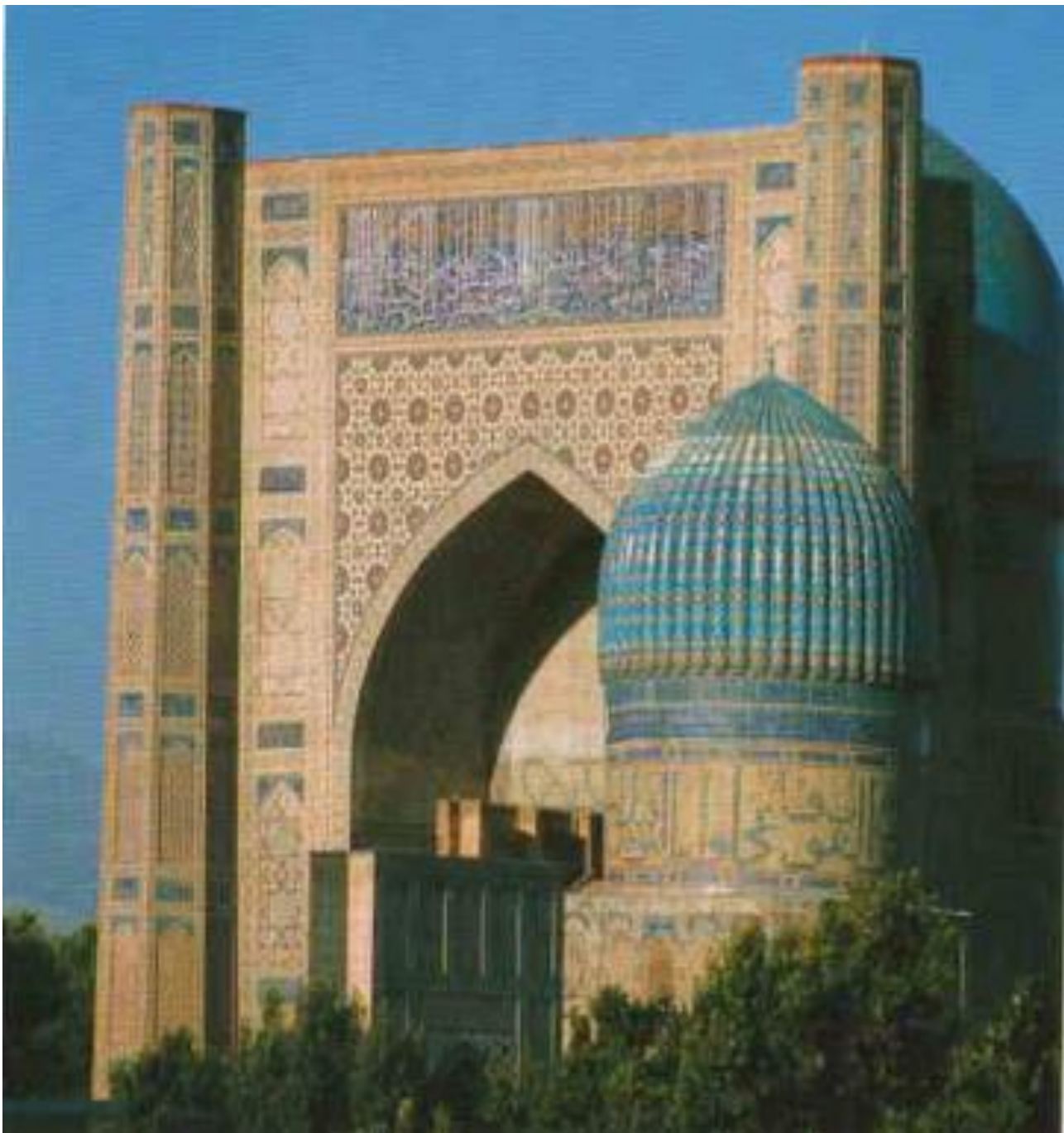
Взятие в плен турецкого Султана Баязида

миниатюра из «Зафар -наме»

Шарафад-Дина Али йизди. Самарканд 1629г

Декор купола мавзолея Шади Мулк и Кутлуг Туркан ага
Шахи-Зинда, Самарканд XIV в

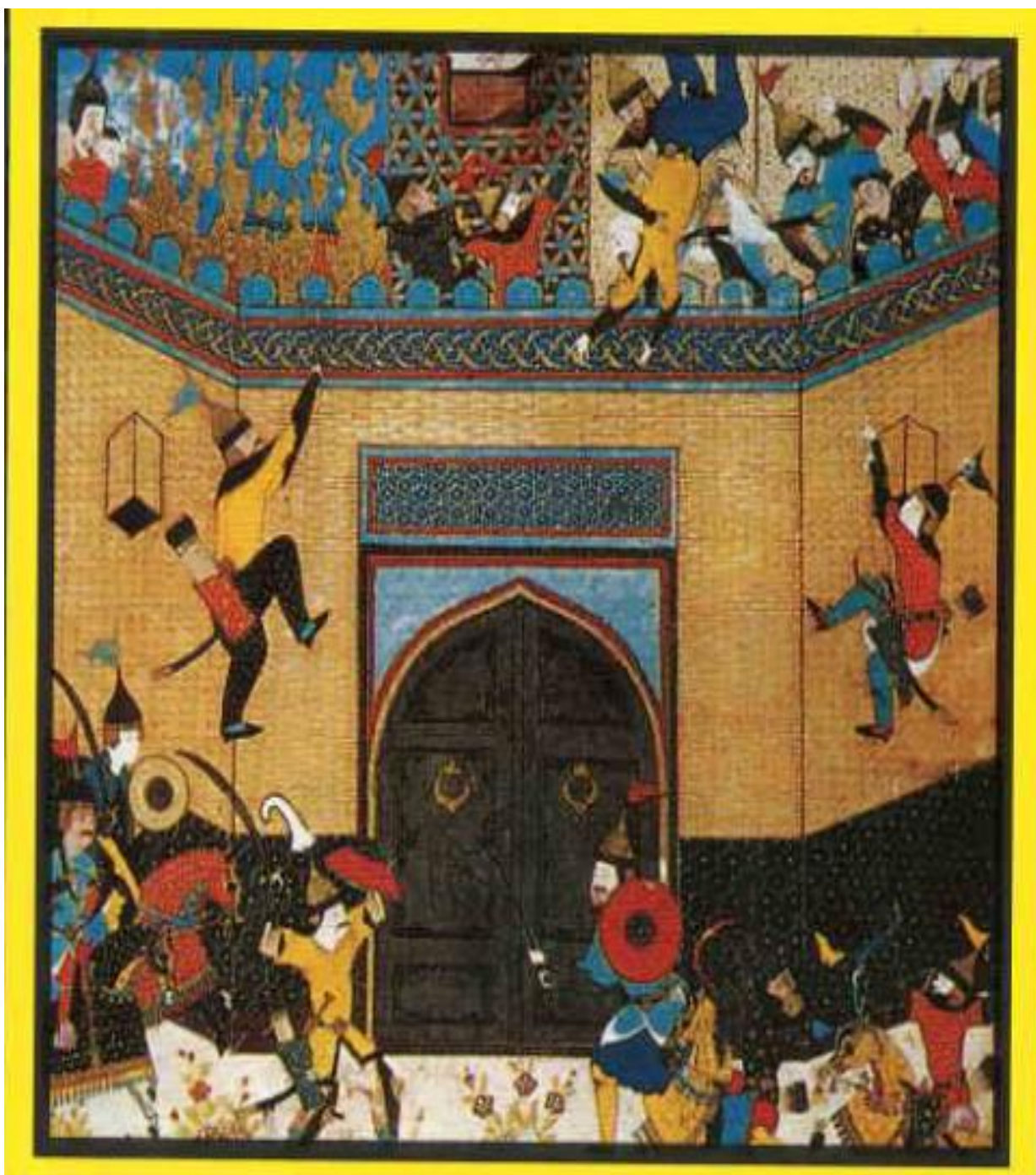
Джума-мечеть Амира Тимура
мечеть Биби-ханым Самарканд XIV в

Бегство Султана Джалаира из Багдада на судне Шамс

миниатюра из «Зафар -наме»

Шарафад-Дина Али йизди Шираз 1553г

Взятие войсками Амира Тимура индийской крепости

миниатюра из «Зафар -наме»

Шарафад-Дина Али йизди Шираз 1553г

Медные и серебряные монеты эпохи правления Амира Тимура

Бронзовый монумент Амиру Тимуру
г.Ташкент, площадь Амира Тимура

Памятник Мирзо Улугбеку внуку Амира Тимура

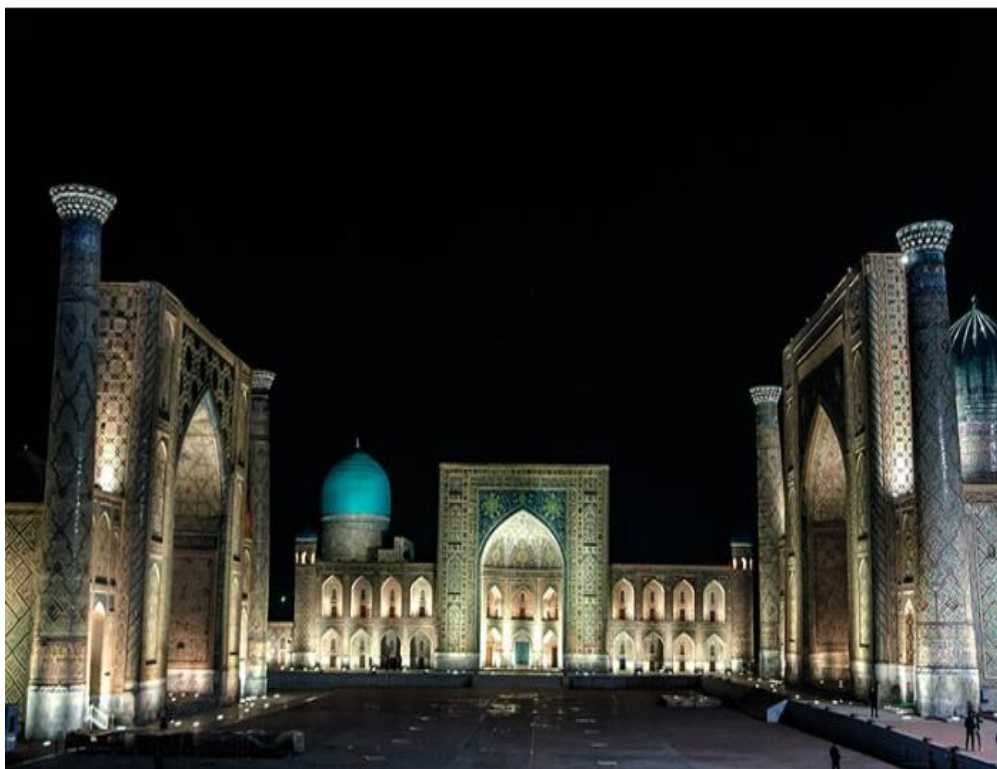
г. Самарканд

Известен как выдающийся математик, астроном, просветитель и поэт своего времени, также интересовался историей и поэзией. Основал одну из важнейших обсерваторий средневековья

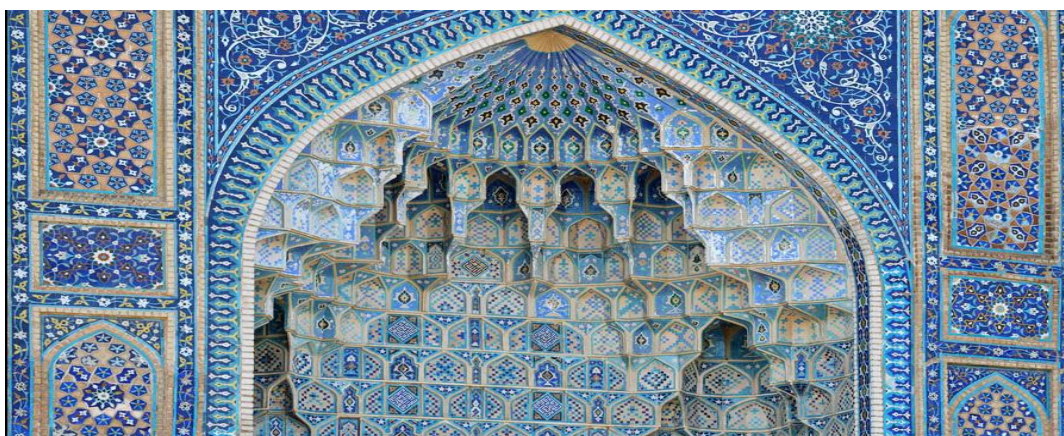
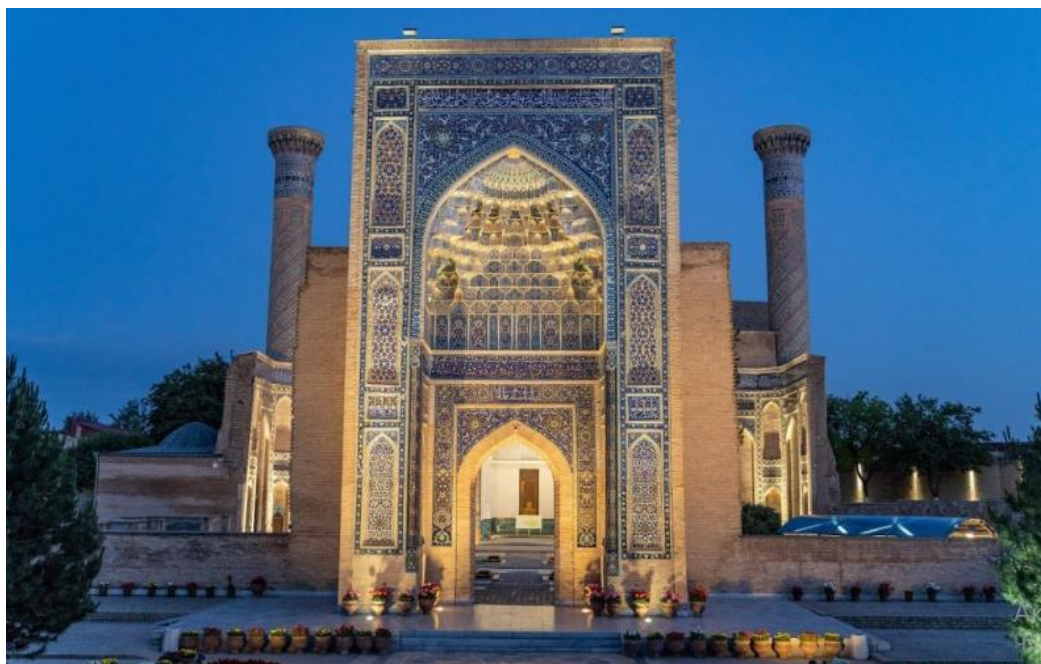

Музей истории Тимуридов.

г.Ташкент, площадь Амира Тимура

г. Самарканд площадь Регистан, медресе
(слева — Улугбека, справа — Шердор, прямо — Тилля-Кари)

Усыпальница Тимуридов, мавзолей Гур -Эмир,
г. Самарканд, строение 1403-1404г.г.

Мраморная подставка под Коран 2,3х2

г.Самарканд, мечеть Биби-ханым

ПРИМЕЧАНИЕ

Абу Бакр - Абу Бакр-мирза (1382—1409) старший сын Миран-шаха и один из старших внуков Амира Тимура. Родился в 1382 году, его матерью была Урун Султан Ханика, дочь Суюргатмыш-хана, правителя Чагатайского улуса.

Азак - Аз'ов (прежние наименования Азак (XIII—XIV вв.), Тана (XV—XVI вв.)) — город в Ростовской области России. Образует городской округ город Азов. Административный центр Азовского района.

Ак-Коюнлу (Туркмены белых баранов- Ак-Коюнлу́ — племенная конфедерация туркоманских племён под главенством племени баяндур, которые правили в восточной Анатолии и западном Иране до завоевания Сефевидами в 1501—1503 годах. В византийских источниках эту династию называют Аспропробатидами.

Алеппо – Алéппо, также Хáлеб крупнейший город Сирии был самым крупным городом в Великой Сирии и третьим по величине в Османской империи.

Анатолии – Мáлая Áзия или Анатóлия — полуостров на западе Азии, срединная часть территории современной Турции. Длина с запада на восток более 1000 км, ширина от 400 км до 600 км. Территория — приблизительно 506 тыс. км². Название «Анатолия» происходит от греческого слова *ἀνατολή*, что значит «восход (солнца), восток». примерно с V—IV вв. до н. э. Анатолией традиционно называют азиатские владения Турции

Арзинджан–Эрзинджáн (тур. Erzincan,)-город и административный центр ила (области) Турции Эрзинджан в восточной Анатолии.

Баркук-Аль-Малик аз-Захир Сайф ад-Дин Баркук ибн Анас (араб. الظاهر الملك بركة الدين سيف; ок. 1339—1399) — мамлюкский султан Египта (1382—1389, 1390—1399), основатель династии Бурджитов.

Барласы (монг. барулас, узб. barlos,)—одно из монгольских племён, участвовавших в походах Чингисхана.

Джелаиры, Джалаиры, джалайты — монгольское или тюрко-монгольское племя XII века .

Бéлая Орда́, или Ак-Орда (ног. Ак-Орда, каз. Ақ-Орда) — часть Улуса Джучи(Золтой Орды) в XIII—XV вв.

Бату-хан– Батый (Батý) (ок. 1209 — 1255/1256) — монгольский полководец и государственный деятель, сын Джучи, внук Чингисхана.

Византи́я, Византи́йская импе́рия, Восто́чно-Ри́мская импе́рия, Восто́чная Ри́мская импе́рия, Гре́ческая импе́рия, самоназвание Держа́ва Роме́ев, Роме́йская империя (395—1453) — государство, сформировавшееся в 395 году вследствие раздела Римской империи на западную и восточную части после смерти императора .

Византийский император Иоан V Палеолог -- Иоáнн V Палеоло́г Константинополь) — византийский император с 1341 по 1376, с 1379 по 1390 год и в 1391 году.

Газан-Хан (1271-1304)— монгольский правитель Ирана с 1295 г., из династии Хулагидов. Старший сын Аргуна, внук Абаги. Был воспитан в буддизме. Принятие ислама в 1295 году позволило ильхану Газану получить поддержку мусульманской чиновной знати и провести важнейшие реформы по восстановлению экономики государства.

Гéнуя (итал. Genova ['dʒɛːnova], лиг. Zena ['zeːna], лат. Genua, Ianua) — город на севере Италии. Е. М.

Герат– город на северо-западе Афганистана в долине реки Герируд. В древности — важный центр караванной торговли на Великом шёлковом пути
Герáт

город Мултан– город в пакистанской провинции Пенджаб

город Мейрут–Мéратх, Мирáт или Мíрут город в северо-западной части штата Уттар-Прадеш, Индия.

Джагатаиды - Чагатаиды — чингизиды, потомки второго сына Чингизхана, монгольского царевича Чагатая (Джагатая).

Река Джелум—Самая западная из пяти рек региона Пенджаб., и проходит через Кашмирскую долину .

Дмитрий Донской—Дмíтрий Ива́нович (др.-рус. Дмитрей Ивановичь; 12 октября 1350, Москва — 19 мая 1389, там же), прозванный Донским за победу в Куликовской битве — князь Московский (с 1359 года), великий князь Владимирский и князь Новгородский (с 1363 года). Сын князя Ивана II Красного и его второй жены, княгини Александры Ивановны.

Зайи аль Абидин—сын Шах Шуджа Музаффера правил Фарсом; его столицей был Шираз.

Золотáя Орда́ или Орда, тюрк. Улуг Улус (Великая Страна, Великое Государство, также Улус Джучи)— средневековое многонациональное государство на землях центральной Евразии, которое на основе тюркского этноса объединило в своём составе множество разных племён, народов и стран во главе с династией Джучидов (от имени старшего сына Чингис-хана)

Ильяс-Ходжа-хан (Ильяс-Ходжа, ?—1365/1366) — второй хан Моголистана, наместник Мавераннахра (1362—1363). Сын Туглук-Тимур-хана

Император Мануэль III Трапезундский— Мануил III Великий Комнин (16 декабря 1364 -5 марта 1417) — император Трапезунда, сын трапезундского императора Алексея III Великого Комнина и Феодоры Кантакузины, родственницы императора Византии .

Император Мануэль Палеолог- деспот Фессалоник (1369-1391) византийский император с 1391 по 1425 год. С 1391 по 1402 годы — вассал турецкого султана Баязида

Исфахан— город в Иране на берегу реки Заянде В Иране город часто называют Несф-е джехán («Половина мира»).

Казаган эмир— Казаган (убит в 1358) — правитель Чагатайского улуса (1346-1358). Носил титул эмира, так как не был чингизидом.

Кара Юсуф – Абу Наср Кара Юсуф ибн Мухаммед (ум. 1420)-предводитель государства Кара-Коюнлу, полководец, государственный деятель. Расширил пределы государства, присоединил Азербайджан, Западный Иран, Ирак.

Кара-корум - в средневековье Кара Хорум (монг.ХарХорум)столица Монгольской империи в 1220-1260 годах.

Кара-Коюнлу (Туркмены Черных баранов-- Карá-Коюнлú (тюрк. «чернобаранные» по изображению на знамени тамги кара-коюн) — объединение (племенная конфедерация) огузских тюркских кочевых племён во главе с шиитской туркоманской династией из огузского рода Ивэ, существовавшее в XIV—XV веках в Передней Азии, на территории современных Азербайджана, Армении, Ирака, северо-западного Ирана и восточной Турции

Кара-Мухаммад – Абу Наср Кара Мухаммад-бек (? — апрель 1389) -второй бей Кара-Коюнлу (1380—1389). Сын Кара Дурсуна, племянник Байрама Ходжи, первого бея Кара-Коюнлу

Махмуда Газневи – Ямин ад-Даула ва Амин ал-Милла ва Низам-ад-Дин ва Насир ал-Хакк Абу-л-Касим Махмуд ибн Сёбук-тегин, более известный как Махмúд Газневитюркский эмир и падишах государства Газневидов с 998 года. При нём государство достигло наибольшего могущества. В его державу входили земли Афганистана, части Ирана, Индии и Средней Азии.

Совершил 17 походов в Северную Индию. Крупнейший представитель мусульманской династии Газневидов.

Король Багрat Великий – Багрat V Диди, или Багрat V Великий (ум.1393, Тбилиси), представитель династии Багратионов, царь Грузии с 1360 по 1393 год. Из династии Багратионов. Во время правления царя Баграта V в Грузию вторглись войска Амира Тимура

Куликóвская бíтва (Мамаево или Донское побоище)- крупное сражение между объединённым русским войском во главе с Великим князем Владимирским и князем московским Дмитрием Ивановичем и войском правителя части Золотой Орды Мамай, состоявшееся 8 сентября 1380

года в районе к югу от впадения реки Непрядва в Дон, на Куликовом поле (юго-восток Тульской области). Решающая победа русских войск в Куликовской битве стала важным шагом на пути к восстановлению единства Руси и будущему свержению золотоордынского ига, которое в эпоху, последовавшую за Куликовской битвой, существенно изменило свой характер в сторону большей самостоятельности великих московских князей.

Куфический шрифт(куфический почерк) - один из старейших видов арабского письма сыграло большую роль в дальнейшем развитии всей арабской каллиграфии.

Къютахия—Кютáхья один из древнейших городов на территории современной Турции.

Маверанна́хр (Трансокси́ана или Трансоксáния)- термин, использовавшийся с VIII века к историко-географическому региону в Центральной (Средней) Азии. Название «Мавераннахр» появилось во время арабского завоевания Средней Азии в VII—VIII веках

Мамлюки (мамлюкская армия) - военное сословие в средневековом Египте, из юношей-рабов тюркского происхождения из Евразийской степи (в основном куманы), но затем институт военного рабства быстро распространился на представителей народов Кавказа. Армия мамлюков состояла из 3-х отдельных частей (в их число не входили вспомогательные части, а также неопытные рекруты): личной гвардии султана, отрядов эмиров и свободных наёмников-гвардейцев (халка). Мамлюки эмиров были хуже подготовлены, чем султанские, так как в основном не проходили обучение в элитных школах.

Мараканд — древ. город, существ. на месте совр. Самарканда. В 4 в. до н.э. столица Согда. М. была защищена двойной системой крепостных стен с башнями. В 329 до н.э. М. захватил Александр Македонский при покорении им Согда. В 329 328 до н.э. М.

Мардина — город на юго-востоке Турции, столица одноимённой провинции. Известен архитектурными строениями в арабском стиле, а также своим расположением на скалистой местности с видом на северные равнины Сирии

Мерв – Гяур-кала- древнейший известный город Центральной Азии, стоявший на берегу реки Мургаб в юго-восточной части Туркменистана

Моголистан —средневековое тюрко-монгольское государство, образовавшееся в середине XIV века в результате распада Чагатайского улуса. Территория включала Восточный Туркестан, Притяньшанье и Семиречье. В западной историографии принято обозначение — «Восточное Чагатайское ханство».

Мубарек-хан–Мубарак Ходжа-хан (гг. рождения и смерти неизвестны) — хан Ак-Орды (ок. 1337/8 — ок. 1340/1). Сын и наследник Ерзен-хана. Потомок Чингис-хана по линии Орды, старшего сына Джучи.

Муршал Бусико –Жан II ле Менгр по прозвищу Бусико (Boucicaud) (фр. Jean II Le Meingre, 28 августа 1366 — 21 июня 1421) — французский военный деятель. Происходил из влиятельного шампанского рода.

Мухаммад Хорезм Шах– Ала ад-Дунийя ва-д-Дин Абу-л-Фатх Мухаммад ибн Текеш) (1169—1220) — Хорезмшах, правитель Хорезма в 1200—1220 годах. Младший сын хорезмшаха Текеша, от которого унаследовал огромную империю со столицей в Гургандже

Никóпол (болг. Никопол), Никополь — город в Болгарии, в Плевенской области.

Ногай– Ису-Ногай, Нокай 235/1240 — 1300) — золотоордынский беклярбек, правитель самого западного улуса Золотой Орды (на территории от левого берега Дуная до Днестра, ставка на Дунае)

Отрар– Тарбанд, Турарбанд, Турар, Фараб до монгольского нашествия — один из крупнейших городов Средней Азии, ныне город в Отырарском районе Туркестанской области Казахстана.

Оттоманские турки – Осмáны (также назывались оттомáны) — основное население Османской империи (1299—1922 гг.). Название происходит от имени Осмáна I Газí — первого султана Османской империи.

Персия – эллинизированное название исторической области Парсуаш (отсюда также древнегреч. Персида) в южном Иране, ныне Фарс на берегу Персидского залива.

Пир-Мухаммад – Пир-Мухаммед был сыном Джахангира (1376 — 22 февраля 1407) — старшего сына Амира Тимура. В 1392 году он получил в управление территорию, простиравшуюся от гор Гиндукуша до реки Инд. Осенью 1397 года, когда Тамерлан задумал набег на Индию, Пир-Мухаммед был послан вперёд для захвата священного города Мултана.

Принцесса сербская Оливера – Оливера Деспина (серб. Оливера Лазаревић, 1373—1444) - дочь сербского правителя Лазаря, супруга турецкого султана Баязида I. Деспина не является собственным именем, означает жену или дочь деспота - так назывался титул сербского правителя

Пророк Юнус (Иоан) — исламский пророк, посланный к народу Найнава. Упоминается в Коране четырежды. Отождествляется с библейским пророком Ионой

Сарай-мульк ханым (Катта ханым, Каньо, Биби ханым) (1341-1406) — главная жена среднеазиатского правителя Тимура с 1370 по 1405 годы. Сарай-мульк ханым была дочерью чингизида — Казан-хана, последнего легитимного правителя Чагатайского улуса от чингизидской династии

Сахиб Киран—(Тимур ибн Тарагай Барлас)перс то есть рождённый во время соединения двух планет: Венеры и Юпитера или Венеры и Солнца, в переносном смысле — счастливый,удачный, правитель мира

Сулейман Челеби (Благородный) (Гыяс уд-Дуния ве д-Даула Сулейман-хан) (1377 - 17 февраля 1411)- бей Айдына, Кареси и Сарухана (1396-1402), правитель Османского междущарствия (правил в европейских владениях) (1402/03-1411), был вторым сыном османского султана Баязида Молниеносного (1389—1402)

Султан Ахмед Джалаир (дата рожд. неизв.- 31 августа 1410) - правитель из династии Джалаиридов (1382—1410), один из первых азербайджанских поэтов, четвёртым сыном султана Шейха Увейса

Суюргал - феодальное пожалование; иногда в средневековых текстах встречается в значении «дар», «подарок»

Кутлукоглан – Кутлуг-Буга - сын и наследник Урус-хана командовал войском, посланным против Тохтамыша

Табріз, Тавріз, город в Иране, XIII—XIV века — одна из столиц государства ильханов — Хулагуидов.

1375—1468 — столица туркоманского государства Кара-Коюнлу. 1469—1501 - столица туркоманского государства Ак-Коюнлу

Такрит – Тикрит город на севере Ирака, на реке Тигр

Таласский курултай – курултай в долине реки Талас.

Менгу-Тимур, Борак и Хайду, правители Джучиева, Чагатайского и

Угедзева улусов, признают друг друга суверенными государями и заключают союз против великого хана Хубилая на случай, если он попыбует оспорить их суверенитет

Тарханом (Астрахань)–Хаджи-Тархан -средневековый город Золотой Орды, а после её распада Астраханского ханства, располагавшийся в низовьях Волги Тохтамыш (Токтамыш, Тахтамыш, Тотамих; ум. 1406) — хан Золотой Орды в 1380—1395 годах, хан Тюменского ханства в 1396—1406 годах, один из потомков Тукай-Тимура, тринадцатого сына Джучи, старшего сына Чингисхана.

Джучи – правитель собственного Улуса (Улуса Джучи), западной части Монгольской империи, государственный деятель и военачальник, участвовавший в завоевании Средней Азии, командовавший самостоятельным отрядом в низовьях Сырдарьи

Узбек-хан – Узбёк, исламский титул — Султан Гийас ад-Дин Мухаммед (ок. 1283 — 1341) — хан Золотой Орды с 1313 года, сын Тогрула (Тогрулджая, Тогрулчи), десятого сына Менгу-Тимура; племянник хана Тохты

Узбеки — племена Узбек-хана, правившего Золотой Ордой (монголо-татарское племя), с 1313 года, сын Тогрула (Тогрулджая, Тогрулчи), десятого сына Менгу-Тимура

Урус-хан - хан Золотой Орды в 1372 - 1374 и 1375 годах, хан Сырдарьинского улуса из династии Тука-Тимура

Хан Берке— пятый хан Улуса Джучи (1257—1266), сын Джучи, внук Чингис-хана. Укрепил иго Золотой Орды над русскими княжествами.

Харадж — государственный налог в странах ислама, который взимается с иноверцев (кафиров) за пользование землей и другой собственностью согласно мусульманскому преданию. Во время монгольского завоевания Ирана в качестве синонима понятия харадж в законодательстве появилось понятие мал, малият-и арзи, XV—XVII веках в Средней Азии и Иране - мал-у джихат.

Ходжи Ахмада Ясави— в народе также известен как Хазрет Султан философ, исламский проповедник, суфийский поэт. Автор цикла стихов «Дивани хикмат». Основав школу суфизма и воспитав большое количество последователей сыграл одну из ключевых ролей в распространении ислама среди тюрков Центральной Азии

Хорезм ШайхСулейман Суфи— правитель из династии кунгратов-Суфи, правившей северо-восточной части Хорезма (1380-1388).

Хорасан – историческая область, расположенная в Восточном Иране. В XIV—XV веках Хорасан был важнейшим центром наук и искусств. Здесь (преимущественно в городе Герате) жили и творили поэты Лутфи, Джами, Алишер Навои, Фегани Баба, султан Хусейн Байкара (писавший стихи под псевдонимом Хусайни), художник Бехзад.

Государство Хулагуидов- держава, основанной чингизидом Хулагу и управлявшейся его потомками; Официальное название царства

Хулагуидов Иранзамин (Иранская земля) Самовольно созданное Хулагу во время завоевательного похода (1256—1260), государство было признано в 1261 году ханом Монгольской империи Хубилаем, даровавшим Хулагу титул ильхан («хан племени», в значении улусный хан).

Хутталян— историческая область, на правом берегу верховья Амударьи, в современном Таджикистане. Одна из областей Тохаристана. Существовала приблизительно в 690—948 годах. Правители региона были известны под титулами «Хутталян Шах» («Царь Хутталяна»), «Хутталян Худа» («Господь Хутталяна») и «Шер-и Хутталян» («Лев Хутталяна»)

Чагатайский хан Кебек – Кебек-хан (убит в 1326) — чингизид, потомок Чагатая, хан Чагатайского улуса (1318—1326). После Кебек-хана власть перешла к его брату Ильчигидаю

Чингис-хан— собственное имя - Тэмуджин (ок. 1155 или 1162-август 1227) — основатель и первый великий хан (каган) Монгольской империи, объединивший разрозненные монгольские и тюркские племена; полководец, организовавший завоевательные походы монголов в Китай, Среднюю Азию, на Кавказ и в Восточную Европу. Основатель самой крупной в истории человечества континентальной империи

Шах Шуджа Музаффар - эмир Кермана, Фарса и Исфахана из династии Музаффаридов в 1358—1384 годах

Шахрисабз (Кеш) – Название города Шахрисабз происходит от персидского (шахр) «город» и (сабз) «зеленый» и переводится буквально как «Зелёный город», «Зеленоград». Это название закрепилось за городом начиная с XIV века. До этого город был известен под согдийским названием Кеш (согд. Кэш) со значением «жилище, дом, поселение». В «Бабур-наме», XV — начало XVI в, наряду с Кеш употреблялось и Шахрисабз

Шенси— провинция находится в глубине территории Китая, далеко от моря, в средней части бассейна реки Хуанхэ, и делится рекой Вэйхэ на две части — северную и южную Шэньси

Шираз — город на юге Ирана, административный центр провинции Фарс

Эрзерум-- Эрзурúm, Арзерúm город на северо-востоке Турции Этимология- Эрзурум — город в исторической Западной Армении, получил своё нынешнее название в XI веке В 1048—1049 годы лежавший по соседству древнеармянский город Ардзн был разрушен сельджуками, и жители его бежали в Карин, который с этого времени стал называться Ардзн-Рум, что означает «Ардзн Ромеев» (ромеями называли себя византийцы, греки по преимуществу), (по-гречески «Арзен Ромеев»), и уже из этого имени с течением времени образовалось Эрзурум

Ясы (Туркестан) — город на юге Казахстана, недалеко от реки Сырдарья В средневековье Ясы был городом-крепостью. В XII веке здесь жил суфийский поэт, философ Ходжа Ахмад Ясави, который был похоронен тут же. Тамерлан, в состав империи которого входил и Ясы, в 1396—1398 годах над могилой Ясави стал строить мавзолей с мечетью, город приобрёл известность в мусульманском мире как религиозный центр- Азрет султан

Жены Амира Тимура – было 18 жён, одна из которых была сестра Эмира Хусейна — Ульджай-туркан ага.

Его любимой женой Амира Тимура была дочь Казан-хана Сарай-мульк ханым. Современные специалисты считают, что настоящее имя старшей жены Амир Тимура звучало как Сарай Малик ханум (Катта ханым, Каньо, Биби ханым) (1341-1406) — была женой Амира Тимура с 1370 по 1405 годы, была дочерью чингизида — Казан-хана, последнего легитимного правителя Чагатайского улуса от чингизидской династии.

У неё не было своих детей, но ей было доверено воспитание некоторых сыновей и внуков Тимура. Она была известной покровительницей науки и искусств. По её приказу в Самарканде было построено огромное медресе и мавзолей для её матери.

В 1352 году Амир Тимур женится на дочери эмира Джаку-барласа Турмуш-ага. Хан Мавераннахра Казаган, убедившись в достоинствах Тимура, в 1355 году отдал ему в жёны свою внучку Ульджай-туркан ага. Благодаря этому браку возник союз Тимура с эмиром Хусейном — внуком Казагана.

Кроме этого у Тимура были другие жёны: Тугди би, дочь Ак Суфи кунграта, Улус ага из племени Сулдуз, Науруз ага, Бахт султан ага, Бурхан ага, Таваккул-ханим, Турмиш ага, Джани-бик ага, Чулпан ага и др.

У Тимура было четверо сыновей: Джахангир (1356—1376), Умаршайх (1356—1394), Миран-шах (1366—1408), Шахрух (1377—1447) и несколько дочерей: Тагайшах (1359—1382), Султан Бахт ага (1362—1430), Биги джан, Саадат султан, Мусалла.

В творчестве и науке из внуков Амира Тимура наиболее прославились: сыновья Шахруха: знаменитый астроном, основатель самаркандской Академии наук — Мирзо Улугбек (1394—1449), знаменитый каллиграф, поэт, основатель Художественной академии в Герате — Байсункур Мирза (1397—1433): сыновья Мираншаха: поэт Халил Султан (1384—1411), поэт Сайид Ахмад.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. J. H. Sanders Introduction to Tamerlane/ by Ibn Arabshah 1936
2. P. Henderson Christofer Marlow 1956
3. I. J. Herrmann, E. Zurcher. Vol. III: From the Seventh Century B.C. to the Seventh Century A.D
4. H. A. L. Fisher History of Europe 1935
5. Лев Гумилев. Энциклопедия. / Гл. ред. Е.Б. Садыков, сост. Т.К. Шанбай, — М., 2013,
6. Р. А. Агеева. — М.: Русские словари, 1998.
7. Ibn Khaldun Muqaddimah (quoted by B. Lewis Bulletin of the School of Oriental and African Studies 1957)
8. A.J. Toynbee Study of History 1935-9
9. A.J. Toynbee Bulletin of the School of Oriental and African Stydies. vol 111 1923 -5
10. Словарь географических названий зарубежных стран / Отв. ред. А. М. Комков. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Недра, 1986. — С. 89.
11. Бабенко О. В. Лейн Дж. Монголы / Пер. с англ. Т.А. Сафина. - М.: Колибри: азбука-аттикус, 2020. - 304 с // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал. — 2021. — Вып. 1. — С. 36–40.
12. Arrian Life of Alexandr Great 1958
13. O. Lattimore Inner Asia Frontiers of China 1940
14. Гиисаддин Али Дневник похода Тимура в Индию М. 1985 г.
15. Низамаддин Шами Зафар -наме
16. Мусави Тарихи Хайрат
17. Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского
18. Рыжов К. В. Музаффарида // Все монархи мира. Мусульманский Восток. VII—XV вв. — М. : Вече, 2004. — 544 ил. с

19. Фахрутдинов Р. Г. История татарского народа и Татарстана: Древность и средневековье / РГБ. Учебник для средних общеобразовательных школ, гимназий и лицеев. — Казань: Магариф, 2000
20. Акимушкин О. Ф. Средневековый Иран: Культура, история, филология. — СПб.: Санкт-Петербург "Наука", 2004. — С. 257-264. — 403 с. — (Восток: Общество, культура, религия) Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. — М.: АС:АСТ МОСКВА, 2006. — 445 с. — (Историческая библиотека)
21. Clavijo Embassy
22. Schiltberger Bondage
23. Archbishop John Memoirs
24. P. Sykes The Quest for Cathay 1936
25. Мануил III Великий Комнин // Православная энциклопедия. — М., 2016. — Т. XLIII : «Максим — Маркелл I». — С. 402-403. — 752 с
26. Шарафаддин Язди Зафар-наме
27. Хафиз Абру Зубдат аль-Баварих
28. О византийской аргументации теории универсальной власти (на исходе XIV столетия). — Античная древность и средние века, Вып. 27. — 1995.
29. Абдель Раззак Матла ал-садай
30. В. В. Бартольд Сочинения. Том I, Том II. М., 1963
31. Мюллер А. История ислама. — Т. 3. — М., 2004.
32. E. Gibbon Decline and fall of the Roman Empire
33. P. K. Hitti History of Arabs 1951
34. Н.Наваан. «Хархорин». УБ. 1959
35. Travels of Fa- Hsien tr. Giles 1923
36. Life of Hiuen – Tsiang 1923
37. Life of Hiuen – Tsiang tr. Beal 1911
38. Всемирная история. Т.7, Т.10, Т.11.: Минск, 1996
39. Mahmud von Ghazni // Энциклопедия Брокгауз (нем.) / Hrsg.: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus, Wissen Media Verlag

40. Мирхонд Рауда аль- Сафа
41. Ибн Арабшах Тамерлан
42. Henry Hoyle Howorth (Sir). «History of the Mongols, from the 9th to 19th Century: The Mongols of Persia», Part 3. Longmans Green and Company, (1888)
43. В. Виткович Советский Узбекистан 1954
44. В.В. Бартольд Четыре исследования 1956
45. С. Толстов Двадцать лет работы хорезмской экспедиции 1957
46. А.К. Рождественский Открытия в Гоби 1958
47. В.В. Бартольд Туркестан под владычеством монголов 1928
48. В.В. Бартольд Тезисы диссертации 1900
49. В.В. Бартольд Туркестан
50. В. Владимирцев Общественное устройство монголов 1948
51. А. Якубовский Тимур 1946
52. Каргалов В. В. Конец ордынского ига. — М.: Наука, 1984
53. Власов В.Г. Куфи // Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: В 10 т. — СПб.: Азбука-классика, 2006. — Т. IV
54. Географический энциклопедический словарь: географические названия / Гл. ред. А. Ф. Трёшников. — 2-е изд., доп. — М.: Советская энциклопедия, 1989.
55. L. Wooley The Sumerians 1928
56. С. Толстов Древний Хорезм М. 1948
57. И П Петрушевский Вопросы истории 1947
58. М. М. Герасимов Как человек выглядел в прошлом 1961.
59. А. Якубовский Самарканд во времена Тимура и тимуридов 1933
60. В.В. Бартольд Улугбек
61. Т. А. Пугаченкова, Д.И. Ремпель Архитектурные памятники Узбекистана 1958
62. Гафуров Б. Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1958

63. Bosworth, C. E.; van Donzel, E. J. & Heinrichs, W. P. et al., eds. (2012), *Mamlūk, Encyclopaedia of Islam, Second Edition*, vol. 6, Leiden: Brill Publishers
64. Большая советская энциклопедия : в 66 т. (65 т. и 1 доп.) / гл. ред. О. Ю. Шмидт. — М. : Советская энциклопедия, 1926—1947. Древний мир энциклопед словарь
65. E.H. Parker A Thousand Years of Talars 1926
66. J. Needham Science and civilisation in China 1954
67. A. Stein The Innermost Asia 1899
68. F.H.Skrine and E.D.Ross The Heart of Asia 1899
69. E.D.Ross The Orkhon Inscriptions. Bulletin of the School of Oriental and African Studies 1928-1930
70. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Л.: Изд-во АН СССР. — 1934
71. Сафаргалиев М. Г., Распад Золотой Орды. Саранск, 1960 маршал Бусико // The Chivalric Biography of Boucicaut, Jean II Le Meingre. — Boydell Press, 2016.
72. Зимин Подробности смерти Тимура
73. Г. Островский История Византийского государства
74. З.И. Умняков Малоизвестные французские источники о Тимуре 1958
75. Рашид-ад-дина. сборник летописей Том 1. Книга первая / перевод с персидского Л. А. Хетагурова. Редакция и примечания проф. А. А. Семенова. — Москва - Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1952.
76. Лео, Мишел. България и нейният народ под османска власт: през погледа на англосаксонските пътешественици (1586 – 1878) (болг.). — София: ТАНГРА ТанНакРа, 2013.
77. Hsuang -tsang The Arabs in History 1950
78. Utbi, the Indian Historian
79. Yahia bin Ahmad Sirhindi Tarihi Mybarakshah tr Basu
80. Juvaini Tarihi Jahan-Gusha; History of World Conqueror, tr Boyle
81. Mongol Calendar see p 66

82. P. Peliot *History Secrete des Mongols* 1949 and *A Z V Togan* 1949
83. Ibid and Ibn Taghri Birdi *History of Egypt*, tr Popper
84. E.G. Browne *Leterary History of Persia* 1920
85. Rassak *Matia al-sadayn*
86. Вернадский Г. В. *Монголы и Русь*. — Тверь, М., 1997.
87. Кочнев Б. Д., *Нумизматическая история Караханидского каганата (991—1209 гг.)*. Москва «София», 2006
88. Ibn Khaldun and Tomburlaine tr Fischel
89. A.N. Poliak. *Bullettin of the School of Oriental and African Studies* 1940-1942
90. Babur *Memoirs* tr Erskine and Leyden
91. Minovi and V.Minorski “Nasir al din Tusi on Finance” *Bullettin of the School of Oriental and African Studies* 1940-1942
92. Ibn Battuta *Voyges*
93. Abdal Rassak *Matlia al sadayn*
94. Partington *History of Greek Fire and Gunpowder* 1960
95. E. Razin *History of the Art of War* Vol 11 1940
96. Archibishop John *Memoirs*
97. Бартольд В. В. *Кайи // Сочинения*. — М.: Наука, 1968. — Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов.
98. *Encyclopedia of the ancient Greek world*. — Infobase Publishing, 2005
99. Carpini tr. Rockhill
100. E. Schyler *Turkestan* 876
101. V.V. Barthold *History des Tures d Asie Centrle*
102. T.G. Winner *Oral Art and Literature of the Kazakhs* 957
103. Elliot *History of India as told by Its Own Historians* 1872
104. Rubruck tr Rockhill 1900
105. E.G. Browne *Literary History of Persia* 1920
106. V.V. Barthold *Four Studies*
107. Ibn Khaldun and Tamburlaine (see w J Fischei s Notes)
108. Дж. Мароцци. *Тамерлан: Завоеватель Мира*. — М.: «АСТ», 2009

109. Пиотровский М. Б. Йунус // Ислам: энциклопедический словарь / Отв. ред. С. М. Прозоров. — М. : Наука, ГРВЛ, 1991.
110. B.Lewis The Arabs History 1950
111. Hafizi Abru Zubdat al Tavarikh
112. М. М. Герасимов Портрет Тамерлана 1947
113. Dughial Tarikhi – Rashidi
114. Pegholotti Merchanis Handbook tr Yule
115. Musavi Tarikhi Khairat
116. Tomas of Metsope
117. Gazvini Reiew and Fcsimile of Letter to Charlies VI Bombay 1928
118. Н. Ellis Oruginal Letters Illustrative of English History 1846
119. Н. Moranville Memoire sur Tamerlaine et Sa Cour pub 1984
120. A. Kern Libellus de Notilia Orbis tr in part 1938
121. Руи Гонсалес де Клавихо «История Великого Тамерлана» (Historia del Gran Tamorlan. Seville, 1582)// Manz, Beatrice Forbes. "Sarāy Malik Khānum." Encyclopaedia of Islam, THREE. Edited by: Kate Fleet, Gudrun Krämer, Denis Matringe, John Nawas, Everett Rowson. Brill Online, 2016
122. Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдалла-наме. Ташкент. АН УзССР. 1957.
123. B.Lewis “Muslim Discovery of Europe”Bulletin of the School of Oriental and African Studes 1957
124. C. Dawson The Mongol Mission 1955
125. J. Needham Science and Civilisation in China 1954
126. F. Hirth China and the Poman Orient 1885
127. Bretschneider Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources 1888
128. Tarikhi Qutb- shahi Tamburlaine the Great
129. Thomas of Metsope on the Tuhurid- Turkman Wars tr Minorski Lahore 1955
130. Г. Острогорский История Византийского государства
131. Петросян Ю. А. Османская империя, Могущество и гибель. — М.: «Наука», 1990.

132. M. Fuad Köprülü, «XVI. Asırda Bir Âzerî Şairi», HM, (1927)
133. bn Tagri Birdi Histiry of Egypt
134. G. L. Strange Palestine Under Moslems 1980
135. Murino Sanudo Vitae Ducum Venetorum 1421-1439 in L.A. Murtori Retum Italicarum Scriptores
136. Silvester de Sacy Memory dur une Correspondance Lnedite de Tamerlaine avec Charles VI 1882
137. E. Gibbon Tarikhi Mubarakshah tr Basu
138. Pero Tafur Travels and Adventures tr Letts
139. Daut Afshah Memorirs of the Poets ed E.G. Browne
140. Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60—70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение стран Азии и Африки : сборник. — Л., 1983. — Вып. VII.
141. Сергей Нефедов, «Война и общество. Факторный анализ исторического процесса. История Востока»
142. Bradford, Alfred S. & Pamela M. With Arrow, Sword, and Spear: A History of Warfare in the Ancient World
143. Froissart Chronicies of England, France and Spain
144. A.S.Runciman History of the Crusades
145. A.S. Atiya Crusade of Nicopoli
146. Firidun Bey Munshaat (state paper), 1574 E.G. Browne Literary History of Persia vol VIII
147. Почекаев Р.Ю. Правовое положение Улуса Джучи в Монгольской империи 1224-1269 гг
148. W. Heyd Commerce du Levant 1923
149. F.V. Ballod old and New Saray 1923
150. Васильев Д. В. О пути Гильома Рубрука через дельту Волги и о населённых пунктах, которые он посетил // Золотоордынское наследие. Выпуск 2. Материалы второй Международной научной конференции

«Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвящённой памяти М. А. Усманова. Казань, 29-30 марта 2011 г.

151. G. Le Strange Lands of the Eastern Caliphate

152. Al-Omari, quoted by G. Le. Strange, and Ibn Battuta : Voyages

153. Бартольд В. В. Беркай // Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — М.: Наука, 1968.

154. Chang-Cbun Travels of Alchemist tr Waley

155. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. — М.: АСТ, 2007

156. Почекаев Р.Ю. Золотая Орда. История в имперском контексте Санкт-Петербург: НАУКА, 2017.

157. Saunders, John Joseph. The history of the Mongol conquests (неопр.). — University of Pennsylvania Press, 2001.

Али-заде А. А. Харадж // Исламский энциклопедический словарь. — М. : Ансар, 2007

158. Гордлевский В. А. Ходжа Ахмед Ясеви // Избранные сочинения. — М.: Издательство восточной литературы, 1962.

159. Б. А. Ахмедов. Государство кочевых узбеков. Москва, «Наука», 1965

160. M. B. Dickson. «Shah Tahmasp & the Uzbeks (The Duel for Khurasan with Ubayd Khan

161. Danilenko, Nadja. In Persian, Please! The Translations of al-Iṣṭakhrī's Book of Routes and Realms // Picturing the Islamicate World: The Story of al-Iṣṭakhrī's Book of Routes and Realms. — Brill, 2020

162. I. Stchoukine Les Peitures des Maruscrits Timurides

163. R.Haklut Voyages

164. Mustawfi Qazwini Nuzhat al ulub

165. Камалиддинов Ш. С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX — начала XIII вв. — Ташкент: Узбекистон, 1996.

167. P. Turchin, J. Adams, T. Hall. East-West Orientation of Historical Empires and Modern States. — Journal of world-systems research, Volume 12, Issue 2, 2006
168. Рыжов К. В. Шах-Шуджа Джала ад-Дин // Все монархи мира. Мусульманский Восток. VII—XV вв. — М. : Вече, 2004
169. Камалиддинов Ш. С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX-начала XIII веков
170. Гордлевский В. А. Избранные сочинения. — М.: Издательство восточной литературы, 1962.

Особые Благодарности

Я хочу поблагодарить доктора исторических наук, профессора Национального Университета Узбекистана, действующего Академика Академии Наук республики Узбекистан Сагдуллаева Анатолия Сагдулаевича и Юлдашева Латифа Фарходовича, Зияеву Элнору Гуломжонову за творческие решения, профессиональный подход и сбор исторических данных.

И так же хочу поблагодарить свою семью за неувядающую веру в меня.